К. В. СИВКОВЪ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

Курсъ элементарный.

Для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

СЪ РИСУНКАМИ И КАРТАМИ.

Часть I.

Москва.—1917

МОСКВА.
Типографія Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д 9.
1917.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемый учебникъ представляетъ собой *элементарный* курсъ русской исторіи. Авторъ—противникъ эпизодическаго курса на первой ступени изученія исторіи и полагаетъ, что начальный курсъ исторіи можетъ и долженъ показать учащимся 10—12 лѣтъ *эволюцію* общаго хода русской исторіи въ его важнѣйшихъ явленіяхъ. Къ этому и стремился авторъ. Элементарность курса опредѣлятъ, какъ количество и характеръ матеріала, такъ и способъ изложенія.

Лица, которыя будутъ пользоваться даннымъ учебникомъ, замѣтятъ, конечно, что характеръ изложенія въ немъ не вездѣ одинаковъ: разсказъ о событіяхъ смѣняется описаніемъ разнаго рода явленій въ ихъ статическомъ состояніи, при чемъ такое описаніе всегда дѣлается по картинѣ, помѣщенной рядомъ въ текстѣ (изъ серій г. Князькова, г.г. Тарасова и Гартвига и изъ изд. Сытина). Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы выдѣлить извѣстныя типическія явленія и содѣйствовать ихъ большему запечатлѣнію въ памяти учащихся. Съ другой стороны авторъ полагаетъ, что такія описанія могутъ содѣйствовать развитію самодѣятельности въ учащихся: они могутъ быть использованы, какъ примѣры для самостоятельнаго разсказа по картинамъ—которыми, надо полагать, снабжена теперь всякая средняя школа за самыми рѣдкими исключеніями. Такимъ образомъ часть матеріала учебника будетъ учащимися заучиваться, другая часть будетъ служить матеріаломъ для разсказа по картинѣ—устнаго или письменнаго, класснаго или домашняго, это уже будетъ зависѣть отъ преподавателя.

Выпуская сейчасъ въ свѣтъ 1-ю часть своего учебника, содержаніе которой охватываетъ курсъ 1—1½ лѣтъ изученія исторіи въ младшихъ классахъ средней школы, авторъ считаетъ долгомъ предупредить, что 2-я часть непосредственно слѣдуетъ за ней. Въ дальнѣйшемъ авторъ предполагаетъ выпустить въ дополненіе къ своему учебнику особую хрестоматію.

Августъ, 1917 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Мы живемъ въ государствѣ, которое занимаетъ огромное пространство (см. карту) и является первымъ по размѣрамъ на всемъ свѣтѣ. Населеніе его равняется 180-ти мил. человѣкъ. У насъ есть много большихъ городовъ, соединенныхъ между собой желѣзными и шоссейными дорогами; по улицамъ этихъ городовъ движутся по всѣмъ направленіямъ трамваи и автомобили; по вечерамъ онѣ освѣщаются газовыми или электрическими фонарями. По улицамъ подъ землей проложены трубы, разносящія воду по всему городу. Большіе рынки и громадные магазины заключаютъ въ себѣ все необходимое для жизни; съ помощью денегъ—бумажныхъ, золотыхъ, серебряныхъ или мѣдныхъ, тутъ можно достать (въ обычное время, но не сейчасъ во время войны) все, что только растетъ или производится гдѣ-либо на свѣтѣ. Но если мы спросимъ нашихъ стариковъ, такъ ли все было во времена ихъ далекой молодости, то они намъ скажутъ, что многихъ городовъ тогда (лѣтъ 40—50 тому назадъ) намъ еще не принадлежало (напр. города Батумъ, Карсъ, Асхабадъ, Мервъ, Ташкентъ); изъ многихъ, даже большихъ, городовъ въ другіе можно было проѣхать только на лошадяхъ,—а лѣтомъ, кромѣ того, на пароходѣ (Херсонъ, Архангельскъ, Астрахань); ни трамваевъ, ни автомобилей на улицахъ городовъ не было, а по нимъ ѣздили только на извозчикахъ; освѣщенія во многихъ городахъ не было почти никакого, и только на главныхъ улицахъ большихъ городовъ горѣли керосиновые фонари. Воду по городу развозили въ бочкахъ, а въ каждомъ домѣ для сливанія ея была кадка. Такъ какъ при многихъ домахъ были свои сады и огороды, то не всѣ жители города покупали на рынкахъ фрукты и овощи; многихъ товаровъ въ лавкахъ не было совсѣмъ, такъ какъ ихъ нельзя было привезти. Если же мы поразспросимъ какого-нибудь старика, который помнитъ вторженіе Напол еноевъ Россію 105 лѣтъ тому назадъ (такіе старики еще есть), то мы узнаемъ, что тогда желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ не

было совсѣмъ, улицы въ громадномъ большинствѣ городовъ были совсѣмъ немощеныя, вмѣсто асфальтовыхъ тротуаровъ были настланы доски (какъ теперь въ сибирскихъ городахъ— Томскъ, Иркутскъ); о 8-ми и 10-ти этажныхъ домахъ никто и понятія не имѣлъ, и т. д. Разсказалъ бы онъ намъ также, что большая часть населенія Россіи состояла тогда изъ несвободныхъ, крѣпостныхъ людей; грамотнаго человѣка въ деревнѣ найти было не легко (теперь въ Россіи на каждые 100 человѣкъ приходится 27 грамотныхъ). Такъ измѣнилась наша жизнь за 100 лѣтъ, которые прошли со времени памятнаго для насъ нашествія Наполеона.

Но если бы мы захотѣли узнать, каково было наше государство и какъ шла жизнь въ немъ, положимъ, 150 лѣтъ тому назадъ, то никто изъ нынѣ живущихъ людей не могъ бы разсказать намъ объ этомъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ; поэтому намъ пришлось бы обратиться къ книгамъ, написаннымъ въ то время, найти дома и вещи, сохранившіеся отъ того времени, осмотрѣть и изучить ихъ и т. д. и на основаніи всего этого возстановить картину прошлой жизни. Но не каждый можетъ это сдѣлать, а между тѣмъ всякому интересно знать, что было въ нашемъ государствѣ раньше, какъ жили въ немъ наши предки и какъ оно постепенно приняло тотъ видъ, который имѣетъ сейчасъ. Тутъ намъ на помощь приходитъ наука, называемая *исторіей*. Собирая остатки старины (часто ихъ приходится откапывать глубоко подъ землей), давнишнія записи людей о томъ, что они видѣли и слышали, всякіе указы и манифесты государей, народныя пѣсни и сказки,—разбирая и изслѣдуя все это, исторія и разсказываетъ о томъ, какъ жили люди раньше и какъ съ теченіемъ времени ихъ жизнь мѣнялась. Исторія Россіи разскажетъ намъ о томъ, что было въ нашемъ государствѣ раньше, и какъ оно приняло нынѣшній видъ.

Мы не знаемъ, какіе люди были первыми жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ сейчасъ расположено наше государство. Но на основаніи раскопокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно предполагать древнѣйшія человѣческія поселенія (за много вѣковъ до Р. Хр.), мы знаемъ, чѣмъ эти люди раньше занимались, какъ одѣвались, что ѣли: при раскопкахъ находятъ каменные топоры и молотки, каменные же или изъ рыбьихъ костей наконечники стрѣлъ, каменныя бусы и ожерелья, черепки

Борьба съ мамонтомъ.

(Картина Васнецова).

глиняныхъ, грубо сдѣланныхъ сосудовъ; кости какихъ-то громадныхъ животныхъ; такимъ образомъ эти люди (ихъ было очень немного), очевидно, занимались охотой на дикихъ звѣрей; мясо ихъ они употребляли въ пищу, а изъ ихъ шкуръ дѣлали себѣ одежду; кромѣ того, они занимались рыбной ловлей. при чемъ крючками у нихъ служили опять таки кости животныхъ или рыбъ. Скотоводствомъ они не занимались, хлѣба не сѣяли. Остатковъ ихъ жилищъ не сохранилось никакихъ; вѣроятно, они жили въ пещерахъ по высокимъ берегамъ рѣкъ и по склонамъ большихъ овраговъ. Они умѣли добывать огонь—тренiемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева, но пользовались имъ, вѣроятно, не для приготовленiя пищи, а для того, чтобы согрѣться и отогнать ночью дикихъ звѣрей. Тяжело жилось тогдашнему человѣку; и теперь еще въ Россiи много лѣсовъ, много рѣкъ, озеръ и болотъ; тогда лѣсовъ было еще больше и они были сплошь дремучiе; больше было и рѣкъ, и озеръ, и болотъ, такъ какъ многiя изъ нихъ потомъ съ вырубанiемъ лѣсовъ высохли. Лѣса были полны дикихъ звѣрей, большихъ и сильныхъ, и человѣку всегда нужно было быть на сторожѣ. Кости этихъ животныхъ находятъ теперь при раскопкахъ въ разныхъ частяхъ Россiи; иногда онѣ сами обнаруживаются при большихъ обвалахъ по крутымъ берегамъ рѣкъ. Самымъ крупнымъ изъ этихъ животныхъ былъ мамонтъ, во многомъ очень похожiй на слона (см. картину „Борьба съ мамонтомъ"). Холодно, сыро и мрачно было въ большей части тогдашней Россiи. И вся жизнь человѣка уходила на борьбу за свое существованiе.

Но мало по малу въ этой борьбѣ онъ закалился, сталъ находчивѣе и изобрѣтательнѣе. Онъ видѣлъ, насколько непрочны каменные топоры: они легко могутъ расколоться при борьбѣ съ дикимъ звѣремъ отъ сильнаго удара; каменный наконечникъ стрѣлы тоже легко можетъ сломаться, а приготовить топоръ и наконечникъ стрѣлы изъ камня не легко: надо найти твердую породу камня, но въ то же время такую, чтобы камень можно было бы отшлифовать (а вѣдь для этого, кромѣ другихъ камней, у человѣка ничего не было) и просверлить въ немъ отверстiе для рукоятки топора; такая работа можетъ занять иногда нѣсколько недѣль — и вдругъ, сильный, можетъ быть, не совсѣмъ ловкiй ударъ, и молотокъ разлетѣлся на куски! Все это заставило человѣка искать такого матерiала для своихъ орудiй, который былъ

бы прочнѣе камня, но въ то же время легче бы поддавался обработкѣ. Къ тому же въ предѣлахъ Россіи появились новые пришельцы, которые уже имѣли болѣе прочныя орудія изъ металла; они также раньше пользовались каменными орудіями, но потомъ научились приготовлять ихъ изъ другого матеріала. Такой матеріалъ они нашли въ мѣди; расплавивъ ее, они могли приготовить изъ нея орудіе любой формы и величины, которое не ломалось так, какъ каменное. Но такъ какъ мѣдь мягкій металлъ, то топоръ или наконечникъ стрѣлы, сдѣланные изъ нея, легко тупятся и зазубриваются; надо часто ихъ оттачивать и исправлять. Поэтому къ расплавленной мѣди люди догадались прибавлять олово; полученный *сплавъ*—бронза, былъ уже много тверже и прочнѣе мѣди, и люди стали изъ него приготовлять всѣ свои орудія; потомъ они нашли металлъ еще болѣе прочный—желѣзо, хотя и болѣе трудный для обработки, и стали готовить орудія изъ него. У этихъ пришельцевъ прежніе жители Россіи научились очень многому въ дѣлѣ приготовленія орудій.

Съ помощью металлическихъ орудій человѣку стало легче охотиться. Легче ему было теперь устроить лодку для передвиженія по рѣкамъ и озерамъ—раньше лодку дѣлали посредствомъ выжиганія середины большого обрубка толстого дерева. Кромѣ того, теперь человѣкъ могъ устроить себѣ жилище изъ деревьевъ, которыхъ въ большей части Россіи такъ много было кругомъ, но обдѣлать которыя раньше ему было очень трудно; жилище онъ обносилъ деревяннымъ заборомъ для защиты отъ нападенія враговъ и звѣрей.

Въ то же время человѣкъ сталъ приручать животныхъ и научился пользоваться ими, не убивая ихъ: собака, которую человѣкъ приручилъ раньше всѣхъ другихъ животныхъ, помогала ему на охотѣ; изъ шерсти козъ и овецъ онъ сталъ приготовлять одежду; коровы давали ему молоко, творогъ и сыръ.

Въ тѣхъ мѣстахъ Россіи,—южныхъ (см. карту), гдѣ находятся степи, человѣкъ мало по малу перешелъ къ земледѣлію. Первоначально онъ, вѣроятно, только собиралъ сѣмена дико растущихъ растеній, поджаривалъ ихъ на огнѣ или, растирая на каменной мельницѣ, дѣлалъ изъ нихъ кашицу (хлѣба люди долго не умѣли печь). Потомъ сѣмена случайно, можетъ быть, брошенныя около его жилища и давшія черезъ нѣкоторое время новыя зерна, навели его на мысль, что лучше около своего жилища сдѣлать посѣвъ на вскопанной

землѣ, чѣмъ бродить по окрестностямъ и собирать въ травѣ нужныя ему колосья съ зернами. Первоначально человѣкъ вскапывалъ землю длинной деревянной мотыкой—палкой съ крючкомъ (въ видѣ корня или сука) на концѣ. Потомъ такую мотыку, но только большихъ размѣровъ, онъ сталъ таскать по землѣ, воткнувъ въ землю острый крюкъ мотыки. Такимъ способомъ онъ уже *вспахивалъ*, а не вскапывалъ землю. Когда были приручены животныя, человѣкъ сталъ впрягать ихъ въ такую соху; это давало ему возможность вспахать уже значительно большее пространство земли. Острый конецъ сохи онъ сталъ обивать металломъ; отъ этого онъ меньше тупился, былъ острѣе, крѣпче и лучше взрыхлялъ землю.

Никопольская ваза.

Такъ какъ не все, что нужно было человѣку для жизни, онъ могъ добыть самъ, онъ сталъ обмѣнивать то, что добывалъ самъ, на то, чего не было у него; такъ во время удачной охоты онъ могъ настрѣлять много пушныхъ звѣрей, шкуръ которыхъ у него и такъ уже было не мало, но у него былъ неурожай хлѣба, и вотъ онъ обмѣнивалъ шкуры бобровъ или медвѣдей на рожь или пшеницу. Такъ возникла у людей мѣновая *торговля*. Такую торговлю долгое время вели обитатели Россіи съ другими народами.

Въ теченіе многихъ столѣтій медленно и постепенно мѣнялась жизнь людей, населявшихъ нынѣшнюю Россію, но какіе именно это были люди, мы не знаемъ (какъ уже сказано выше). Мы знаемъ только, что это были разные народы, время отъ времени приходившіе въ предѣлы Россіи съ востока, и оказавшіе вліяніе на жизнь тѣхъ, которые поселились тутъ раньше; одни подолгу оставались въ Россіи,

кочуя въ ея южныхъ степяхъ, другіе только проходили черезъ нихъ, уходя дальше на западъ. Но вотъ отъ одного греческаго писателя—историка (Геродота) мы узнаемъ, что *за 5 столѣтій* до Р. Хр. въ нынѣшней южной Россіи, у береговъ Чернаго и Азовскаго морей (см. карту) жилъ народъ, который онъ называетъ скиѳами; они занимались и охотой, и рыбной ловлей, и скотоводствомъ, и земледѣліемъ. Кромѣ того, при раскопкахъ были найдены вазы, сдѣланныя (но когда именно, мы не знаемъ) сосѣдями скиѳовъ—греками, жившими по самымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; на этихъ вазахъ изображены скиѳы, согласно съ описаніемъ Геродота, за ихъ занятіями (см. рисунокъ, изображающій вазу, найденную близъ Никополя), и мы такимъ образомъ имѣемъ еще доказательство того, что за народъ жилъ въ Россіи за 5 столѣтій до Р. Хр., и чѣмъ эти люди занимались. Греки не были такими давними и постоянными жителями побережья Чернаго и Азовскаго морей, какъ скиѳы, они пришли сюда позже; въ 5 вѣкѣ до Р. Хр. они имѣли тутъ свои города (Херсонесъ, около нынѣшняго Севастополя, Ольвія при устьѣ южн. Буга, Пантикапей, около Керчи, и др.) и пріѣзжали сюда со своей родины (съ Балканскаго полуострова) за хлѣбомъ и за рыбой; сюда же они привозили свою глиняную посуду (ея много находятъ теперь при раскопкахъ), различныя матеріи, украшенія, оружіе.

Но ни скиѳы, ни греки не были нашими предками: это народы чужого намъ, не родственнаго племени Мы принадлежимъ къ славянскому племени (какъ и поляки, и чехи, и болгары, и сербы), которое поселилось въ нынѣшней Россіи только черезъ 7 столѣтій послѣ Р. Хр. или, значитъ, черезъ 12 столѣтій послѣ того времени, которое описывалъ греческій историкъ Геродотъ. За эти 12 столѣтій много разныхъ народовъ побывало въ Россіи—готы, гунны, авары и др. Всѣ они приходили съ Востока, изъ-за Волги и Каспійскаго моря (см. карту), и, поживши нѣкоторое время въ Россіи, или уходили дальше на западъ или покорялись другими народами, пришедшими имъ на смѣну съ Востока. Наконецъ, какъ уже сказано, черезъ 7 столѣтій послѣ Р. Хр. (или, значитъ 12 столѣтій тому назадъ, т. к. сейчасъ только начало XX стол.) въ нынѣшней Россіи появились наши предки славяне.

I. Славяне.

Славяне пришли въ нынѣшнюю Россію, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, изъ Западной Европы. Тамъ они жили по теченію рѣки Дуная и по склонамъ Карпатъ. Не всѣ славяне, которые жили на Дунаѣ и у Карпатъ, пошли въ Россію; одна ихъ часть пошла на Балканскій полуостровъ и заняла тѣ мѣста, гдѣ теперь находятся Болгарія и Сербія; другая — поселилась по рѣкамъ Вислѣ (въ нынѣшней Польшѣ), Одеру и Эльбѣ (въ Германіи); третья осталась жить вблизи Дуная, къ сѣверу отъ него; это моравы и чехи (въ нынѣшней Австріи).

Славяне, которые пришли въ Россію, поселились по рѣкѣ Днѣпру съ его притоками, по верхнимъ притокамъ рѣки Волги и вокругъ Ильмень-озера (см. карту). Всѣ эти мѣста, кромѣ тѣхъ, что лежатъ южнѣе Кіева, были покрыты дремучими лѣсами; недаромъ одно изъ славянскихъ племенъ (на рѣкѣ Припети) получило названіе *древлянъ* — отъ слова древо—дерево; а то племя, которое жило около Кіева, гдѣ были степи, поля, называлось *полянами*.

У всѣхъ славянъ, поселившихся въ Россіи, или *восточныхъ*, какъ ихъ называютъ, (они пошли на востокъ отъ своего первоначальнаго мѣста жительства). не было одного царя или князя, не было одинаковыхъ для всѣхъ законовъ и порядковъ; мѣста ихъ поселеній часто мѣнялись, и у нихъ не было опредѣленныхъ границъ, которыя отдѣляли бы ихъ отъ сосѣдей, принадлежавшихъ совсѣмъ къ другимъ племенамъ. Поэтому и можно сказать, что у восточныхъ или русскихъ славянъ не было въ это время (т.-е. въ 8-мъ и 9-мъ вѣкахъ послѣ Р. Хр). государства. Какъ же они жили въ это время?

Вотъ на берегу рѣки (см. картину „Славянскій поселокъ“) расположился славянскій поселокъ. Для него выбранъ высокій берегъ, чтобы во время весенняго разлива вода не заливала домовъ и хозяйственныхъ построекъ; кромѣ того, такое мѣсто легче укрѣпить на случай нападенія непріятелей или дикихъ звѣрей

(особенно въ зимнее время, когда они часто голодаютъ); и мы видимъ, что поселокъ обнесенъ заборомъ—плетнемъ. Въ иныхъ случаяхъ вмѣсто плетня устраивался частоколъ, т.-е. въ землю вбивались стоймя, одинъ къ другому, большіе, заостренные къ верху колья. Для проѣзда и прохода устраивались ворота и калитки.

Кругомъ поселка лѣсъ, только кое-гдѣ вырубленный и выкорчеванный. Срубленныя деревья пошли на постройку избъ и

Славянскій поселокъ.

(Картина Максимова).

сараевъ. Избы невелики по размѣрамъ, темны и грязны внутри; печей въ нихъ нѣтъ, а огонь разводится на очагѣ по серединѣ избы; дымъ стелется по всей избѣ и медленно выходитъ въ отверстіе въ крышѣ (въ дурную погоду и послѣ топки оно можетъ быть закрыто*). Въ холода тутъ же помѣщаются телята, ягнята и поросята. Коровы, лошади, свиньи и овцы помѣщаются въ хлѣвахъ.

Въ поселкѣ живетъ нѣсколько родственныхъ семей, но

---

*) Такія, такъ называемыя, *курныя* избы кое-гдѣ сохраняются и теперь.

есть и совсѣмъ чужія другъ другу; соединиться вмѣстѣ ихъ заставила необходимость; такъ легче обороняться отъ всякихъ нападеній, чѣмъ если семьямъ жить порознь, вдали другъ отъ друга; такъ легче предпринять большую охоту или рыбную ловлю. Всѣ взрослые мужчины и юноши поселка рѣдко сидятъ дома: они то на охотѣ, то на рыбной ловлѣ. Вотъ мы видимъ, какъ нѣсколько охотниковъ возвращаются домой: большая птица (глухарь или тетеревъ) и дикая коза составляютъ ихъ добычу. Кое-гдѣ жители поселка пытаются расчистить лѣсъ или хоть расширить поляны въ немъ, чтобы посѣять хлѣбъ. Но если бы мы заглянули въ поселокъ, расположенный въ степи, то около него мы увидѣли бы много полей съ хлѣбомъ и цѣлые табуны и стада скота.

Въ окрестныхъ лѣсахъ жители поселка добывали, кромѣ того, медъ и воскъ дикихъ пчелъ, устраивавшихъ свои ульи въ дуплахъ деревьевъ.

Жизнь среди густого темнаго лѣса, въ постоянныхъ охотахъ и борьбѣ съ сосѣдями сдѣлала жителей поселка суровыми и жестокими людьми. За убитаго родственника они мстятъ убійствомъ, плѣнныхъ обращаютъ въ рабовъ и продаютъ ихъ, какъ всякій другой товаръ; невѣстъ себѣ они похищаютъ, не заботясь о согласіи ни дѣвушекъ, ни ихъ родителей. Но если въ поселокъ зайдетъ гость, ему дадутъ пріютъ, накормятъ и напоятъ, и никто его не обидитъ ни тутъ, ни на земляхъ, принадлежащихъ поселку.

Когда кто-либо изъ жителей поселка умираетъ, то устраивается похоронный пиръ (тризна); затѣмъ тѣло умершаго вмѣстѣ съ убитымъ конемъ, быкомъ и собаками кладется на костеръ и сжигается. Иногда жена умершаго или кто-либо изъ рабовъ добровольно обрекаютъ себя на смерть и тогда ихъ тѣла сжигаютъ на томъ же кострѣ. Потомъ кости умершаго собираютъ въ особый сосудъ (урну) и ставятъ на столбѣ на перекресткѣ дорогъ.

Всѣ смѣны временъ года отмѣчаются жителями поселка особыми праздниками или „игрищами". Поворачиваетъ зима на весну (въ декабрѣ, когда дни начинаютъ увеличиваться, а ночи сокращаться) — устраиваютъ праздникъ *коляда* *); на масленицѣ, какъ только повѣетъ весеннимъ тепломъ, справляютъ праздникъ Морены, богини зимы и смерти: за деревню вывозятъ соломенное

---

*) Пріуроченный впослѣдствіи къ днямъ Рождества Христова. „Колядуютъ" въ Малороссіи и теперь.—Прочтите разсказъ Гоголя: „Ночь подъ Рождество".

чучело и сжигаютъ его. Но вотъ весна уже пришла — тогда бываетъ праздникъ Красная горка или Радуница; на пригоркахъ, покрытыхъ свѣжей зеленью и освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Затѣмъ наступаетъ Семикъ (около Троицына дня), въ который дѣвушки бросаютъ въ воду вѣнки, гадая о своей судьбѣ. Наконецъ, и лѣто поворачиваетъ на осень, дни становятся короче, ночи — длиннѣе; тутъ устраиваются праздники въ честь боговъ Ярилы и Купалы (пріурочены впослѣдствіи къ дню св. Іоанна Крестителя, 24 іюня).

Но есть боги посильнѣе и поважнѣе Коляды, Ярилы или Купалы. Есть богъ неба Сварогъ, у котораго сынъ — солнце, Дажь-богъ, Хорсъ или Велесъ (Волосъ). Есть богъ грома и молніи Перунъ и богъ вѣтра Стрибогъ. Грозны и могущественны эти боги и надо умилостивлять ихъ жертвами: человѣческими или звѣриными. Слѣдуетъ также почитать лѣшаго, полевого и водяного. Въ домѣ живетъ домовой, сѣденькій старичекъ; онъ сидитъ за печкой или хлопочетъ во дворѣ и въ конюшнѣ. За печку ему слѣдуетъ поставить ужинъ, а, переселяясь въ другую избу, надо взять изъ печки горячихъ углей и перенести въ новую печь. Кромѣ домового, есть еще домашніе боги: „родъ“ и „роженицы“, души предковъ, мужчинъ и женщинъ, умершихъ тогда, когда родственныя семьи не раздѣлялись еще, а жили вмѣстѣ большимъ обществомъ—родомъ.

Со своими товарами жители поселка не ѣздили далеко: обыкновенно лишь до ближайшаго большого села или города; такихъ городовъ было тогда (въ 8-мъ и 9-мъ вѣкахъ) уже нѣсколько (см. карту): Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль. А отсюда уже мѣстные богачи - купцы повезутъ эти товары къ сосѣдямъ славянъ: хозарамъ, камскимъ болгарамъ, или еще дальше — въ Грецію, откуда, а также изъ Аравіи тоже пріѣзжаютъ купцы на Русь—не даромъ во многихъ мѣстахъ теперь находятъ при раскопкахъ серебряныя арабскія монеты *диргемы*.

II. Первые князья.

Шумно и людно бывало въ славянскихъ городахъ (см. выше на этой стр.) весной, когда жители окрестныхъ поселковъ свозили сюда свои товары для продажи; лодки съ этими товарами занимаютъ обыкновенно оба берега рѣки, на которой расположился городъ.

Повсюду снуютъ купцы — славянскіе, арабскіе, греческіе и др., скупающіе эти товары и грузящіе ихъ на свои суда. Въ то же время съ верховьевъ рѣки спускаются уже груженыя лодки другихъ купцовъ. И такимъ образомъ у Чернигова или Кіева ихъ набирается не одна сотня. Надо двигаться въ далекій путь, въ страну грековъ, въ Царьградъ (теперь Константинополь, см. карту), но для этого нужно нанять сторожевой отрядъ или дружину воиновъ, которые защищали бы караванъ купцовъ отъ нападеній тѣхъ дикихъ кочевниковъ, которые заняли южно-русскія степи и подстерегали въ нихъ купцовъ. И чѣмъ больше лодокъ въ купеческомъ караванѣ, тѣмъ больше дружинниковъ нужно нанять.

Не менѣе людно бывало въ славянскихъ городахъ и тогда, когда до нихъ и до окрестныхъ жителей доходили вѣсти, что степняки-кочевники подбираются къ ихъ поселеніямъ. Всѣ спѣшили тогда поскорѣе укрыться въ городъ, который былъ *огороженъ* (откуда и самое слово *городъ*) деревяннымъ частоколомъ, обнесенъ валомъ и рвомъ. И на это время нужна была дружина, чтобы отбить непріятельскіе приступы къ городу.

Чѣмъ ближе городъ лежалъ къ степи, тѣмъ чаще на него могли нападать кочевники; поэтому тутъ нужно было постоянно держать дружины воиновъ, которые бы всегда были готовы отразить врага. Такъ и было въ дѣйствительности: и Кіевъ и Черниговъ и другіе города нанимали къ себѣ на службу отряды дружинниковъ какъ для охраны самаго города, такъ и для обереганія въ пути купеческихъ каравановъ. Такіе отряды состояли изъ славянъ, но часто они набирались и изъ *варяговъ* или *норманновъ*. Эти норманны или варяги жили на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ нынѣшнихъ Швеціи и Норвегіи (см. карту); почва тамъ очень неплодородная, климатъ суровый, а народа съ каждымъ годомъ становилось все больше; часто происходили тамъ среди варяговъ усобицы. Все это заставляло многихъ выселяться изъ Скандинавіи; то какъ купцы, то просто какъ разбойники-грабители, варяги стали все чаще появляться въ сосѣднихъ странахъ; они направлялись въ нынѣшнія Германію, Францію и Англію; многіе по Финскому заливу (см. карту), черезъ р. Неву, Ладожское озеро и рѣку Волховъ пробирались на Ильмень-озеро къ славянамъ, которые жили по его берегамъ и по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ него и вытекающихъ изъ него (главнымъ городомъ этихъ славянъ былъ Новгородъ, лежавшій при истокѣ р. Волхова изъ о. Ильменя); затѣмъ черезъ

р. Ловать они спускались на Днѣпръ и попадали въ Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, дальше по Днѣпру доѣзжали до его устья, а потомъ, плывя вдоль берега Чернаго моря, добирались и до Царьграда. Закованные въ латы и кольчуги, съ мечами, копьями и щитами въ рукахъ, они охотно принимались на службу тѣми городами, которые лежали на всемъ этомъ водномъ пути (онъ назывался *Великимъ воднымъ путемъ* или путемъ „Изъ Варягъ въ Греки"). Но бывало и такъ, что, дойдя до какого-нибудь беззащитнаго города, они захватывали его, подчиняли его своей власти, а начальникъ дружины становился его правителемъ или княземъ. Или, нанявшись въ городъ на службу, они потомъ въ удобный моментъ захватывали власть надъ нимъ. То же дѣлали не рѣдко въ городахъ и славянскіе дружинники. Такъ въ разное время и при разныхъ условіяхъ появились славянскіе и варяжскіе князья въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ и въ другихъ городахъ, лежавшихъ на Великомъ водномъ пути.

Потомъ о появленіи первыхъ князей въ городахъ наши предки разсказывали такъ.

Русскіе славяне, жившіе около степей, платили въ IX столѣтіи послѣ Р. Хр. дань хозарамъ, которые жили между р. Днѣпромъ и р. Волгой (см. карту); а тѣ славяне, которые жили около озера Ильменя, платили дань варягамъ изъ-за моря. Долго они платили дань покорно, но въ 862 г. отъ Р. Хр. они возмутились противъ варяговъ, прогнали ихъ за море, перестали платить имъ дань и начали управляться сами. Но вскорѣ же у нихъ начались раздоры и усобицы, и тогда ильменскіе славяне рѣшили между собою такъ: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, и судилъ насъ по праву". Они отправили за море къ варягамъ пословъ, и тѣ, явившись туда, сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, но въ ней нѣтъ порядка; приходите княжить и владѣть нами". По этому зову въ русскую землю пришли 3 брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Старшій изъ нихъ—Рюрикъ, сдѣлался княземъ въ Новгородѣ Синеусъ — въ Бѣлоозерѣ, а Труворъ—въ Изборскѣ, около Пскова (см. карту). По смерти братьевъ Рюрикъ подчинилъ себѣ ихъ города и сдѣлался такимъ образомъ княземъ обширныхъ областей.

Вотъ съ этого-то событія, съ призванія варяжскихъ князей въ 862 г. отъ Р. Христова, какъ разсказывали потомъ, и принято считать начало русскаго государства.

О томъ, какъ княжилъ Рюрикъ, мы не знаемъ ничего достовѣрнаго. Точно также мало достовѣрнаго мы знаемъ о тѣхъ

князьяхъ, которые княжили на Руси въ теченіе цѣлыхъ 100 лѣтъ послѣ Рюрика. Въ народныхъ же пѣсняхъ или былинахъ вотъ что разсказывалось о нихъ и что было позже записано.

Олегъ. Послѣ смерти Рюрика остался малолѣтній сынъ Игорь; поэтому княземъ сталъ родственникъ Рюрика — Олегъ. Сначала онъ княжилъ въ Новгородѣ, но потомъ онъ захотѣлъ овладѣть всѣмъ Великимъ воднымъ путемъ, и потому отправился на р. Днѣпръ.

Спускаясь внизъ по теченію и покоривъ Смоленскъ и Любечъ, Олегъ съ дружиной добрался до Кіева. Здѣсь княжили два брата: Аскольдъ и Диръ. Олегъ рѣшилъ овладѣть Кіевомъ и добился этого съ помощью хитрости и вѣроломства. Спрятавъ на берегу Днѣпра большую часть своей дружины, онъ послалъ въ городъ сказать князьямъ Аскольду и Диру, что купцы, направляющіеся въ Царьградъ, просятъ ихъ притти къ нимъ для переговоровъ. Когда Аскольдъ и Диръ пришли къ Днѣпру, дружина Олега выскочила изъ засады и убила кіевскихъ князей съ ихъ свитой. Такъ Олегъ сдѣлался кіевскимъ княземъ.

Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ сталъ покорять славянскія племена, которыя платили дань степнякамъ-кочевникамъ, и заставилъ ихъ платить дань ему. Не разъ ходилъ онъ на нихъ походомъ, чтобы отомстить имъ за ихъ „буйные набѣги“ *), и расчистить для русскихъ купцовъ путь по Днѣпру въ Грецію. Такимъ образомъ княжество Олега было уже много больше и богаче княжества Рюрика.

Чтобы славянскимъ купцамъ было выгоднѣе торговать съ Греціей, Олегъ рѣшилъ добиться отъ грековъ разныхъ льготъ для нихъ. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ походъ на Царьградъ. (До него такой походъ уже совершили Аскольдъ и Диръ).

Болѣе 2,000 лодокъ отплыли изъ Кіева подъ предводительствомъ самого князя.

Дологъ былъ ихъ путь. Спустившись по Днѣпру до его пороговъ **) (см. карту), рать Олега вытащила лодки на берегъ и, то неся ихъ на себѣ, то волоча вдоль берега, обогнула пороги. Потомъ воины опять сѣли въ лодки и уже безпрепятственно спустились къ устью рѣки. Но вотъ уже и обширная гладь Чер-

---

*) Прочтите стихотвореніе Пушкина: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

**) Порогами на рѣкѣ называются камни и скалы, выступающіе на поверхность воды и дѣлающіе очень опаснымъ плаваніе по ней даже для маленькихъ судовъ; большіе же суда тутъ не могутъ плыть.

наго моря. На своихъ небольшихъ сравнительно лодкахъ войско Олега не рѣшилось пуститься прямо въ открытое море и поплыло къ Царьграду вдоль берега. Не разъ лодки приставали къ берегу, чтобы запастись свѣжей прѣсной водой и провизіей; не разъ при этомъ приходилось имъ выдерживать стычки со степняками-кочевниками, которые обыкновенно подстерегали русскихъ купцовъ при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море.

Наконецъ, войско Олега достигло Босфора,—пролива, соединяющáго Черное море съ Мраморнымъ; на берегу этого пролива и его залива — Золотого Рога, и лежитъ Царьградъ (теперь Константинополь). Узнавъ о приближеніи русскаго войска, греки загородили громадной цѣпью входъ въ Золотой Рогъ.

Тогда Олегъ приказалъ вытащить суда на берегъ и началъ опустошать окрестности города; много домовъ было разрушено, церкви сожжены, а захваченные въ плѣнъ греки убиты. Но городъ все не сдавался. Тогда Олегъ приказалъ своимъ воинамъ поставить лодки на колеса. Дождавшись попутнаго вѣтра, воины распустили паруса и по сухому пути двинулись къ городу. Греки испугались и согласились уплатить Олегу дань, лишь бы только онъ ушелъ отъ города. Олегъ согласился и заключилъ съ греками миръ, по которому тѣ обязались ежегодно платить ему опредѣленную дань. Въ знакъ своей побѣды надъ Царьградомъ Олегъ велѣлъ прибить къ его воротамъ свой щитъ.

Съ громкой славой и богатой добычей вернулся Олегъ въ Кіевъ изъ своего разбойничьяго набѣга на Царьградъ. Народъ сталъ считать его вѣщимъ, т.-е. мудрымъ и *все* знающимъ,— даже то, что случится въ будущемъ.

Игорь и Ольга. По смерти Олега его мѣсто занялъ Игорь, сынъ Рюрика. Подобно Олегу онъ много воевалъ; два раза онъ ходилъ походомъ на Грецію. Первый его походъ былъ неудаченъ, такъ какъ флотъ его былъ истребленъ греками при помощи какихъ-то разрывныхъ снарядовъ—ихъ называли тогда просто „греческимъ огнемъ“. Но во второй разъ онъ добился многаго: греческій императоръ, чтобы предотвратить нападеніе войскъ Игоря на свою столицу, отправилъ къ нему навстрѣчу посольство и предложилъ увеличить дань, которую греки платили русскимъ князьямъ при Олегѣ. По совѣту дружины Игорь согласился на миръ, заключивъ съ греками выгодный для Руси договоръ, и, получивъ много золота и дорогихъ матерій, вернулся въ Кіевъ. Черезъ годъ онъ погибъ въ землѣ древлянъ, куда онъ пошелъ за сборомъ дани.

Такъ какъ сынъ Игоря, Святославъ, былъ малолѣтнимъ, то княжить стала жена Игоря, Ольга.

Прежде всего она подавила возстаніе древлянъ, поднявшихся на ея мужа за очень большіе поборы, и жестоко имъ отомстила за смерть Игоря. Затѣмъ она точно опредѣлила, кто сколько дани долженъ ей платить. Потомъ она въ сопровожденіи большой свиты и своего духовника совершила путешествіе въ Царьградъ. Тамъ она была принята съ большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Святославъ. Ольгѣ наслѣдовалъ ея сынъ Святославъ. О немъ сложилось много легендъ, и въ нихъ разсказывалось, что, когда онъ выросъ, то собралъ дружину и все время проводилъ съ ней въ походахъ, ходя легко, какъ барсъ. Въ походахъ съ нимъ не было обоза; онъ не возилъ съ собой котловъ и не варилъ мяса, а просто пекъ на угольяхъ тонкіе ломти говядины или конины; у него не было шатра, и онъ спалъ подъ открытымъ небомъ, положивъ подъ голову сѣдло. Онъ много заботился о своей дружинѣ, дѣля съ нею всѣ труды и радости походовъ, и дружина любила его. Мать Святослава, Ольга, принявъ христіанство, не разъ убѣждала сына креститься; Святославъ отвѣчалъ ей: «Какъ мнѣ перемѣнить законъ (т. е. вѣру) одному? Дружина начнетъ смѣяться надо мною!»

Святославъ много воевалъ—и съ вятичами *) (по р. Окѣ, см. карту), и съ камскими болгарами, и съ хозарами; ходилъ онъ даже на сѣверъ Кавказа. Но больше всего онъ воевалъ на Дунаѣ съ болгарами и съ греками. Во время одного изъ такихъ его походовъ, на Кіевъ напали печенѣги и чуть было его не взяли, такъ что кіевляне послали сказать ему: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а отъ своей удалился. Насъ съ твоей матерью и дѣтьми чуть было не взяли печенѣги. Если ты не придешь и не оборонишь насъ, они насъ одолѣютъ. Неужели тебѣ не жаль своей отчизны (т. е. отцовскаго наслѣдія), своей престарѣлой матери и дѣтей»? Получивъ это извѣстіе, Святославъ поскакалъ съ дружиной въ Кіевъ и, собравъ тамъ войско, прогналъ печенѣговъ въ степь. Скоро его опять потянуло въ Болгарію, и только уговоры матери подождать хотя бы ея смерти—она была тогда очень больна, заставили его остаться въ Кіевѣ. Похоронивъ вскорѣ мать, Святославъ двинулся въ Болгарію и хотѣлъ даже свою столицу изъ Кіева перенести въ Переяславецъ на Дунаѣ (см. карту).

---

*) Одно изъ славянскихъ племенъ.

Греки испугались такого близкаго сосѣдства могущественнаго русскаго князя и рѣшили прогнать его отсюда. Въ войнѣ съ греками Святославъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ по заключеніи мира уйти на Русь. На Днѣпровскихъ порогахъ его подстерегли печенѣги и, напавъ врасплохъ, убили.

III. Сборъ княжеской дани и торговля съ греками.

Первые князья—Рюрикъ, Олегъ, Игорь, Ольга, Святославъ, какъ мы видѣли, много воевали. Но что они дѣлали въ мирное время?

Наступаетъ осень. Походы въ степь окончены, и кочевники отошли подальше на югъ, гдѣ теплѣе и больше подножнаго корма для скота. Населеніе убрало хлѣбъ и сѣно, собрало овощи съ огородовъ, обобрало ульи дикихъ пчелъ; охотники принялись за свой промыселъ. И вотъ князь отправляется за сборомъ дани среди подвластныхъ ему племенъ или, въ «полюдье», какъ говорили тогда. Деревни, которыя лежатъ близко отъ того города, гдѣ онъ живетъ, князь оставляетъ въ сторонѣ: жители ихъ сами должны привезти установленную дань къ князю въ городъ; сюда же, на княжескій дворъ, они должны притти и по своимъ судебнымъ дѣламъ. Итакъ, миновавъ ближайшія деревни, князь съ дружиной и большимъ обозомъ пріѣзжаетъ въ какое-нибудь селеніе (см. картину „Полюдье"). Лучшая изба въ селеніи отводится князю со свитой, остальные его слуги помѣщаются въ домахъ похуже. Работа начинается съ утра. Такъ какъ избы малы и тѣсны, а никакихъ болѣе просторныхъ общественныхъ зданій въ селеніи нѣтъ, то князь располагается для производства суда подъ открытымъ небомъ; гдѣ-нибудь около избы разстилаютъ коверъ греческой работы, на него ставятъ скамейку, покрытую парчей — и мѣсто для князя готово. Когда князь садится на приготовленномъ мѣстѣ, около него становятся его „мечникъ" съ княжескимъ мечомъ и щитомъ и старшій бояринъ. Одинъ за другимъ подходятъ къ князю жители даннаго селенія и другихъ сосѣднихъ, оповѣщенные о томъ, гдѣ остановился князь, и князь по обычаямъ, по старинѣ разбираетъ ихъ споры и обиды. Въ то же время дѣло кипитъ у возовъ, охраняемыхъ дружинниками: со всѣхъ сторонъ къ княжескому приказчику везутъ и несутъ дань; кто приноситъ кадки съ медомъ и масломъ, кто шкуры звѣрей; приказчикъ на особой палкѣ, „биркѣ", дѣлаетъ условныя отмѣтки, что такимъ-то дань

Полюдье. (Картина Лебедева).

уплочена; эти „бирки“ замѣняютъ квитанціи нашего времени. Дань такимъ образомъ уплачивается не деньгами, какъ теперь уплачиваются разные налоги, а различными произведеніями хозяйства; происходитъ это отъ того, что населеніе тогда мало торговало, а потому денегъ у него было очень мало, и всякому легче было уплатить положенную дань звѣриными шкурами, сушеной рыбой или хлѣбомъ.

Нагруженные возы постепенно начинаютъ выѣзжать изъ селенія подъ охраной княжескихъ дружинниковъ; тѣмъ временемъ и князь кончаетъ разборъ судебныхъ дѣлъ и тоже двигается въ дальнѣйшій путь. Такъ проходятъ вся осень, зима и начало весны. Когда начинаетъ таять снѣгъ, князь со всей своей свитой, дружиной и обозомъ спѣшитъ вернуться въ свой городъ, такъ какъ иначе разлившіяся рѣки и озера и оттаявшія болота могутъ надолго задержать его въ какомъ-либо мѣстѣ.

Вернувшись домой, князь распредѣляетъ собранную дань на части: одна часть остается въ княжескихъ амбарахъ на прожитіе въ теченіе года, другая часть раздается княжескимъ слугамъ и дружинникамъ вмѣсто жалованья, третья—идетъ на продажу. Эту часть добычи грузятъ въ лодки для отправки въ Грецію.

Между тѣмъ къ городу со всѣхъ сторонъ свозятъ свои товары частные купцы и тоже грузятъ въ лодки. Соединившись затѣмъ съ княжескими лодками, подъ охраной княжескихъ дружинниковъ, всѣ эти лодки спускаются на Днѣпръ. Тутъ собирается цѣлый караванъ лодокъ, числомъ до 2 тыс. На сборы уходитъ не мало времени, и только въ іюнѣ мѣсяцѣ весь этотъ громадный флотъ пускается въ плаваніе внизъ по Днѣпру (см. выше стр. 19).

Прибывъ въ Царьградъ, русскіе представляютъ греческимъ чиновникамъ списокъ судовъ, а потомъ эти чиновники производятъ поголовную перепись всѣхъ купцовъ и пословъ, если таковые тоже прибыли. Жить въ самомъ городѣ греки не позволяютъ русскимъ купцамъ, какъ и другимъ иноземнымъ: они хорошо помнятъ набѣги Олега и Игоря и боятся, какъ бы подъ видомъ купцовъ въ ихъ столицу не проникло русское войско и не овладѣло ею; поэтому купцы живутъ въ предмѣстіи города у св. Мамы, и въ городъ ихъ пускаютъ не больше какъ по 50 чел. сразу, черезъ одни опредѣленныя, назначенныя для того ворота, безъ оружія и только въ сопровожденіи греческихъ чиновниковъ. Все время, пока купцы живутъ въ Греціи, они получаютъ да-

ровую баню и все содержаніе, точно также на обратный путь они получаютъ съѣстные припасы и все необходимое для оснастки кораблей—такъ все это выговорено въ договорахъ Олега и Игоря.

Болѣе 6 мѣс. русскіе купцы въ Греціи жить не могутъ, и потому, нагрузивъ свои лодки драгоцѣнными металлами, винами, матеріями, и другими произведеніями греческихъ фабрикъ, поздней осенью отправляются въ обратный путь. Въ свою очередь и у себя дома, въ Кіевѣ, они должны такъ же принять греческихъ купцовъ, когда тѣ пріѣзжаютъ сюда.

IV. Принятіе христіанства.

Походы русскихъ князей съ ихъ дружинами на Грецію, поѣздки туда русскихъ купцовъ и съ другой стороны посѣщеніе русскихъ городовъ греческими купцами,—все это знакомило русскихъ славянъ съ жизнью Греціи, съ ея нравами, обычаями, вѣрой; русскіе стали дѣлать себѣ платье изъ греческихъ матерій, въ ихъ обиходѣ появилась греческая посуда и всякаго рода украшенія. Потомъ, познакомившись ближе съ греками, они стали перенимать у нихъ нѣкоторые обычаи и ихъ религіозныя вѣрованія. Греки уже давно были христіанами, и отъ нихъ христіанская вѣра въ Бога стала проникать въ русскую землю. Уже при князѣ Игорѣ часть княжеской дружины состояла изъ христіанъ; поэтому при заключеніи имъ договора съ греками (см. выше стр. 20) одна часть его дружины приносила клятву въ соблюденіи договора по языческому обряду, а другая—по христіанскому. Поэтому при Игорѣ въ Кіевѣ уже была церковь во имя пророка Иліи, а жена его Ольга сама приняла христіанство во время или послѣ своего путешествія въ Грецію (когда именно, это точно неизвѣстно). Наконецъ, черезъ 126 лѣтъ послѣ, такъ называемаго, призванія первыхъ князей (см. стр. 18) христіанство стало господствующей религіей у русскихъ славянъ. Это случилось при князѣ Владимирѣ, сынѣ Святослава.

Владимиръ въ началѣ былъ настоящимъ языческимъ княземъ; приносилъ богамъ звѣриныя и человѣческія жертвы, ставилъ по городамъ новые идолы, почиталъ волхвовъ-кудесниковъ, имѣлъ нѣсколько женъ, и вообще отличался суровостью и часто жестокостью въ своихъ поступкахъ. Ни о какой перемѣнѣ вѣры онъ, повидимому, не думалъ. Но потомъ, мало по малу, онъ пришелъ къ мысли, что и онъ самъ и всѣ подвластныя ему пле-

мена должны принять христіанскую вѣру. Число христіанъ среди его дружинниковъ все увеличивалось, такъ что Владиміръ уже не могъ бы сказать, какъ это сказалъ однажды его отецъ Святославъ, что если онъ приметъ крещеніе, то дружина будетъ смѣяться надъ нимъ; теперь скорѣе могло случиться наоборотъ—большинство дружины могло быть недовольно, что князь остается язычникомъ. Случившаяся война съ Греціей (или Византійской имперіей) ускорила крещеніе Владиміра.

Въ Византійской имперіи произошло возстаніе войскъ подъ предводительствомъ Варды-Фоки. Византійскіе цари обратились тогда за помощью къ кіевскому князю Владиміру. Владиміръ согласился помочь имъ, но потребовалъ, чтобы византійскіе цари выдали за него замужъ свою сестру Анну—онъ хотѣлъ породниться съ ними и пріобрѣсти въ нихъ надежныхъ союзниковъ; такъ какъ Анна была христіанка, а Владиміръ еще былъ язычникомъ, то онъ обязывался принять христіанство; въ виду этого византійскіе императоры должны были прислать на Русь духовенство и проповѣдниковъ христіанской вѣры. Съ помощью Владиміра мятежъ Варды-Фоки былъ подавленъ, а самъ онъ погибъ. Но византійцы не исполнили условій договора, и тогда Владиміръ началъ съ ними войну. Онъ осадилъ и взялъ главный греческій городъ въ Крыму Корсунь (или Херсонесъ, около нынѣшняго Севастополя) и заставилъ византійцевъ выполнить условія договора. Изъ Византіи пріѣхала царевна Анна съ духовенствомъ, и Владиміръ послѣ крещенія обвѣнчался съ нею. Произошло это въ 988 г. по Р. Хр.

По возвращеніи въ Кіевъ Владиміръ сталъ обращать въ христіанство своихъ подданныхъ—язычниковъ. Изображенія языческихъ боговъ, идолы, были разбиты, а на мѣстахъ языческихъ жертвоприношеній стали строить храмы. Въ разныя мѣста были посланы проповѣдники новой вѣры. Въ болѣе отдаленныя и глухія мѣста они отправлялись въ сопровожденіи княжеской дружины, такъ какъ бывали случаи, что язычники, подстрекаемые волхвами, убивали христіанскихъ проповѣдниковъ. Иногда князь, отправляясь въ полюдье, бралъ съ собой и проповѣдниковъ (см. рис. на стр. 28-й).

Вслѣдствіе этого много язычниковъ стало христіанами не потому, что они признали новую вѣру лучше старой, а потому, что такъ поступить имъ приказывалъ князь; иные по виду принимали христіанство какъ будто добровольно и раньше, чѣмъ это въ той или другой области было приказано, но въ дѣйстви-

тельности—по расчету: чтобы выслужиться передъ княземъ и его дружинниками-посадниками, которые уже были христіанами. Были и такіе темные люди, которыхъ привлекали бѣлыя рубашки, раздававшіяся при крещеніи; конечно, они въ душѣ по прежнему оставались язычниками. Поэтому-то среди новыхъ христіанъ долго и упорно держались старыя языческія повѣрія и суевѣрія—вѣра въ лѣшихъ, домовыхъ и т. п. (см. выше, стр. 15, что сказано о праздникахъ славянъ-язычниковъ). Особенно долго и упорно держалось язычество въ сѣверныхъ областяхъ Россіи; населеніе ихъ, жившее среди дремучихъ лѣсовъ, топей и болотъ, не имѣвшее сношеній съ другими болѣе культурными племенами, особенно крѣпко держалось за старыя языческія вѣрованія; поэтому тутъ главнымъ образомъ и находили мученическую смерть проповѣдники христіанства (напр., св. Леонтій въ Ростовскомъ краю).

Христіане и язычники.

(Картина Иванова).

Принятіе христіанства внесло не мало перемѣнъ въ жизнь Руси. Число духовныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Греціи, уве-

личивалось съ каждымъ годомъ; потомъ появились священники и другіе церковнослужители и изъ числа русскихъ. Духовенство принимало подъ свое покровительство вдовъ, сиротъ, всякаго рода убогихъ и т. п., и всѣ эти люди вмѣстѣ съ нимъ самимъ образовали, такъ называемое, *церковное общество*; оно жило особой жизнью, другой, чѣмъ свѣтскіе люди, управлялось особыми правилами и законами, заимствованными изъ Греціи; все это не могло не оказать вліянія и на свѣтское общество. Кромѣ того, духовенство въ своихъ проповѣдяхъ и поученіяхъ старалось научить новообращенныхъ христіанъ, какъ нужно лучше устроить семейную жизнь, какъ подданные должны относиться къ князю, какъ люди должны относиться другъ къ другу и т. п.

По образцу Греціи на Руси стали устраиваться монастыри (однимъ изъ самыхъ первыхъ былъ Кіево-Печерскій подъ Кіевомъ), обитатели которыхъ старались на собственномъ примѣрѣ показать образецъ подвижнической, угодной Богу жизни; правда, подвижничество тогдашнихъ монаховъ состояло главнымъ образомъ въ изнуреніи тѣла (они лишали себя сна, мало ѣли и т. п.), и они были сплошь и рядомъ неграмотными и совершенно невѣжественными въ вопросахъ вѣры людьми; они такъ же были заражены всякаго рода суевѣріями, какъ и міряне, вѣрили въ бѣсовъ и брались изгонять ихъ изъ людей и даже животныхъ. Однако примѣры и такихъ *подвиговъ*, которыми старались прославить себя наши первые монахи, были во многомъ поучительны для язычниковъ и новообращенныхъ христіанъ: какъ ни какъ они пріучали человѣка къ борьбѣ съ самимъ собой, со своими желаніями и склонностями.

Первыя церкви на Руси строились и украшались, конечно, на византійскій ладъ; потомъ и частныя зданія, хоромы князя и его дружинниковъ стали строиться и украшаться по византійскимъ образцамъ.

Но особенно важно было то, что греческое духовенство принесло съ собой на Русь *письменность*. Книги (рукописныя, конечно) на греческомъ и на славянскомъ языкахъ *) дали Руси такія знанія, безъ которыхъ она долго еще оставалась бы страной отсталой въ своемъ умственномъ развитіи. По образцу греческихъ и славянскихъ книгъ, привезенныхъ изъ Византіи, стали составляться книги и у насъ. Между прочимъ по образцу гре-

*) Славянскую азбуку составили братья Кириллъ и Меѳодій лѣтъ за 100 съ лишнимъ до крещенія Руси; они же перевели первыя книги, церковныя, съ греческаго языка на славянскій.

ческихъ записей о разныхъ событіяхъ (онѣ называются хрониками) у насъ стали составляться *лѣтописи*, т. е. записи по годамъ о разныхъ событіяхъ—войнахъ, дѣятельности князей, замѣчательныхъ небесныхъ явленіяхъ, народныхъ бѣдствіяхъ и т. п. *). Первымъ лѣтописцемъ на Руси считается монахъ Кіево-Печерскаго монастыря Несторъ, который началъ составлять свою лѣтопись лѣтъ черезъ 50 послѣ крещенія Руси. Но онъ записалъ въ ней не только то, очевидцемъ чего былъ самъ, не только то, что случилось при его жизни, но и то, что было до него; объ этомъ онъ могъ узнать изъ разнаго рода разсказовъ и преданій; такъ, на основаніи такихъ преданій онъ разсказываетъ о призваніи князей, дѣятельности Рюрика, Игоря и др. князей. Кромѣ того, въ свой разсказъ онъ включилъ повѣствованіе о томъ, что было отъ сотворенія міра до начала русскаго государства; сдѣлалъ онъ это на основаніи разныхъ греческихъ книгъ. Хотя въ лѣтописи Нестора много недостовѣрнаго, она служитъ для насъ важнымъ источникомъ для самаго древняго времени русской исторіи.

О дѣятельности первыхъ князей, особенно кн. Владимира св., о борьбѣ населенія южно-русскихъ княжествъ съ кочевниками и пр., много разсказывается въ народныхъ пѣсняхъ, *былинахъ*, записанныхъ потомъ и дошедшихъ до насъ. Главными героями этихъ былинъ являются кн. Владимиръ-Красное Солнышко и *богатыри* Вольга Святославичъ, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ **).

V. Ярославъ Мудрый и его преемники. Упадокъ Кіевской Руси.

Сынъ Владимира Св. Ярославъ, подобно отцу, не сразу сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ: какъ и Владимиру, ему пришлось выдержать большую борьбу съ братьями, прежде чѣмъ онъ добился великаго княженія. Такія усобицы происходили много разъ и потомъ и приносили много зла русской землѣ.

Ярославъ, прозванный за свою умѣлую дѣятельность Мудрымъ, продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: воевалъ съ греками (его походъ противъ нихъ былъ неудаченъ), со степными кочевниками (онъ нанесъ рѣшительное пораженіе печенѣгамъ),

---

*) Замѣчательный образъ лѣтописца даетъ Пушкинъ въ своей трагедіи „Борисъ Годуновъ“; прочтите тамъ сцену между Пименомъ и Григоріемъ Отрепьевымъ: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“.

**) Прочтите „Книгу былинъ“ Авенаріуса.

подчинялъ сосѣднія съ его владѣніями племена, собиралъ дань, творилъ судъ и расправу — самъ и при помощи своихъ дружинниковъ. Онъ былъ богаче прежнихъ князей, и потому могъ возводить такія постройки, какъ замѣчательный Софійскій соборъ въ Кіевѣ, для сооруженія котораго онъ выписалъ мастеровъ изъ Греціи. Другой соборъ тоже въ честь св. Софіи онъ началъ строить въ Новгородѣ; этотъ соборъ и теперь считается однимъ изъ замѣчательныхъ образцовъ древне-русскаго строительнаго искусства. Любя книги, Ярославъ выписывалъ много ихъ изъ Греціи и приказывалъ переводить на славянскій языкъ; при кіевскомъ Софійскомъ соборѣ онъ устроилъ такое собраніе книгъ, которое было доступно для всѣхъ любителей книжной мудрости.

При Ярославѣ Русь была въ сношеніяхъ не съ одной только Византіей: его послы и купцы бывали въ разныхъ странахъ Западной Европы. Самъ онъ былъ женатъ на шведской королевнѣ, три его сына были женаты на дочеряхъ германскихъ князей, а дочери были замужемъ за французскимъ, венгерскимъ и норвежскимъ королями. Такимъ образомъ Кіевское княжество въ это время (т. е. черезъ 200 лѣтъ послѣ призванія первыхъ князей) стояло на ряду съ другими европейскими государствами.

При Ярославѣ М. произошла важная перемѣна въ судебномъ дѣлѣ. Какъ уже сказано выше, первые русскіе князья были не только полководцами и правителями, но и судьями. Но законовъ и опредѣленныхъ правилъ, по которымъ судилъ князь или посланные имъ дружинники, не было; судили на основаніи *обычая*, который можно было толковать по разному, можно было забыть; если возникало совершенно новое дѣло, то судья тутъ же долженъ былъ опредѣлить, какъ рѣшить его, и въ одномъ мѣстѣ судья могъ рѣшить это дѣло такъ, а въ другомъ—иначе. Все это вело къ большимъ неудобствамъ и часто—къ несправедливости. При Ярославѣ М. былъ составленъ сборникъ судебныхъ постановленій подъ названіемъ „Русская Правда“, который потомъ при преемникахъ Ярослава М. дополнялся и измѣнялся. На основаніи этой „Русской Правды“ и стали производить теперь судъ. При преемникахъ Ярослава, его сыновьяхъ и внукахъ, „Русская Правда“ была пополнена новыми статьями, и еще много лѣтъ потомъ она служила руководствомъ при судѣ. Какъ же производился тогда судъ?

Передъ нами (см. картину) дворъ княжескаго терема. На крыльцѣ, на креслѣ, сидитъ князь, окруженный своими совѣтниками, старшими дружинниками, *боярами* и *мужами*; въ случаѣ

какихъ-либо сомнѣній князь обращается къ нимъ, (изъ нихъ составляется „дума“ князя—совѣтъ по всѣмъ дѣламъ княжества). Дальше, оттѣсняя толпу народа и поддерживая порядокъ, находятся младшіе дружинники, *гриди* и *отроки*. Судъ начался рано утромъ, и князь успѣлъ быстро разобрать нѣсколько дѣлъ. Такъ князь разсмотрѣлъ два дѣла объ убійствѣ: одного свободнаго человѣка и одной женщины. Княжескіе слуги не отыскивали

На судѣ во времена „Русской Правды“.

(Картина Билибина).

виновныхъ ни по тому, ни по другому дѣлу, и вообще никакого слѣдствія не производили. Это было обязанностью родственниковъ убитыхъ; они же должны были привести и свидѣтелей, очевидцевъ преступленія. Такъ какъ и обвиняемые и свидѣтели были представлены на судъ князя, то онъ приступилъ къ разбору дѣлъ. Оба обвиняемые были признаны виновными, и согласно съ указаніями „Русской Правды“ князь присудилъ обвиняемаго по первому дѣлу (объ убійствѣ свободнаго человѣка) къ штрафу въ 40 гривенъ кунъ *) въ пользу князя, а также къ

*) Гривна кунъ—слитокъ серебра вѣсомъ въ 36—48 золотниковъ.

штрафу въ пользу родственниковъ убитаго; по второму дѣлу онъ назначилъ штрафъ въ 20 гривенъ кунъ—женщина, какъ работница, цѣнилась меньше мужчины. Если бы убитый былъ княжескимъ дружинникомъ, то по „Русской Правдѣ“ князь долженъ былъ бы назначить двойную виру, т. е. штрафъ въ 80 гривенъ кунъ,—для князя его дружинникъ былъ цѣннѣе простого свободнаго человѣка. Раньше за убійство всегда мстили кровью, т. е. родственники убитаго старались, отыскавъ убійцу, убить его; за это новое убійство опять мстили кровью, и такъ могло продолжаться до безконечности. При сыновьяхъ Ярослава М. месть была запрещена и замѣнена штрафами.

Кромѣ дѣлъ объ убійствѣ, князь разсмотрѣлъ нѣсколько дѣлъ о нанесеніи побоевъ и о порчѣ чужого имущества; по этимъ дѣламъ согласно указаніямъ „Русской Правды“ онъ тоже назначилъ денежные штрафы; по дѣлу одного купца, не уплатившаго своего долга безъ достаточныхъ къ тому основаній, князь приговорилъ обвиняемаго *къ выдачѣ головой* обвинителю: т. е., послѣдній могъ до уплаты должникомъ занятыхъ денегъ дѣлать съ нимъ, что угодно—оставить у себя въ качествѣ работника, продать его въ рабство и проч.

Но потомъ два дѣла особенно привлекли вниманіе присутствовавшаго на судѣ народа. Первое дѣло было объ убійствѣ въ дракѣ. Родственникъ убитаго не представилъ на судъ человѣка, котораго онъ обвинялъ въ убійствѣ, и говорилъ, что доказать вполнѣ его виновность онъ не можетъ—во время драки трудно установить, кто именно нанесъ смертельный ударъ; къ тому же выставленные свидѣтели были несвободные люди: два *раба, холопа* и два *закупа*, т. е. полу-свободныхъ человѣка; *) это люди зависимые, а потому давать вѣру ихъ показаніямъ нельзя. Въ виду этого князь не сталъ разсматривать это дѣло.

По другому дѣлу обвиняемымъ явился человѣкъ, который оскорбилъ словами и дѣйствіемъ одного горожанина. Свидѣтелей нѣтъ, а обвиняемый отрицаетъ свою вину. Вслѣдствіе этого князь по совѣту дружинниковъ-бояръ рѣшилъ прибѣгнуть къ „суду Божьему“ (этотъ судъ и изображенъ на нашей картинѣ). Онъ велѣлъ разложить костеръ, и, когда тотъ достаточно разгорѣлся, приказалъ обвиняемому вытащить голой рукой

---

*) Такъ назывались крестьяне, снимавшіе участки на чужой землѣ и получавшіе отъ помѣщика въ долгъ скотъ и сельско-хоз. орудія; въ случаѣ неуплаты долга они могли сдѣлаться холопами.

изъ огня кусокъ раскаленнаго желѣза. Обвиняемый исполнилъ приказаніе князя и, разумѣется, сильно обжегъ руку. Князь назначилъ нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ обвиняемый долженъ былъ опять предстать передъ нимъ; если онъ невиненъ, то Богъ поможетъ ему, и ожоги заживутъ, а если виноватъ, то Богъ отвернется отъ него, и ожоги не пройдутъ; соотвѣтственно съ этимъ князь и постановитъ тогда свой приговоръ.

Ярославъ М., занявшій кіевское княжество послѣ усобицы съ братьями, хотѣлъ предупредить повтореніе такой усобицы послѣ своей смерти (онъ умеръ въ 1054 г.) и потому заранѣе распредѣлилъ отдѣльныя области своего княжества между сыновьями по ихъ старшинству: старшему Изяславу онъ далъ двѣ лучшія, наиболѣе богатыя области—княжества Кіевское и Новгородское; самому младшему Игорю—Владиміро-Волынское княжество, считавшееся хуже и бѣднѣе другихъ въ наслѣдствѣ Ярослава М. Такимъ образомъ, великимъ княземъ кіевскимъ долженъ былъ сдѣлаться Изяславъ, котораго по мысли Ярослава, остальные князья должны были почитать, какъ отца, и во всемъ повиноваться ему. Изяславу, по завѣщанію Ярослава, долженъ былъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ по старшинству братъ, т. е. второй сынъ Ярослава, потомъ 3-й—и т. д. по очереди старшинства. Если какой-нибудь князь (не Кіевскій) умиралъ, то на его мѣсто переходилъ слѣдующій по старшинству, а на мѣсто этого—еще дальнѣйшій слѣдующій и т. д. Вообще, по мысли Ярослава М., всѣ князья должны были сообща владѣть русской землей, но одинъ изъ нихъ долженъ быть старшимъ. Однако, и сыновья, и внуки, и всѣ дальнѣйшіе преемники Ярослава М. плохо слушались его завѣтовъ; чуть не каждому хотѣлось, не дожидаясь очереди, сдѣлаться великимъ княземъ кіевскимъ; сыновья не хотѣли обычно передавать отцовское наслѣдство дядѣ (какъ это слѣдовало по завѣщанію Ярослава), а стремились подѣлить его между собой. Изъ-за всего этого происходили усобицы. Воюя другъ съ другомъ, князья разоряли земли своихъ противниковъ, захватывали массами населеніе этихъ земель въ плѣнъ и обращали его въ рабство; цѣлыя партіи такихъ рабовъ можно было видѣть на рынкахъ русскихъ, греческихъ и др. городовъ. Такимъ образомъ князья думали только о себѣ, о своихъ интересахъ и выгодахъ,—о народѣ они не думали. Не-

думали они и о томъ, что ихъ усобицами всегда пользуются враги русской земли, кочевники, жившіе въ южныхъ степяхъ. Вскорѣ послѣ смерти Ярослава М. въ этихъ степяхъ вмѣсто печенѣговъ появились половцы. Пользуясь раздорами среди русскихъ князей, они часто нападали на русскую землю, грабили

Кочевникъ въ степи.

ее и уводили съ собой массу плѣнниковъ, которыхъ они, какъ и сами русскіе князья, обращали въ рабовъ. Правда, иногда среди князей появлялись такіе, которые старались удерживать другихъ отъ усобицъ, а, если это не удавалось, то потомъ мирили ихъ, созывая для этого князей на особые съѣзды или совѣщанія (см. картину на слѣд. страницѣ); такъ поступалъ, напримѣръ, Владиміръ Мономахъ, внукъ Ярослава М. Но такихъ князей было мало, да и не всегда имъ удавалось добиться мира и согласія между родичами.

Что было дѣлать населенію тѣхъ княжествъ, которыя осо-

бенно страдали отъ княжескихъ усобицъ (такими княжествами были южныя, наиболѣе богатыя и плодородныя: Кіевское, Черниговское, Сѣверское, Переяславское,—см. карту)? Оно пыталось бороться съ князьями. Населеніе большихъ городовъ (въ которыхъ жили и князья) издавна привыкло собираться для обсужденія и рѣшенія важныхъ дѣлъ на всенародныя сходки на городской площади—на *вѣча*. И вотъ на такихъ-то вѣчевыхъ собраніяхъ населеніе разныхъ русскихъ городовъ не разъ постановляло изгнать

Съѣздъ князей.
(Картина Иванова).

того или другого неугоднаго ему князя, а къ себѣ пригласить другого (этимъ тоже нарушался тотъ порядокъ наслѣдованія среди князей, который хотѣлъ установить Ярославъ). Иногда вѣче заставляло князя предпринять походъ противъ кочевниковъ и присоединяло къ его дружинѣ свое ополченіе,—такіе походы предпринимали и сами князья, такъ какъ нападенія кочевниковъ бывали часто разорительны и для нихъ самихъ и для ихъ дружины *), иногда, наоборотъ, противилось намѣренію князя

*) Одинъ изъ такихъ походовъ описанъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ", составленномъ въ XII ст.,—оно дошло до насъ; это былъ походъ противъ половцевъ южно-русскихъ князей во главѣ съ княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ Игоремъ.

объявить войну. Но по большей части богатѣвшіе съ каждымъ годомъ и опиравшіеся на сильную дружину князья бывали сильнѣе вѣча, сильнѣе народа, и поступали по-своему.

У населенія было еще другое средство избавиться отъ дурныхъ князей и спастись отъ разоренія и рабства: *уйти съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ оно жило*. И дѣйствительно, при сыновьяхъ и особенно при внукахъ и правнукахъ Ярослава М., съ каждымъ годомъ уходъ населенія изъ южныхъ княжествъ все усиливался. Куда было уйти отсюда? Шли подальше отъ степей, въ лѣса, куда труднѣе добраться половцамъ, гдѣ мало еще своего населенія и гдѣ потому не тѣсно. Да и князья не ведутъ изъ-за этихъ мѣстъ борьбы: они бѣдны и мало населены. Поэтому-то и шло населеніе изъ южныхъ плодородныхъ княжествъ къ сѣверу, на верховья Днѣпра, Волги и Оки (см. карту); тутъ глина, песокъ, а не черноземъ, масса рѣкъ и болотъ, мѣста для пашни почти нѣтъ совсѣмъ—все поросло вѣковымъ лѣсомъ, но зато отсюда далеко до кочевниковъ, и нѣтъ тутъ княжескихъ усобицъ. Часть населенія южныхъ княжествъ уходила на западъ, на рѣку Днѣстръ, въ богатое Галицкое княжество, лежавшее нѣсколько въ сторонѣ отъ главныхъ русскихъ княжествъ, расположившихся около Великаго воднаго пути,—и подальше отъ половецкихъ кочевій.

Такъ приходили въ упадокъ южно-русскія княжества—или Кіевская Русь, какъ называютъ всѣ ихъ вмѣстѣ, и стали заселяться, обстраиваться городами и богатѣть другія княжества. Изъ нихъ черезъ 100—150 лѣтъ послѣ Ярослава М. особенно выдѣляются 3: Новгородское, Ростово-Суздальское и Галицкое.

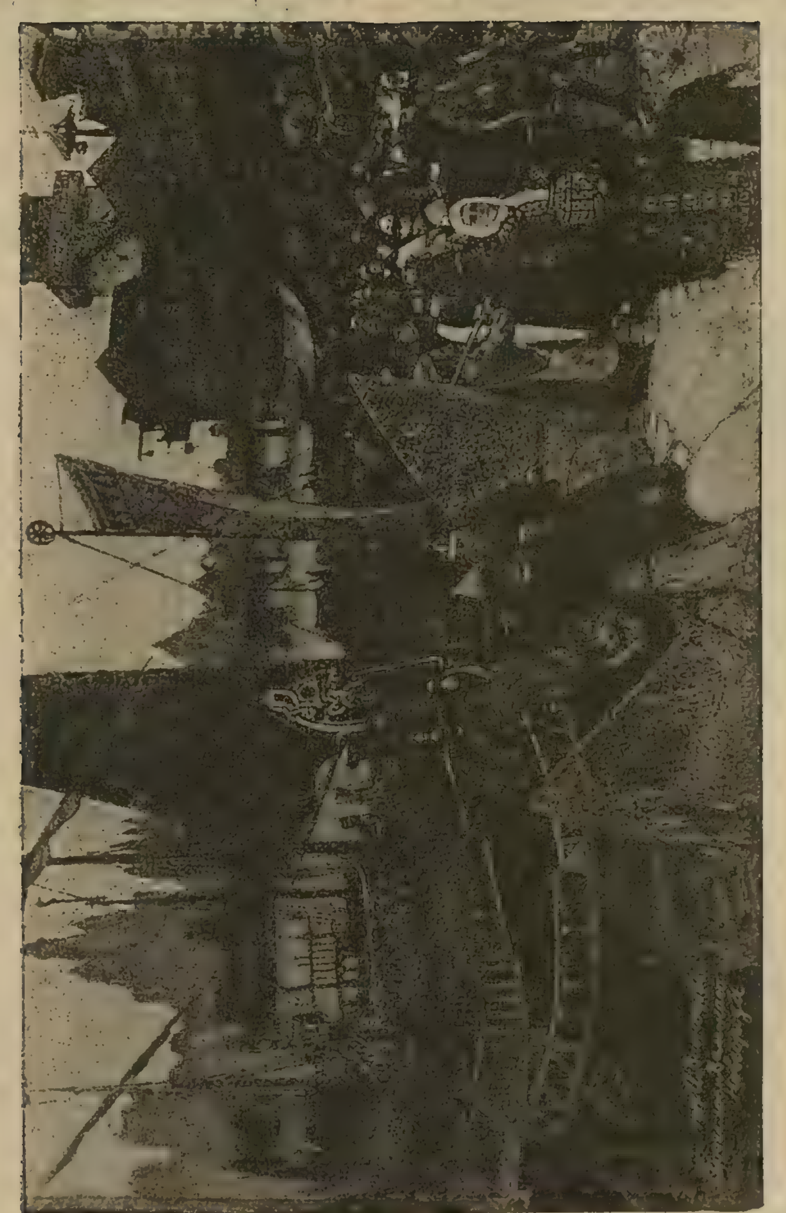
VI. Новгородское княжество.

Большими богатствами надѣлила природа земли Новгородскаго княжества: почва здѣсь неплодородна (все песокъ да глина), но многочисленныя его рѣки и озера полны рыбой; въ дремучихъ лѣсахъ много всякаго звѣря—куницъ, соболей, медвѣдей, лисицъ и т. п., мѣхъ которыхъ очень цѣнятъ и греки, и арабы, и другіе народы. А когда жители Новгородскаго княжества пробрались къ берегамъ Бѣлаго моря, то въ ихъ рукахъ оказалась богатая добыча въ видѣ тюленей, разной морской рыбы и проч. Во многихъ мѣстахъ княжества добывалась соль, а въ его владѣніяхъ на далекомъ Уралѣ можно было добыть и серебро, котораго совсѣмъ не было въ другихъ русскихъ княжествахъ.

Столица княжества, Великій Новгородъ, лежитъ на Вели-

комъ водномъ пути (см. выше стр. 18), у истоковъ р. Волхова изъ Ильмень-озера, и потому пристань въ Новгородѣ — одно изъ самыхъ людныхъ и шумныхъ мѣстъ города (см. картину). Вотъ нагружается разными богатствами Новгорода заморскій корабль: на него сносятъ бочки съ медомъ и воскомъ (новгородцы добывали медъ и воскъ въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, въ которыхъ дикія пчелы устраивали свои ульи), бочки съ рыбой и рыбьимъ жиромъ; на другой грузятъ цѣнные мѣха, на третій—лѣсные матеріалы, т. е. бревна, доски, лыко, смолу, деготь и проч. Все это увозятъ главнымъ образомъ *готскіе* купцы—съ о. Готланда на Балтійскомъ морѣ; они имѣютъ въ Новгородѣ даже особый дворъ; но нерѣдко можно встрѣтить на новгородской пристани и греческихъ, и арабскихъ, и другихъ иноземныхъ купцовъ. Въ другое время тутъ можно видѣть корабли, которые разгружаются; одни изъ нихъ пришли изъ южныхъ княжествъ и привезли хлѣбъ—своего хлѣба въ Новгородѣ очень мало; другіе пришли изъ-за моря и привезли разнаго рода металлическія и стеклянныя издѣлія, матеріи, вина. Со всѣхъ купцовъ новгородцы берутъ пошлины, и казна ихъ увеличивается. Позже, лѣтъ черезъ 200 послѣ смерти Ярослава М. на новгородской пристани особенно много можно было встрѣтить нѣмецкихъ купцовъ; они образовали у себя на родинѣ особый союзъ „Ганзу“ и потому назывались ганзейскими; въ Новгородѣ они построили большой хорошо укрѣпленный дворъ, въ которомъ складывали свои товары, и гдѣ было управленіе всей ихъ торговлей съ Новгородомъ. Сами новгородцы рѣдко ѣздили въ чужія страны.

Въ Новгородѣ совершаются торговыя сдѣлки на большія партіи товара, и тутъ изъ рукъ въ руки переходятъ большія суммы денегъ; расплачиваются и новгородскими гривнами, и нѣмецкими талерами, и арабскими диргемами (см. стр. 41). Пристань полна купцовъ, ихъ работниковъ, и мелкихъ ремесленниковъ, которые и составляютъ главное населеніе города. Иногда тутъ можно встрѣтить и бояръ, владѣвшихъ крупными имѣніями, какъ около Новгорода, такъ и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ и Печорѣ (см. карту); свои деньги они отдавали подъ проценты купцамъ и, такимъ образомъ, косвенно тоже принимали участіе въ торговлѣ. Отряды боярской „челяди“ (рабочихъ) время отъ времени отправлялись на своихъ лодкахъ, „ушкуяхъ“ (поэтому и ихъ называютъ „ушкуйниками“), на сѣверъ, на Каму и Печору, и захватывали, а иногда покупали у мѣстныхъ инородцевъ (самоѣдовъ, лопарей и т. п.) мѣста для промысловъ; за ними шли

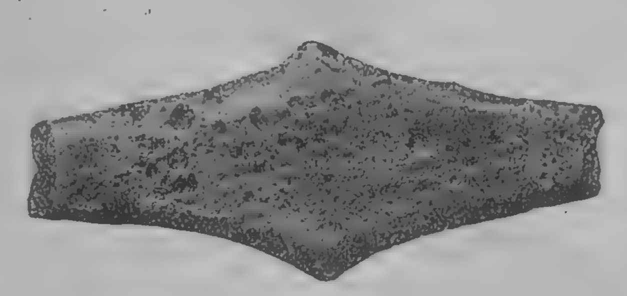

На пристани въ Новгородѣ.

(Картина А. Васнецова).

отряды свободныхъ новгородцевъ изъ мелкихъ купцовъ и ремесленниковъ, искавшихъ лучшей доли. Такъ постепенно новгородцы захватили весь сѣверъ Россіи.

Другимъ люднымъ и шумнымъ мѣстомъ Новгорода была площадь на его Торговой сторонѣ, такъ называемый „Ярославовъ дворъ“ (р. Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны: Торговую, гдѣ былъ главный торгъ, рынокъ, и Софійскую, гдѣ былъ храмъ въ честь св. Софіи): новгородцы часто собирались сюда на вѣче по звону особаго вѣчевого колокола. И по мѣрѣ того, какъ Кіевъ приходилъ въ упадокъ и власть кіевскаго князя слабѣла, новгородцы все чаще собирались на вѣче. Со времени Олега (см. стр. 19), ушедшаго изъ Новгорода и завладѣвшаго Кіевомъ, великій князь Руси жилъ въ Кіевѣ; править Новгородомъ въ качествѣ своего намѣстника онъ посылалъ обыкновенно кого-либо изъ своихъ сыновей или вообще родственниковъ. Когда среди южныхъ кіевскихъ князей происходили усобицы, новгородцы этимъ пользовались и замѣняли присланнаго изъ Кіева князя своимъ, избраннымъ на вѣчѣ, и заключали съ нимъ особый договоръ, „рядъ“, который ограничивалъ его власть—онъ и его дружина не могли пріобрѣтать земель въ Новгородскихъ владѣніяхъ, князь не могъ самъ торговать съ нѣмцами и проч.; а послѣ того, какъ по смерти Владимира Мономаха (см. стр. 35) эти усобицы стали почти постоянными, новгородцы добились почти полной независимости отъ Кіева, и всѣ важнѣйшія дѣла стали рѣшать на вѣчѣ—о войнѣ, о мирѣ, о заключеніи договоровъ и т. п.

Новгородская гривна.

Арабскій диргемъ.

Вотъ по звону колокола стали собираться на „Ярославовъ дворъ“ свободные жители Новгорода, которые вели свое хозяйство (см. картину). Имъ предстояло выбрать новаго посадника—такъ назывался помощникъ князя по управленію и суду, а когда

князя не было—то и замѣститель его. Такъ какъ это было извѣстно давно, то на собраніяхъ по улицамъ и концамъ (Новгородъ дѣлился на 5 концовъ) уже обсуждался вопросъ о томъ, кого выбрать въ посадники. Въ Новгородѣ всѣ свободные люди были равны въ своихъ правахъ, и потому всѣ могли быть выбраны на всякія должности, но всегда случалось такъ, что „лучшіе люди", т. е. бояре и купцы, (они обыкновенно дѣйствовали заодно), при помощи своего богатства и вліянія брали верхъ надъ „меньшими людьми", т. е. мелкими торговцами, ремесленниками и рабочими, и заставляли ихъ выбирать на всѣ важныя должности изъ бояръ и купцовъ, и вообще рѣшать дѣла на вѣчѣ такъ, какъ того желали „лучшіе люди". Такъ было и въ данномъ случаѣ. Когда изъ среды „лучшихъ людей" стали предлагать выбрать въ посадники одного изъ бояръ, „меньшіе люди" воспротивились этому и стали выдвигать своего человѣка; на помостъ среди площади или „степень", какъ онъ назывался, всходилъ и „тысяцкій" (начальникъ „тысячи", новгородскаго ополченія,—онъ тоже выбирался на вѣчѣ) и члены совѣта, „господы", который состоялъ изъ бывшихъ посадниковъ и тысяцкихъ, всходили и обыкновенные граждане, — волненіе среди „вѣчниковъ", т. е. членовъ вѣча, все усиливалось и дѣло едва не дошло до рукопашной. Но въ это время значительная часть недовольныхъ изъ „меньшихъ людей" рѣшила уйти на Софійскую сторону и тамъ собрать новое вѣче. Такимъ образомъ въ одно время было два вѣча. Рѣшеніе вопроса этимъ однако нисколько не облегчилось, и скоро двѣ возбужденныхъ толпы, съ враждебными криками, отъ того и другого вѣча сошлись на Волховскомъ мосту, который соединялъ Торговую и Софійскую стороны города. Чтобы предупредить кровопролитіе, сюда вышелъ съ духовенствомъ новгородскій архіепископъ (съ половины XII столѣтія онъ тоже выбирался на вѣчѣ). Благодаря этому волненіе поулеглось; къ тому же боярамъ и купцамъ удалось переманить на свою сторону—кого деньгами, кого угрозами,—часть „меньшихъ людей". Опять собралось одно вѣче на „Ярославовомъ дворѣ" и выбрало въ посадники человѣка, котораго предлагали „лучшіе люди". Голосованія, какъ бываетъ на нашихъ собраніяхъ, при этомъ не было: большинство присутствующихъ просто крикомъ выразило свое согласіе, и это считалось достаточнымъ; такъ бывало и при рѣшеніи всякихъ другихъ вопросовъ *).

*) О жизни древняго Новгорода тоже сложилось не мало былинъ; главнымъ героемъ ихъ является Садко—богатый гость (см. книгу Авенаріуса).

Вѣче въ Новгородѣ.

(Картина Лебедева).

I. Суздальское княжество.

Въ то время какъ Новгородъ добился полной самостоятельности и независимости отъ Кіева (это случилось въ концѣ XII столѣтія, лѣтъ черезъ 100 слишкомъ послѣ смерти Ярослава М., см. стр. 34) и сталъ управляться вѣчемъ, въ Ростово-Суздальскомъ краѣ, въ междурѣчьи Оки и Волги (см. карту) установились совсѣмъ другіе порядки. Долгое время, лѣтъ 250 со времени, такъ называемаго, призванія князей этотъ край оставался глухимъ и малолюднымъ. Населенный охотниками и рыболовами—финнами, онъ былъ отрѣзанъ отъ южныхъ княжествъ громадными лѣсами, и долгое время изъ Кіева сюда не было прямой дороги: изъ Кіева ѣхали сюда вверхъ по теченію Днѣпра до его истоковъ, а отсюда перебирались на верховья Волги. Почва и климатъ тутъ были хуже, чѣмъ въ Кіевскомъ и Переяславскомъ княжествахъ, но лучше, чѣмъ въ Новгородскомъ; лѣсовъ, болотъ и рѣкъ тутъ было много, но мѣстъ пригодныхъ для пашни тутъ было больше, чѣмъ во владѣніяхъ Новгорода Великаго.

Со времени Ярослава М. Ростово-Суздальскій край начинаетъ заселяться переселенцами съ юга (тогда тутъ былъ построенъ на Волгѣ г. Ярославль), а лѣтъ черезъ 50 слишкомъ послѣ его смерти тутъ появляется и отдѣльный князь: это былъ сынъ Владимира Мономаха Юрій Долгорукій; какъ самый младшій изъ его сыновей, онъ получилъ и худшую волость въ управленіе. Юрій Долгорукій всячески помогалъ тѣмъ, которые переселялись въ его княжество: не бралъ съ нихъ первые годы никакихъ податей, помогалъ при обзаведеніи на новомъ мѣстѣ, землю каждый могъ взять, сколько хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, и т. п. Число такихъ переселенцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ; постепенно смѣшиваясь съ финнами, они образовали тутъ *великорусское* племя, которое теперь составляетъ большую часть населенія Россіи.

Но особенно заботился о привлеченіи переселенцевъ, а потомъ о нихъ самихъ, сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій. Онъ не любилъ старыхъ городовъ Суздальскаго края—Ростова и Суздаля, въ которыхъ, какъ и въ Новгородѣ, въ Кіевѣ и др. городахъ, собиралось по старинному вѣче и стремилось распоряжаться всѣми дѣлами, и потому поселился въ болѣе новомъ, но маленькомъ городкѣ Владимирѣ; тутъ никто уже не мѣшалъ ему править княжествомъ такъ, какъ онъ хотѣлъ самъ. Владимиръ

онъ украсилъ нѣсколькими храмами, обстроилъ и укрѣпилъ его. Изъ Суздальскаго края онъ прогналъ своихъ братьевъ и непослушныхъ бояръ и не обращалъ вниманія на то, что вѣчевыя собранія разныхъ городовъ иной разъ хотѣли дѣйствовать самостоятельно. Но этого ему было мало: онъ захотѣлъ владѣть Кіевомъ. Поэтому онъ началъ борьбу со своимъ племянникомъ Мстиславомъ, и его войска въ 1169 г. взяли Кіевъ. Принявъ титулъ великаго князя, Андрей не поѣхалъ въ Кіевъ, а посадилъ тамъ, какъ своего „подручника", брата Глѣба, и требовалъ себѣ повиновенія отъ всѣхъ князей; если кто его не слушался, онъ посылалъ противъ того свои войска. Такъ мѣстопребываніе великаго русскаго князя и столица русскаго государства перешли изъ Кіева во Владиміръ.

Такимъ же единовластнымъ княземъ былъ и преемникъ Андрея Боголюбскаго его братъ Всеволодъ, который получилъ прозвище Большое Гнѣздо за свое большое потомство. Среди этого потомства Всеволода и раздѣлились потомъ всѣ его земли: онъ раздѣлилъ ихъ между 5 сыновьями, а потомъ каждый изъ нихъ раздѣлилъ свою часть между своими и т. д. Такимъ образомъ лѣтъ черезъ 100 послѣ Всеволода въ Ростово-Суздальскомъ краѣ были такіе князья, все владѣніе которыхъ или *удѣлъ*, какъ ихъ тутъ называли, состояло изъ 3—4 селъ съ окрестными пашнями, лугами и лѣсомъ.

Посмотримъ, какъ жили такіе владѣльцы удѣловъ или *удѣльные князья*—ихъ называютъ также князьями-вотчинниками, т. е. владѣльцами *отцовскаго* наслѣдства (князья южные владѣли часто землями своихъ братьевъ, племянниковъ и др. родственниковъ).

Передъ нами дворъ князя - вотчинника (см. картину). Онъ занимаетъ обширную ровную площадь, обнесенную частоколомъ. За этимъ частоколомъ видны поля, а дальше—лѣсъ; невдалекѣ протекаетъ рѣка. Не мало труда положилъ князь, чтобы очистить мѣсто для пашни; съ помощью привлеченныхъ имъ сюда разными льготами переселенцевъ онъ частью выжегъ, а частью выкорчевалъ лѣсъ. Первые годы земля давала хорошій урожай, такъ какъ пепелъ сгорѣвшаго лѣса хорошо удобрилъ ее, но потомъ пришлось на время забросить эту пашню, чтобы дать ей отдохнуть, и выжечь новую площадь лѣса. Чтобы удобнѣе и безопаснѣе было ему самому и его крестьянамъ ѣздить въ ближайшій городокъ, князь, сдѣлавъ просѣку въ своемъ лѣсу, проложилъ черезъ него дорогу, черезъ рѣку навелъ

мостъ. Понятно, что послѣ того князь смотритъ на свой удѣлъ, какъ на свою полную частную собственность; онъ не выпуститъ его изъ рукъ, не передастъ по очереди старшинства какому-нибудь родственнику, котораго онъ, можетъ быть, почти и не видалъ никогда: онъ завѣщаетъ его своимъ дѣтямъ, отдастъ въ приданое за дочерью, а, можетъ быть, и продастъ (распорядиться такъ своей волостью южный князь не могъ). Онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать: „это все мое, потому что все мною

Дворъ удѣльнаго князя.
(Картина Васнецова).

сдѣлано". И въ своемъ удѣлѣ онъ полный господинъ, почти независимый отъ великаго князя. Крестьяне, большая часть которыхъ пришла въ этотъ край послѣ князя, считали его собственникомъ занятыхъ ими земель, а себя только арендаторами ихъ; съ княземъ они заключали особое условіе, „порядную".

Князь имѣетъ свою пашню: она видна со двора его усадьбы. Во дворѣ стоятъ амбары и сараи, въ которыхъ хранятся мука, зерно и солома. Но не только съ княжеской пашни поступаютъ сюда эти продукты: ихъ привозятъ сюда и крестьяне, живущіе на земляхъ князя. Онъ точно установилъ, кто, сколько муки,

зерна и соломы долженъ привезти въ его усадьбу. Приказчикъ, который живетъ тутъ же въ усадьбѣ, долженъ слѣдить, чтобы все поступало исправно. Кромѣ того, князь опредѣлилъ, сколько какой крестьянинъ долженъ привезти сѣна, а также рыбы и всякаго рода живности къ большимъ праздникамъ. Да и вообще всѣ подати крестьяне уплачиваютъ не деньгами, а тѣмъ, что добываютъ въ своемъ хозяйствѣ. Почти все, необходимое для жизни, крестьяне добываютъ и дѣлаютъ сами; поэтому они мало продаютъ и мало покупаютъ, а потому у нихъ и денегъ мало. Такъ же живетъ и удѣльный князь. Своихъ слугъ онъ вознаграждаетъ или изъ тѣхъ запасовъ, что поступаютъ съ крестьянъ, или раздаетъ имъ земли въ своихъ владѣніяхъ.

Но онъ не только собираетъ подати съ крестьянъ, какъ какой-нибудь государь, онъ и судитъ ихъ. Такую сцену суда мы видимъ на картинѣ: князь, окруженный боярами и слугами, сидитъ передъ крыльцомъ своего терема и разбираетъ дѣла стоящихъ передъ нимъ крестьянъ; руководится онъ при этомъ отчасти „Русской Правдой", составленной лѣтъ за 200 до него (см. стр. 31), отчасти—новыми обычаями. Ни великій князь, ни его слуги въ эти судебныя дѣла удѣльнаго князя вмѣшиваться не могутъ.

Такихъ помѣщиковъ-государей стало много въ Суздальской Руси послѣ Всеволода Большое Гнѣздо. Наиболѣе крупные изъ нихъ—тверскіе, нижегородскіе, рязанскіе, часто спорили съ владимирскими изъ-за великаго княженія и временами захватывали его въ свои руки. Эта борьба много помогла новымъ врагамъ Руси, которые появились въ южно-русскихъ степяхъ всего черезъ 11 лѣтъ послѣ смерти Всеволода. Это были татары.

VIII. Татарское иго.

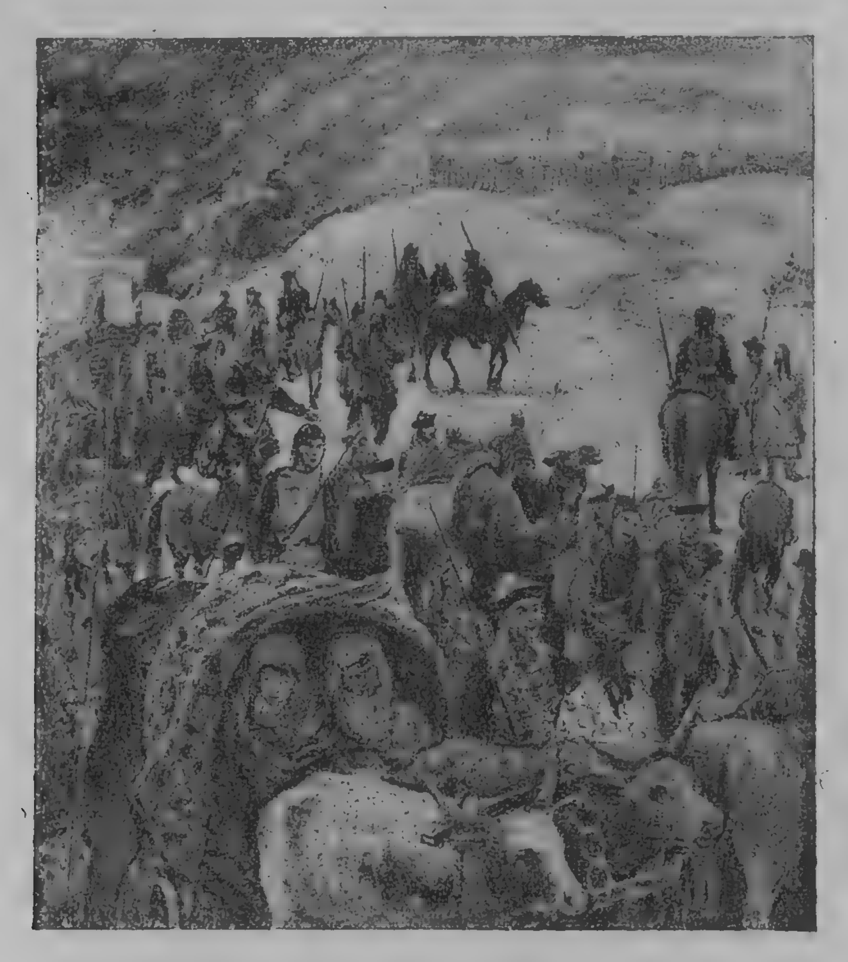
Въ 1223 году въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочевали давнишніе враги Руси—половцы, появились новые кочевники—татары. Какъ и ихъ предшественники, они пришли изъ Азіи, гдѣ къ этому времени успѣли сдѣлать большія завоеванія. Татары были въ это время язычниками (потомъ они приняли магометанство), и главнымъ божествомъ у нихъ было Небо, но они уважали вѣру покоренныхъ ими народовъ и не обращали ихъ въ свою вѣру. Главную силу ихъ войска составляла конница, вооруженная копьями, луками и стрѣлами; для защиты отъ нападеній врага служили кожаные шлемы, панцыри и щиты. Татары хорошо умѣли брать города.

Они выжигали и опустошали окрестности города на много верстъ кругомъ, чтобы прекратить подвозъ припасовъ; населенiе этихъ окрестностей они забирали въ плѣнъ. Затѣмъ они обносили городъ тыномъ, такъ что туда уже никто не могъ проникнуть, подкатывали стѣнобитныя машины и начинали громить стѣны; затѣмъ изъ громадныхъ метательныхъ машинъ они забрасывали городъ громадными камнями, горшками съ зажженной нефтью и другими зажигательными снарядами. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, къ которымъ они привлекали своихъ плѣнниковъ, татары съ помощью лѣстницъ бросались на штурмъ стѣнъ, и обыкновенно брали городъ. Прежде чѣмъ начать завоеванiя какой-нибудь страны, они черезъ особыхъ людей точно развѣдывали, какова эта страна: какой въ ней климатъ, какiя рѣки, возвышенности, какiе есть города и гдѣ они лежатъ и т. п.; впереди войска всегда шли развѣдчики, которые намѣчали мѣста стоянокъ для отдѣльныхъ отрядовъ этого войска.

Вотъ такой-то сильный врагъ напалъ на половцевъ въ 1223 г. Половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Нѣкоторые князья (южные) пришли къ нимъ на помощь, другiе (сѣверные)—рѣшили, что это дѣло ихъ не касается. На берегахъ р. Калки (она впадаетъ съ сѣвера въ Азовское море, см. карту) произошла битва, въ которой русскiе и половцы потерпѣли страшное пораженiе. Однако, татары не пошли послѣ этого дальше на Русь: умеръ ихъ Великiй Ханъ, среди его преемниковъ начались раздоры, потомъ татары занялись покоренiемъ Китая и имъ пока было не до новыхъ завоеванiй на западъ отъ ихъ владѣнiй въ Азiи.

Черезъ 13 лѣтъ послѣ битвы на Калкѣ татары вновь появились въ предѣлахъ Руси. Придя прежде всего въ приволжскiя степи, они покорили Камскихъ Болгаръ (см. карту), а затѣмъ напали на Рязанское княжество. Рязанскiй князь просилъ помощи у другихъ князей, но никто ему не помогъ; каждый удѣльный князь думалъ только о себѣ, никто не слушался великаго князя, никто какъ будто не сознавалъ, что опасность угрожаетъ всей русской землѣ, а не одному какому-нибудь княжеству. Рязань была взята, все княжество разорено и разграблено. Затѣмъ наступила очередь другихъ княжествъ. Татары захватили и сожгли Москву, Суздаль, Владимиръ и другiе города Суздальскаго края. Тогдашнiй великiй князь владимирскiй Юрiй попытался дать битву татарамъ, но потерпѣлъ пораженiе и былъ убитъ. Потомъ татары взяли Тверь, Торжокъ и направились къ Новгороду, но

весенняя распутица остановила ихъ, и они ушли въ южныя степи. Черезъ годъ они принялись за покореніе южныхъ княжествъ: взяли Черниговъ, Кіевъ (онъ былъ взятъ въ 1240 г.), Галичъ, пошли дальше на западъ, въ Польшу и въ Венгрію, но потерпѣли здѣсь пораженіе и вернулись въ южно-русскія степи. Здѣсь на берегу Волги они основали свою столицу Сарай. Такъ установилась власть татаръ надъ Русью или татарское иго, такъ

Осада Владимира татарами.

образовалась въ южныхъ степяхъ Золотая Орда, — какъ стало называться это татарское царство.

Большая часть русскихъ князей покорно подчинилась власти татаръ, и лишь немногіе думали о борьбѣ съ ними. Однимъ изъ такихъ князей былъ Даніилъ Галицкій. Его княжество было въ это время самымъ могущественнымъ и богатымъ изъ южныхъ княжествъ. Благодаря большому количеству переселенцевъ сюда изъ Кіевской Руси (см. выше стр. 37), оно сдѣлалось ко вре-

мени татарскаго нашествія густонаселеннымъ и богатымъ. Князей здѣсь было мало, и княжество не дѣлилось на удѣлы. Благодаря дѣятельности нѣсколькихъ талантливыхъ и доблестныхъ князей, оно стало могущественнымъ и оказывало большое вліяніе на другія южно-русскія княжества. Была и тутъ большая усобица въ малолѣтство князя Даніила, но онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ и сталъ такимъ же единодержавнымъ правителемъ, какими были въ Суздальской землѣ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III. Онъ не любилъ старую столицу княжества Галичъ, гдѣ жило вліятельное боярство, а основалъ новую — Холмъ (подобно тому, какъ Андрей Боголюбскій не любилъ Ростова и поселился во Владимирѣ).

При нашествіи татаръ Даніилъ бѣжалъ въ Венгрію. Когда татары ушли, онъ вернулся, сталъ возстанавливать разрушенные города, созывать разбѣжавшихся жителей, привлекалъ новыхъ переселенцевъ. По видимости онъ подчинился татарамъ и старался жить съ ними въ мирѣ, но все время онъ мечталъ о сверженіи татарскаго ига. Чтобы достичь этого, онъ вступилъ въ переговоры съ главой западной католической церкви, римскимъ папой: Даніилъ соглашался признать папу главой церкви и въ Галиціи, а папа обязывался проповѣдывать крестовый походъ противъ татаръ. Но походъ этотъ не состоялся, и Даніилъ, вмѣсто помощи, получилъ отъ папы королевскую корону. Тогда онъ сталъ искать помощи у сосѣдняго литовскаго князя (см. карту). Татары узнали о замыслахъ Даніила, и послали противъ него войско. Татарскій воевода потребовалъ отъ Даніила срытія крѣпостей, и Даніилъ подчинился. Послѣ его смерти въ Галицкомъ княжествѣ начались усобицы, и одна его часть была завоевана Литвой, а другая—Польшей.

Современникъ Даніила Галицкаго вел. князь владимирскій Александръ Невскій (внукъ Всеволода III) совсѣмъ не думалъ о борьбѣ съ татарами. Когда онъ былъ до этого княземъ въ Новгородѣ (съ новгородцами онъ между прочимъ ссорился благодаря своему самовластью), онъ велъ борьбу со шведами — ихъ онъ разбилъ однажды, въ годъ покоренія Кіева татарами, на р. Невѣ, откуда и его прозвище „Невскій", съ литовцами и съ нѣмцами—имъ онъ нанесъ пораженіе на льду Чудскаго озера,— это, такъ называемое, Ледовое побоище; но съ татарами онъ всячески ладилъ, и призывалъ населеніе къ полной покорности, а, когда оно само поднимало возстанія, онъ всѣми мѣрами старался прекратить ихъ,—даже угрозами и силой.

Въ чемъ же выражалась власть татаръ надъ Русью?

Вотъ передъ нами окраина русскаго села (см. картину); сюда пріѣхали татарскіе чиновники, „баскаки“, собирать дань. Вскорѣ же послѣ завоеванія Руси татары произвели перепись всего населенія и на всѣхъ, кромѣ духовенства, наложили дань. Эту дань они теперь и собираютъ; дань уплачивается *натурой* и рѣдко деньгами, и мы видимъ, какъ передъ баскаками лежатъ мѣха, кожи, цѣнная посуда, украшенія и проч.; кто не имѣлъ этого, приводилъ скотъ, а у кого не было и скота, долженъ былъ отдать кого-либо изъ своей семьи; такихъ связанныхъ женщинъ, обреченныхъ на уводъ въ неволю и продажу въ рабство, мы видимъ въ лѣвой части картины. Понятно, сколько горя и слезъ приносилъ русской деревнѣ каждый такой пріѣздъ „баскаковъ“!

А вотъ другая картина, которая рисуетъ съ другой стороны зависимость Руси отъ татаръ: передъ нами внутренность громаднаго ханскаго шатра; на тронѣ сидитъ ханъ съ женой, около—его свита; передъ ханомъ на колѣняхъ стоятъ русскіе князья, явившіеся сюда съ подарками—надо задарить хана, его женъ и всѣхъ приближенныхъ, и только послѣ этого каждый изъ нихъ получитъ отъ хана грамоту или „ярлыкъ“ на княженіе, которое онъ получилъ отъ своего предшественника: безъ такой подтвердительной ханской грамоты князь не можетъ править своимъ княжествомъ. За такой грамотой должны были въ свое время ѣздить въ Орду и Даніилъ Галицкій и Александръ Невскій.

Татары не вмѣшивались въ порядокъ наслѣдованія великихъ и удѣльныхъ князей, но если князья начинали ссориться и обращались сами за судомъ и помощью къ татарамъ, тѣ проявляли свою власть и уже по своему усмотрѣнію раздавали „ярлыки“, сажали въ тюрьму, а нерѣдко и убивали непокорныхъ князей и разоряли ихъ земли.

Тяжелое время настало теперь для Руси! Число удѣльныхъ князей становилось все больше и больше, а вотчины ихъ дѣлались все меньше и меньше. Чтобы увеличить ихъ, они старались добыть земли и всякаго добра у сосѣда; отсюда ихъ постоянные захваты чужихъ городовъ, селъ и людей и вѣчные споры и пререканія изъ-за этого. Въ споры вмѣшивались татары,—и за погромомъ княжескихъ ратей шелъ погромъ рати татарской. Великаго князя удѣльные не слушались и часто соединялись противъ него въ союзы, чтобы не дать ему усилиться. При такихъ условіяхъ порабощенная татарами Русь не могла, конечно, бороться

Баскаки. (Картина Иванова).

съ тяготѣвшимъ надъ нею игомъ. Но мало по малу стало выясняться, что одно изъ княжествъ Суздальской Руси—Московское, начинаетъ брать верхъ надъ остальными и подчинять ихъ себѣ. Когда оно подчинило себѣ почти всѣ удѣлы, оно могло свергнуть и татарское иго. Но это случилось только черезъ 240 лѣтъ послѣ завоеванія Кіева татарами.

Въ Золотой Ордѣ.
(Картина А. Максимова).

IX. Московское княжество.

При кн. Юріи Долгорукомъ (см. стр. 45) Москва была небольшимъ княжескимъ селомъ, которое лежало близко къ границѣ между Черниговскимъ и Ростово-Суздальскимъ княжествами; вслѣдствіе своей близости къ границѣ она вскорѣ стала крѣпостью: на берегу р. Москвы былъ укрѣпленъ валомъ и стѣной одинъ изъ холмовъ, омываемый съ другой стороны р. Неглинной,— нынѣшній Кремль. Москва стала быстро расти; когда съ княженія Юрія Долгорукаго сюда пошло особенно много переселенцевъ съ юга (см. стр. 37), то они, попадая въ предѣлы Ростово-

Суздальскаго края, прежде всего располагались по теченію р. Москвы; когда лучшія мѣста здѣсь были заняты, тогда позднѣйшіе переселенцы стали селиться въ болѣе сѣверныхъ мѣстахъ этого края. Не мало народа двигалось и по самой р. Москвѣ: своими истоками р. Москва подходитъ къ притокамъ Волги, а впадаетъ въ р. Оку; поэтому купцы, ѣхавшіе изъ Твери или Новгорода Великаго въ Рязань и дальше въ степь, къ средней Волгѣ, къ Дону, или обратно, держались обыкновенно теченія р. Москвы—этотъ путь былъ короче, чѣмъ путь черезъ Волгу въ Оку (см. карту); правда, съ Волги нельзя было попасть прямо въ р. Москву: нужно было *волокомъ* протащить суда и товары отъ рѣчки Ламы (Лама—притокъ Шоши, впадающей въ Волгу до р. Москвы (тутъ возникъ городокъ *Волоколамскъ*), но такое неудобство не было новостью для тогдашнихъ купцовъ; подобныхъ волоковъ было не мало на Руси, такъ какъ каналовъ, соединяющихъ теперь многія рѣки другъ съ другомъ, тогда не было. Окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсами, Москва лежала далеко отъ степи, и потому вплоть до нашествія татаръ (см. выше стр. 49) не повергалась нападеніямъ кочевниковъ, да и потомъ она рѣже другихъ частей Суздальскаго края испытывала набѣги татаръ. Долгое время Москва, какъ бѣдный удѣлъ, доставалась младшимъ князьямъ въ потомствѣ Всеволода III.

Лѣтъ черезъ 100 послѣ Андрея Боголюбскаго, уже во время татарскаго ига, Москва досталась въ удѣлъ младшему сыну Александра Невскаго Даніилу; на Москву еще смотрѣли, какъ на бѣдный, незавидный удѣлъ, и потому она досталась младшему сыну Александра. Но скоро выяснилось, что московскій князь—опасный соперникъ для другихъ князей въ борьбѣ за великое княженіе. Собирая подати съ населенія, численность котораго съ каждымъ годомъ все увеличивалась, облагая пошлинами купцовъ, которые проѣзжали съ товарами по р. Москвѣ, московскіе удѣльные князья какъ будто незамѣтно, но постепенно и неуклонно все богатѣли. Какъ князья младшіе, они не могли надѣяться, что до нихъ когда-нибудь дойдетъ *очередь* великаго княженія, а потому они начинаютъ добиваться его силой.

Князь Даніилъ и его сынъ Юрій отняли у Рязанскаго князя г. Коломну—при впаденіи р. Москвы въ Оку, и у Смоленскаго князя г. Можайскъ—въ верховьяхъ р. Москвы; теперь уже все теченіе этой рѣки было въ рукахъ московскаго князя, и по ней купцу нельзя было проѣхать, не заплативъ ему пошлины. Но князь Юрій отважился на большее: онъ сталъ искать въ Ордѣ

Постройка Кремлевскихъ стѣнъ. (Картина Васнецова).

„ярлыка“ на великое княженіе Владимирское. Его соперникомъ былъ Тверской князь Михаилъ. Они пустили въ ходъ всѣ средства: подкупъ, насиліе, и пр., но не добились ничего и оба погибли въ Ордѣ. Великимъ княземъ сталъ сынъ Михаила Александръ. Но вскорѣ у него сталъ оспаривать этотъ титулъ братъ Юрія Иванъ. Когда въ Твери поднялось возстаніе противъ татаръ, Иванъ не погнушался взять на себя роль усмирителя этого возстанія, и получилъ въ Ордѣ „ярлыкъ“ на великое княженіе. Это случилось въ 1328 году, и съ этого времени званіе великаго князя уже не выходило изъ рукъ московскихъ князей.

Располагая большими денежными средствами, Иванъ (онъ имѣлъ прозвище *Калита*—денежный мѣшокъ) покупалъ у мелкихъ удѣльныхъ князей на Бѣлоозерѣ ихъ земли и этимъ увеличивалъ свои владѣнія. Съ татарами онъ жилъ въ полномъ ладу, отвозилъ въ Орду богатые подарки и добился того, что сборъ дани былъ представленъ ему самому, безъ участія „баскаковъ“; для населенія такой порядокъ былъ и болѣе выгоднымъ („баскаки“ всегда сверхъ дани брали еще не мало въ свою пользу) и болѣе спокойнымъ. И вообще татары въ его княженіе не нападали на Русь. Съ другой стороны, по преданію, Калита много боролся съ «татями», т. е. внутренними разбойниками и ворами. Поэтому притокъ переселенцевъ въ Московское княжество все увеличивался, и потому оно все продолжало богатѣть. Князья строили для переселенцевъ города, слободы и села. Они выкупали въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и разселяли ихъ по этимъ слободамъ и седамъ. Наконецъ, было очень важно, что при Калитѣ въ Москву переселился изъ Владимира русскій митрополитъ, и Москва стала церковной столицей Руси. И Калита и его преемники щедро одаряли митрополита и русскую церковь, а митрополиты поддерживали московскихъ князей въ ихъ борьбѣ съ другими князьями; московскіе князья старались дѣйствовать съ согласія и благословенія митрополитовъ, и это благословеніе возвышало московскаго князя въ глазахъ населенія всей Руси. Кромѣ того, по дѣламъ церкви, къ митрополиту стало пріѣзжать не мало людей, которые часто потомъ оставались тутъ жить. Все это опять таки увеличивало населеніе Москвы и обогащало казну Московскаго князя.

Не мало стало приходить въ Москву и бояръ съ ихъ слугами изъ другихъ удѣловъ: служить великому князю, да еще такому богатому, какъ московскій, было и выгоднѣе, и почетнѣе, чѣмъ удѣльному; приходъ бояръ съ ихъ слугами увеличивалъ

рать московскаго князя и обезпечивалъ ему успѣхъ въ борьбѣ съ сосѣдями. Понятно, что въ этой борьбѣ бояре поддерживали московскаго князя: они не хотѣли опять стать удѣльными боярами.

X. Первая попытка борьбы съ татарами. Дмитрій Донской и Куликовская битва.

Московское княжество продолжало увеличиваться и богатѣть и при сыновьяхъ Ивана Калиты; татарскихъ погромовъ не было. При второмъ сынѣ Калиты суздальскіе князья попытались было добиться въ Ордѣ „ярлыка“ на великое княженіе, но безуспѣшно. Точно также они не добились этого и въ малолѣтство внука Калиты князя Дмитрія: московскіе бояре и митрополитъ Алексѣй отстояли права московскаго князя.

А между тѣмъ въ Ордѣ происходили смуты и усобицы. За 20 лѣтъ послѣ смерти Ивана Калиты тутъ смѣнилось 7 хановъ, и всѣ они умерли не своей смертью. Наконецъ, Орда распалась на 2 части, ханы которыхъ были въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ. Среди населенія Руси уже прошелъ прежній страхъ передъ татарами, и вотъ князь Дмитрій, возмужавши и взявъ власть въ свои руки, рѣшился на борьбу съ татарами. Но первое столкновеніе его съ татарами, когда онъ выступилъ на помощь Суздальскому князю, было неудачно: его войско слишкомъ положилось на свои силы и не приняло мѣръ предосторожности; расположившись лагеремъ, русскіе воины сложили „свои доспѣхи, щиты и шлемы на телѣги, а сами, страдая отъ іюльской жары, стали ѣздить безъ оружія, растегнувшись и растрепавшись, какъ въ банѣ. Напивались пивомъ и медомъ и хвастали, говоря: изъ насъ одинъ можетъ на 100 татаръ ѣхать; никто не можетъ противъ насъ устоять“. Поэтому, когда на него неожиданно, изъ-за лѣса, напали татары, русское войско было разбито. Однако уже въ слѣдующимъ году кн. Дмитрій разбилъ на голову одинъ татарскій отрядъ. Кромѣ того, въ Москвѣ рѣшили уменьшить дань Ордѣ. Тогда ордынскій ханъ Мамай задумалъ большой походъ на Русь.

Мамай нашелъ себѣ двухъ союзниковъ: литовскаго и рязанскаго князей. Послѣдній думалъ этимъ союзомъ предупредить разгромъ своего княжества при походѣ Мамая противъ Москвы. Князь Дмитрій тоже сталъ искать союзниковъ среди русскихъ князей, но къ нему пришли только его „подручные“ князья—

Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе; всего въ его войскѣ было до 150 тысячъ человѣкъ—войско по тому времени очень большое. Передъ выступленіемъ противъ татаръ кн. Дмитрій отправился за совѣтомъ и благословеніемъ къ основателю и игумену Троицкаго монастыря (въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ Москвы) преподобному Сергію. Тотъ одобрилъ намѣреніе московскаго князя и благословилъ его на бой съ татарами.

Битва съ татарами произошла 8 сентября 1380 г. на Куликовомъ полѣ на берегахъ р. Непрядвы, притока Дона (въ нынѣшней Тульской губ.). Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата, кн. Дмитрій спряталъ въ засаду; когда полки Дмитрія стали ослабѣвать въ битвѣ съ татарами, этотъ отрядъ неожиданно напалъ на нихъ, и татары были разбиты (литовскій князь опоздалъ со своей помощью). Преслѣдуемые русскими, они бросили свой лагерь со всей своей добычей и, спасаясь бѣгствомъ, вернулись въ свои кочевья. Князь Дмитрій получилъ послѣ этой битвы прозвище Донского.

Итакъ, черезъ 140 лѣтъ послѣ установленія татарскаго ига русскіе рѣшились, наконецъ, выступить на открытую борьбу съ татарами, и татары были разбиты. Однако, черезъ 2 года послѣ Куликовской битвы ханъ Тохтамышъ врасплохъ напалъ на Москву. Князь Дмитрій, не ожидавшій этого нападенія, уѣхалъ въ Кострому собирать полки, оставивъ въ Москвѣ митрополита, довѣренныхъ бояръ и свою семью. Тохтамышъ не могъ взять только что построенныхъ Дмитріемъ каменныхъ стѣнъ Кремля, и потому онъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пообѣщалъ жителямъ, что не разоритъ Кремля и не тронетъ ихъ самихъ, если они откроютъ ворота и уплатятъ ему выкупъ. Москвичи, просидѣвшіе уже нѣсколько недѣль въ осадѣ, повѣрили Тохтамышу, и открыли ворота. Татары сожгли и разграбили Кремль и, наложивъ новую дань на Москву, ушли. Дмитрій Донской долженъ былъ вновь признать себя данникомъ татаръ, и даже выдалъ имъ въ качествѣ заложника своего сына.

Такимъ образомъ послѣ Куликовской битвы татарское иго не было свергнуто, но зато она ободрила русскихъ, внушила надежду, что татаръ можно побѣдить; надо только дѣйствовать дружно; татары еще врагъ опасный и нельзя думать, что одинъ русскій воинъ справится съ сотней татаръ (какъ думали воины кн. Дмитрія за нѣсколько лѣтъ до Куликовской битвы), но они и не непобѣдимы. Такъ какъ въ 1380 году русскіе выступили на борьбу съ татарами подъ предводительствомъ московскаго князя,

то естественно, что уваженіе къ нему со стороны всего русскаго народа увеличилось; съ тѣхъ поръ народъ сталъ съ надеждой смотрѣть на московскихъ князей, какъ на защитниковъ Руси отъ татаръ. Съ другой стороны и татары увидѣли теперь, что русскіе становятся для нихъ опасными и ненадежными данниками, въ открытомъ полѣ съ ними лучше не встрѣчаться; надо дѣйствовать хитростью и неожиданностью нападенія — такъ и поступилъ Тохтамышъ черезъ 2 года послѣ Куликовской битвы.

XI. Собираніе послѣднихъ удѣловъ. Иванъ III и Василій III.

При сынѣ и внукѣ Дмитрія Донского, хотя и были между князьями усобицы, но ростъ Московскаго княжества продолжался, и одинъ удѣлъ за другимъ присоединялись къ Москвѣ. Прошло 80 лѣтъ со времени Куликовской битвы, и московское княжество было самымъ большимъ изъ всѣхъ оставшихся еще самостоятельными княжествъ — только Новгородъ Великій превосходилъ его своими владѣніями. И вотъ при правнукѣ Дмитрія Донского Иванѣ III и Новгородъ долженъ былъ подчиниться Москвѣ, и почти всѣ удѣлы вошли въ составъ московскаго княжества.

Въ Новгородѣ, какъ уже говорилось раньше, царили постоянныя несогласія, „меньшіе люди“ постоянно боролись съ „лучшими“; побѣдителями обычно выходили послѣдніе. Поэтому „лучшіе“ люди такъ и дорожили старыми новгородскими порядками, при которыхъ вся власть въ Новгородѣ принадлежала вѣчу; „меньшіе“ люди этими порядками не дорожили: отъ нихъ они не видѣли для себя никакой пользы. А между тѣмъ сосѣди Новгорода—московскій и литовскій князья, все усиливались и не прочь были завладѣть новгородскими землями. Устоять противъ такихъ сосѣдей Новгородъ не могъ, и ему приходилось выбирать между подданствомъ Москвѣ и Литвѣ. „Лучшіе“ люди завели переговоры съ литовскимъ княземъ, который обѣщалъ имъ въ случаѣ, если они признаютъ его власть, сохранить въ Новгородѣ вѣче, но требовалъ, чтобы они заключили особый союзъ съ католической церковью, признавъ римскаго папу главой церкви. „Меньшіе“ люди держали сторону московскаго князя, надѣясь найти въ немъ защитника противъ „лучшихъ людей“, тѣмъ болѣе, что и церковь новгородская въ этомъ случаѣ оставалась по прежнему подъ властью московскаго митрополита; не дорожа

вѣчемъ, они охотно были готовы принять намѣстника изъ Москвы, который бы правилъ тутъ всѣми дѣлами.

Новгородцы платили Москвѣ дань, но часто неисправно; иногда новгородскіе „ушкуйники“ (см. выше стр. 38) нападали на московскіе предѣлы и грабили ихъ; иногда новгородцы оказывали поддержку врагамъ Москвы. Все это вызывало недовольство московскихъ князей, и они иногда предпринимали походы противъ Новгорода и брали съ него „окупы“, т. е. контрибуціи. Такіе же поводы для недовольства не разъ возникали и послѣ того, какъ великимъ княземъ московскимъ сталъ Иванъ III. Такъ какъ ни угрозы его, ни увѣщанія не дѣйствовали на новгородцевъ, то онъ рѣшилъ предпринять противъ Новгорода походъ. Въ Новгородѣ узнали объ этомъ, и бояре рѣшили, призвавъ на помощь литовскаго князя, порвать съ Москвой. Для рѣшенія этого вопроса было созвано вѣче. „Меньшіе люди“ стали было кричать: „хотимъ по старинѣ къ Москвѣ! Нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита — латинца“ (т. е. кіевскаго), но „худые мужики — вѣчники“, какъ называетъ ихъ лѣтопись, съ камнями въ рукахъ выступили на защиту бояръ, подкупившихъ ихъ. Вѣче рѣшило заключить договоръ съ польско-литовскимъ королемъ, и тѣмъ порвало съ Москвой.

Лѣтомъ 1471 года московское войско двинулось на Новгородъ, и новгородцы были разбиты у о. Ильменя. Бояре стали было готовиться къ осадѣ, но прекращеніе подвоза припасовъ, а главное—борьба съ „меньшими людьми“, заставили ихъ пойти на миръ съ Иваномъ III. Новгородъ обязался порвать договоръ съ польско-литовскимъ королемъ и выплатить Москвѣ контрибуцію въ $1^1/_2$ мил. рублей (на наши деньги). Но не такого мира хотѣли въ Москвѣ: тамъ хотѣли полнаго подчиненія Новгорода. Важно было овладѣть обширными землями Новгорода, славившимися своими естественными богатствами. Московскимъ купцамъ хотѣлось, чтобы всѣ выгоды новгородской торговли попали въ ихъ руки, (хотя торговля Новгорода пришла къ этому времени въ упадокъ), а вѣдь Новгородъ имѣлъ теперь выходъ къ Балтійскому морю (не говоря уже про то, что онъ издавна владѣлъ берегомъ Бѣлаго моря)! Московскимъ князьямъ давно уже не нравилось, что въ Новгородѣ еще существуетъ вѣче, которое часто идетъ наперекоръ ихъ княжеской власти. Въ Москвѣ порядки иные — тутъ вся власть въ рукахъ князя, и такіе же порядки имъ хотѣлось установить во всѣхъ частяхъ русской земли.

И вотъ черезъ 7 лѣтъ послѣ похода 1471 года Иванъ III, придравшись къ незначительному поводу, предпринялъ второй походъ на Новгородъ. Такъ какъ новгородцы ни откуда не получили помощи, то до столкновенія дѣло не дошло, и они подчинились. Вѣче было отмѣнено, а вѣчевой колоколъ отвезенъ въ Москву; должность посадника была уничтожена и на Новгородъ была наложена тяжелая ежегодная дань. Предводительница боярской партіи, вдова посадника Марѳа Борецкая, много бояръ и купцовъ были переселены въ Москву и въ московское княжество; земли ихъ частью отобраны на великаго князя, частью — розданы мелкимъ служилымъ людямъ, переведеннымъ сюда изъ Москвы. Теперь уже въ Новгородѣ некому было стоять за вѣче и враждовать съ Москвой.

Вскорѣ настала очередь Твери и разныхъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ — Ростовскихъ, Ярославскихъ, Новосильскихъ, Бѣльскихъ и проч.; всѣ они должны были признать власть Москвы. Такимъ образомъ сыну и преемнику Ивана III — Василію III оставалось присоединить только Псковъ (съ нимъ онъ поступилъ такъ же, какъ Иванъ III съ Новгородомъ), Рязань и Смоленскъ, и вся сѣверо-восточная Русь была теперь подъ властью великаго князя московскаго. Если сравнить то пространство, которое занимало московское княжество при вступленіи на престолъ Ивана III съ тѣмъ, которое оно занимако черезъ 70 лѣтъ, въ концѣ княженія Василія III, то мы увидимъ, что оно увеличилось почти вчетверо. Во всѣхъ присоединяемыхъ къ Москвѣ земляхъ московскіе князья устанавливали одинаковые порядки. Чтобы лучше достичь этого, Иванъ III рѣшилъ издать Судебникъ, по которому одинаково судили бы во всѣхъ его земляхъ. Этотъ судебникъ замѣнилъ собой „Русскую Правду“ и тѣ особы законы, которые раньше были въ разныхъ удѣльныхъ княжествахъ. По судебнику Ивана III дѣла рѣшались двоякимъ способомъ: 1) обвинителю и обвиняемому предлагалось поцѣловать крестъ, т. е. присягнуть въ правильности своего показанія; предполагалось, что на крестоцѣлованіе рѣшится только тотъ, кто правъ, — онъ и выиграетъ дѣло; 2) между обвинителемъ и обвиняемымъ устраивался въ присутствіи судьи поединокъ; побѣдитель выигрывалъ дѣло — ему помогъ Богъ, а Богъ помогаетъ всегда правымъ.

Уничтоженіе Новгородской вольницы.

(Картина Лебедева).

XII. Паденіе татарскаго ига.

За 100 лѣтъ послѣ Куликовской битвы московское княжество, какъ сказано выше, очень увеличилось въ размѣрахъ, окрѣпло и усилилось. Въ то же время Орда все слабѣла, и еще до княженія Ивана III раздѣлилась на 3 Орды: Казанскую, Крымскую и Золотую, которыя враждовали между собой, что, конечно, было на руку Москвѣ. Съ первой изъ нихъ Иванъ III не мало воевалъ и добился того, что ханы въ ней ставились только съ его согласія. Крымская Орда вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ была завоевана турками, которые за 22 года до этого овладѣли Константинополемъ и послѣдними владѣніями греческой имперіи (съ тѣхъ поръ они владѣютъ Константинополемъ до сихъ поръ). Съ Крымской Ордой Иванъ III старался жить въ дружбѣ, посылалъ хану богатые подарки, чтобы тотъ не нападалъ на южныя границы его земель. Что касается Золотой Орды, ханъ которой все-таки еще считался главнымъ изъ всѣхъ остальныхъ и получалъ съ Москвы дань, то Иванъ III рѣшилъ стать независимымъ отъ нея и пересталъ платить дань. Тогда ханъ Золотой Орды пошелъ съ войскомъ на Русь. Иванъ III пошелъ ему навстрѣчу, и оба войска встрѣтились на берегахъ р. Угры (притокъ Оки, впадаетъ въ нее около Калуги). Враги долго стояли другъ противъ друга, не рѣшаясь перейти рѣку, и Иванъ III даже уѣхалъ въ Москву; однако, пристыженный тутъ ростовскимъ архіепископомъ и народомъ, который назвалъ его „бѣгуномъ“, вернулся назадъ. До сраженія дѣло однако не дошло, но Иванъ III послалъ отрядъ войска въ тылъ Ахмату, въ предѣлы Золотой Орды, и Ахматъ ушелъ къ себѣ. Въ Ордѣ онъ былъ убитъ, а Москва такъ больше и не платила дани татарамъ. „Стояніе на Угрѣ“ происходило ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ Куликовской битвы и черезъ 240 лѣтъ послѣ установленія татарскаго ига надъ Русью. 1480-й годъ и считается годомъ паденія татарскаго ига. Но нападенія на Русь татаръ—и казанскихъ, и крымскихъ и всякихъ другихъ, продолжались еще долго.

XIII. Новые порядки при дворѣ великаго князя Московскаго.

Ко времени Ивана III видъ Московскаго Кремля очень измѣнился по сравненію съ тѣмъ, что онъ имѣлъ за 300 лѣтъ до этого (см. стр. 57); онъ сильно увеличился въ размѣрахъ и очень

застроился. Да и немудрено: вѣдь Москва теперь уже не пограничная крѣпость, не главный городъ одного изъ удѣльныхъ княжествъ—она теперь *столица всей Руси*, и великій князь московскій теперь уже называетъ себя иногда *царемъ и государемъ всея Руси*. Его новому положенію долженъ соотвѣтствовать и новый видъ его столицы. Поэтому Иванъ III и принимается дѣятельно за постройки въ Кремлѣ. Но побудили его къ этому и другія причины.

Вторымъ бракомъ Иванъ III былъ женатъ на греческой царевнѣ Софьѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, убитаго при взятіи Константинополя турками (въ 1453 г.). Привыкшая къ роскоши византійскаго двора, Софья всѣмъ была недовольна въ Москвѣ: княжескія хоромы были малы и тѣсны—какъ у какого-нибудь помѣщика средней руки, порядокъ жизни въ нихъ слишкомъ простъ и однообразенъ и т. п. По совѣту жены Иванъ III выписываетъ изъ Италіи (тамъ, въ Римѣ, жила Софья нѣсколько лѣтъ послѣ паденія Константинополя) греческихъ и итальянскихъ мастеровъ строительнаго искусства, и они обносятъ Кремль новыми, болѣе длинными, чѣмъ раньше, каменными стѣнами, съ такими же зубцами, какъ въ итальянскихъ городахъ, и разнофигурными башнями; потомъ перестраиваются кремлевскіе соборы—Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій; первый изъ нихъ стали было перестраивать русскіе мастера, но не могли вывести сводовъ, и вся постройка рухнула. Тогда перестройка собора была поручена иноземцамъ, и ихъ работа простояла вѣка—Успенскій соборъ стоитъ и теперь, хотя, конечно, онъ не разъ подновлялся. Иванъ III любилъ посмотрѣть работу иноземныхъ мастеровъ и не рѣдко поднимался на лѣса, окружавшія постройки.

Наконецъ, дошла очередь и до княжескаго терема, вмѣсто котораго рѣшено было воздвигнуть „палаты“ (отъ итал. palazzo—дворецъ), а знаменитый итальянскій архитекторъ Аристотель Фіоравенти построилъ около нихъ Грановитую палату (она существуетъ и теперь); здѣсь стали происходить разныя торжественныя церемоніи, пріемы иностранныхъ пословъ по опредѣленному „чину“ (церемоніалу), не похожему на порядокъ пріема татарскихъ пословъ и проч.—Иванъ III былъ въ сношеніяхъ съ германскимъ императоромъ, Венеціанской республикой и съ Даніей. Кромѣ того, Иванъ III любилъ устраивать торжественные выходы въ Кремлевскіе соборы, на которыхъ присутствовали бояре, особая почетная стража, масса народа. Въ грамотахъ, объявлявшихся народу и посылавшихся въ другія страны, стали

писать вмѣсто „Иванъ“—„Іоаннъ“, что казалось болѣе торжественнымъ, а потомъ шелъ длинный титулъ, т. е. писалось такъ: „Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій“, и т. д. съ перечисленіемъ всѣхъ княжествъ, подчиненныхъ ему. Къ грамотамъ привѣшивалась печать съ государственнымъ гербомъ—двуглавый орелъ и на груди его прежній московскій гербъ—Георгій Побѣдоносецъ на конѣ, побѣждающій дракона; изображеніе двуглаваго орла было заимствовано отъ Византіи, и этимъ Иванъ III какъ бы хотѣлъ сказать, что онъ является преемникомъ византійскихъ императоровъ. А такъ, дѣйствительно, и онъ самъ смотрѣлъ на себя и многіе изъ его современниковъ. Когда былъ завоеванъ турками весь Балканскій полуостровъ и палъ Константинополь, то не осталось ни одного независимаго православнаго государя, кромѣ великаго князя московскаго; на него и начинаютъ теперь смотрѣть, какъ на единственнаго защитника православной вѣры, какъ раньше таковымъ считался византійскій императоръ; теперь московскій князь свергъ съ себя и татарское иго — кому, какъ не ему, быть преемникомъ византійскаго императора? Къ тому же Иванъ III породнился съ византійскимъ царствомъ, женившись на Софьѣ Палеологъ. Кромѣ того, стали говорить, что знаки царскаго достоинства давно уже переданы на Русь—именно самимъ византійскимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ великому князю Владиміру Мономаху, отъ котораго они перешли къ московскимъ князьямъ; это та шапка Мономаха и тѣ его бармы (оплечья), которыя возлагали на себя московскіе великіе князья (а потомъ и цари, и императоры) при вѣнчаніи на царство. Наконецъ, появились книжники, которые пытались доказать, что московскіе великіе князья—потомки римскаго императора Августа, въ правленіе котораго родился Христосъ. Все это, конечно, возвышало Ивана III въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ его подданныхъ.

Шапка Мономаха.

Количество иностранцевъ въ Москвѣ при Иванѣ III сильно увеличивается; кромѣ архитекторовъ, тутъ не мало было „мастеровъ“, знающихъ литье пушекъ, чеканку монеты; появляются здѣсь и лѣкари—„нѣмчины“. Такъ снова, какъ когда-то было, напримѣръ, при Ярославлѣ М., Русь начинаетъ входить въ общеніе съ болѣе образованными государствами Западной Европы.

XIV. Бояре, помѣщики и крестьяне въ великомъ княжествѣ Московскомъ.

При Иванѣ III и его сынѣ Василіи московскіе бояре много жаловались на то, что великіе князья и государи обращаются съ ними высокомѣрно, часто на нихъ „опаляются“ (гнѣваются), не созываютъ ихъ на совѣтъ въ Боярскую Думу, а рѣшаютъ всѣ дѣла съ немногими приближенными. А бояре привыкли къ другому: они издавна были совѣтниками московскихъ князей, помогали имъ въ управленіи, поддерживали ихъ въ борьбѣ съ другими князьями. Когда какой-нибудь мелкій удѣльный князь признавалъ—добровольно или вынужденно, власть московскаго князя, то онъ часто оставался жить въ своемъ удѣлѣ, но уже не въ качествѣ самостоятельнаго государя, а какъ намѣстникъ великаго князя московскаго; если же онъ переѣзжалъ въ Москву, то земля оставалась за нимъ, какъ его вотчина; съ этой земли онъ долженъ былъ нести ратную и всякую другую службу, являясь со своими „людьми“ всюду, куда его позоветъ государь. Здѣсь, въ Москвѣ, такой князь дѣлался членомъ Боярской Думы, и тѣмъ самымъ принималъ участіе въ управленіи государствомъ.

Но на службѣ московскихъ князей было не мало и простыхъ бояръ, не князей (старыхъ московскихъ или перешедшихъ изъ „удѣловъ“), и бояре-князья не хотѣли съ ними равняться по службѣ: себя они считали выше. Впрочемъ, и между собой они не мало спорили изъ-за того, кто изъ нихъ знатнѣе; спорили изъ-за этого и простые бояре. Поэтому при всякомъ назначеніи на службу начинались препирательства изъ-за того, кто какое мѣсто можетъ занять, не проронивъ достоинства и знатности своего рода; назначаемый соглашался только тогда принять должность, когда убѣждался, что онъ не будетъ въ подчиненіи равному съ нимъ или болѣе знатному, чѣмъ онъ самъ. Такой обычай считаться мѣстами при назначеніи на службу (а потомъ и за княжескимъ столомъ) получилъ названіе *мѣстничества*.

Съ обычаемъ „мѣстничества“ московскимъ князьямъ приходилось считаться, и соотвѣтственно съ знатностью своихъ многочисленныхъ бояръ (число ихъ увеличивалось по мѣрѣ присоединенія „удѣловъ“) они давали имъ разныя мѣста въ управленіи или дѣлали членами своего совѣта—Боярской Думы. Но по мѣрѣ того, какъ московскіе князья становились сильнѣе, они все больше и больше устраняли бояръ отъ управленія, рѣшая всѣ дѣла съ помощью простыхъ „дьяковъ“ (секретарей). А когда со времени Ивана III московскіе князья стали смотрѣть на себя, какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ, то они стали обращаться съ боярами еще круче, еще меньше давали имъ власти; имъ все хотѣлось дѣлать *самимъ*, безъ участія бояръ, многіе изъ которыхъ еще помнили время, когда они были самостоятельными князьями. А если бояре роптали, то и Иванъ III и Василій III „опалялись“ на нихъ, ссылали, постригали въ монахи, а то и казнили. Раньше бояре, недовольные московскимъ княземъ, могли отъ него „отъѣхать“ къ другому удѣльному князю; теперь, т. е. со времени Ивана III и Василія III „отъѣзжать“ было некуда—всѣ удѣлы были подъ властью Москвы; а если бояре уходили въ Литву или въ Польшу, то они объявлялись измѣнниками; будучи пойманы, они подвергались разнымъ наказаніямъ, что опять, конечно, вызывало ропотъ бояръ.

Своихъ „добрыхъ“ бояръ и вообще всѣхъ слугъ или „служилыхъ людей“ князья награждали землями (денегъ они сами имѣли мало) — и своими, и государственными; такія земли назывались „помѣстьями“, а ихъ владѣльцы—„помѣщиками“ и „дворянами“ Помѣстье было во временномъ пользованіи помѣщика—пока онъ служилъ князю; если онъ умиралъ или служилъ плохо, помѣстье отъ него отбиралось. Московскіе князья, призывая повсюду къ себѣ на службу людей, раздавали имъ помѣстья главнымъ образомъ на границахъ: въ Новгородскихъ земляхъ, около Смоленска, въ Сѣверскомъ краѣ, по Окѣ и т. п. (см. карту). Такъ же, какъ и владѣльцы „вотчинъ“, помѣщики должны были являться по первому зову великаго князя „конны, людны и оружны“, т.-е. съ конями, ратными людьми и въ полномъ вооруженіи.

Иногда служилымъ людямъ, сверхъ пожалованныхъ земель, давали денежное жалованье, а болѣе знатнымъ—„кормленія“, т.-е. ихъ посылали „намѣстниками“ въ города или „волостелями“ въ волости. За то, что они правили и судили, они получали съ населенія „кормы“ и „пошлины“, т.-е. дары въ опредѣленные

сроки (къ Рождеству, къ Пасхѣ и проч.) и плату за судъ и другія дѣйствія въ пользу населенія. Такое управленіе городомъ или волостью и называлось „кормленіемъ".

Земли, которыя раздавались служилымъ людямъ, были не пустыя: на нихъ жили крестьяне. Когда крестьяне жили на княжеской землѣ (во время существованія удѣловъ), они не были въ личной зависимости отъ князя; они жили общинами или „мірами" и сообща платили князю подать, которую онъ накладывалъ сразу на цѣлый „міръ"; между крестьянами эта подать распредѣлялась ими самими, и князь въ это дѣло не вмѣшивался; вся подать сразу отвозилась князю выборнымъ старостой. Если какой-нибудь крестьянинъ уходилъ изъ „міра", а другой приходилъ въ него, князь тоже въ эти дѣла не вмѣшивался—они вѣдались самимъ „міромъ"; для князя важно было только, чтобы вся положенная имъ подать была полностью и во время доставлена. Такимъ образомъ крестьяне свободно могли переходить съ земли одного князя на землю другого: нужно было только, чтобы одинъ „міръ" отпустилъ ихъ, а другой—принялъ.

Когда всѣ удѣлы были присоединены къ Москвѣ, то и все населеніе ихъ перешло подъ власть Московскаго князя, и онъ сталъ раздавать своимъ „служилымъ людямъ" земли въ этихъ удѣлахъ вмѣстѣ съ крестьянами, которые на нихъ жили; помѣщикъ несъ службу государю съ данной ему земли, а крестьяне обязаны были теперь работать на него (пахать, косить и проч.) и платить ему подать. И чѣмъ больше московскіе князья раздавали помѣстій, тѣмъ больше число крестьянъ попадало въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Помѣщикамъ былъ невыгоденъ свободный переходъ крестьянъ съ однихъ земель на другія, къ которому тѣ привыкли издавна: если бы съ ихъ земель ушло много крестьянъ, они не могли бы явиться на службу „конны и людны", а если бы земля ихъ не запахивалась крестьянами, то имъ и жить нечѣмъ было бы, такъ какъ вѣдь денежное жалованье отъ князя они получали рѣдко. И вотъ помѣщики стараются устроить такъ, чтобы крестьяне не могли уйти съ ихъ земли; они записывали крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ землями въ особыя „писцовыя книги" и считали попавшихъ въ эти книги прикрѣпленными къ той землѣ, которая была за ними записана; такіе крестьяне уже не могли переходить на другія земли. Съ крестьянами, не попавшими въ „писцовыя книги", „неписьменными", помѣщики заключали особое условіе, „порядную", въ которой опредѣлялось, какую работу на помѣщика долженъ выполнять

крестьянинъ и какую подать обязанъ ему вносить; при этомъ обыкновенно крестьянинъ получалъ отъ помѣщика взаймы деньги, сѣмена, скотъ и проч., и обязывался не уходить отъ помѣщика, пока не отработаетъ долга. Обычнымъ временемъ ухода крестьянъ былъ „Юрьевъ день осенній“ (26 ноября), недѣля до него и недѣля—послѣ. Къ этому времени заканчивался сельскохозяйственный годъ, и до начала новаго—въ февралѣ, мартѣ слѣдующаго года,—времени было достаточно и для того, чтобы крестьянинъ устроился на новомъ мѣстѣ, и для того, чтобы помѣщикъ могъ найти новаго поселенца. Но обыкновенно долги крестьянъ были такъ велики и съ каждымъ годомъ такъ росли, что они не могли расплатиться съ помѣщиками, и потому принуждены были оставаться на ихъ землѣ. Такъ постепенно число свободныхъ крестьянъ уменьшалось, а число прикрѣпленныхъ къ землѣ—все увеличивалось.

Иногда и сами крестьянскія общины содѣйствовали прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ: уходъ крестьянъ изъ общины былъ невыгоденъ тѣмъ, которые оставались въ ней—имъ приходилось платить и за себя, и за ушедшихъ; поэтому общины часто сами просили у князя права не выпускать „письменныхъ крестьянъ“, и князья давали имъ такое право. Такъ прикрѣплялись къ землѣ и крестьяне, которые жили на княжескихъ или государственныхъ земляхъ.

Къ концу княженія Ивана III оставалось уже мало свободныхъ земель, годныхъ для раздачи „служилымъ людямъ“, и тогда обратили вниманіе на обширный запасъ монастырскихъ земель. Благодаря жалованнымъ грамотамъ князей, пожертвованіямъ и завѣщаніямъ частныхъ лицъ, благодаря покупкамъ монастыри мало по малу стали владѣльцами большихъ имѣній. Вотъ Иванъ III и думалъ отобрать эти монастырскія имѣнія и потомъ раздавать ихъ служилымъ людямъ. Въ это время какъ разъ и среди самихъ монаховъ возникли споры о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть землями. Одни говорили, что у монастырей не должно быть никакихъ земель и богатствъ—они портятъ монашескую жизнь; монахи должны жить только трудами рукъ своихъ. Другіе на это возражали указаніемъ на богатые монастыри, въ которыхъ монахи жили, исполняя всѣ монашескіе обѣты и не отступая отъ подвижническаго житія, а богатство свое они употребляли на благотворительныя дѣла: на устройство богадѣленъ, пріютовъ и т. п. Кромѣ того, говорили эти монахи, если у монастырей не будетъ селъ, то „честные и благородные“

люди не пойдутъ въ монахи; откуда тогда взять архіереевъ? Для рѣшенія этого вопроса былъ созванъ церковный соборъ. На соборѣ было постановлено, что монастыри могутъ владѣть землями, и потому Иванъ III не рѣшился отобрать ихъ.

XV. Первый царь.

Послѣ смерти Василія III остался сынъ Иванъ, которому шелъ только 4-й годъ. Поэтому править государствомъ стала его мать, но черезъ 5 лѣтъ умерла и она, и маленькій великій князь остался сиротой. Правленіе перешло теперь въ руки бояръ, которые вели между собой ожесточенную борьбу: никто изъ нихъ не хотѣлъ дѣлиться властью съ другими. Бояре-соперники ссылали другъ друга, заточали, подсылали тайныхъ убійцъ; были низложены 2 митрополита. Стоило великому князю Ивану сблизиться съ какимъ-нибудь бояриномъ, какъ другіе бояре сейчасъ же устраняли его. При торжественныхъ церемоніяхъ бояре были очень почтительны съ маленькимъ государемъ, а во внутреннихъ покояхъ дворца держали себя пренебрежительно, съ неуваженіемъ относились къ памяти его отца. О воспитаніи Ивана никто не заботился, и, когда въ немъ стали обнаруживаться дурныя наклонности, никто его не останавливалъ; ему, напримѣръ, нравилось мучить животныхъ, и бояре не удерживали его отъ дурныхъ забавъ, какъ бросанье кошекъ со 2-го или съ 3-го этажа, натравливанье на нихъ собакъ и т. п. Потомъ такую же жестокость Иванъ сталъ проявлять и по отношенію къ людямъ. Подготовить великаго князя къ управленію государствомъ бояре нисколько не старались, да ничему хорошему они и не могли бы его научить: сами они только постоянно грабили и обижали народъ; изъ дворца они открыто тащили себѣ и золото, и серебро, и мѣха, и ткани. Понятно, что Иванъ не любилъ окружавшихъ его бояръ, но въ то же время былъ безсиленъ прогнать ихъ отъ себя; это развило въ немъ двоедушіе и притворство. Только со стороны одного человѣка вел. кн. Иванъ испытывалъ благотворное вліяніе—со стороны митрополита Макарія. Умный и образованный, Макарій пріохотилъ Ивана къ чтенію, внушилъ ему понятіе о Москвѣ, какъ о преемницѣ Византіи, и далъ ему мысль превратить великое княжество московское въ „царство“. Изъ прочитанныхъ книгъ Иванъ вынесъ высокое представленіе о власти государя, какъ установленной отъ Бога, и захотѣлъ потомъ на дѣлѣ показать все величіе своей власти.

И вотъ, въ 1547 году (т. е. черезъ 200 лѣтъ съ небольшимъ послѣ того, какъ московскіе князья добились титула великаго князя, см. стр. 59) Иванъ, призвавъ митрополита Макарія и бояръ, объявилъ имъ о своемъ желаніи принять *царскій* вѣнецъ (царь есть сокращенное слово отъ *цесарь*, цьсарь, т. е. императоръ). Царскій или цесарскій титулъ носили раньше византійскіе императоры, и такимъ образомъ Иванъ IV принятіемъ этого титула еще разъ подчеркнулъ, что московскій государь—преемникъ византійскихъ императоровъ. Въ томъ же году Иванъ IV (ему шелъ 17-й годъ) женился на Анастасіи Романовнѣ изъ рода бояръ Кошкиныхъ, которыхъ потомъ стали называть Романовыми по имени отца царицы, боярина Романа Юрьевича.

XVI. Перемѣны въ судѣ и управленіи при Иванѣ IV.

Вскорѣ же послѣ женитьбы молодого царя въ Москвѣ произошло нѣсколько большихъ пожаровъ. Во время одного изъ нихъ выгорѣлъ почти весь городъ, и въ огнѣ погибло до 1,500 человѣкъ (Москва была тогда деревянная, и потому пожары въ ней приносили обычно съ собой страшныя опустошенія). Царь съ женой и со всѣмъ дворомъ уѣхалъ въ одну изъ „подмосковныхъ“— село Воробьево (на Воробьевыхъ горахъ). А между тѣмъ бояре, борьба между которыми продолжалась, пустили слухъ, что виновники пожара—князья Глинскіе, родственники молодого царя со стороны матери. Тогда толпа московской черни напала на домъ одного изъ князей Глинскихъ, разграбила его, перебила слугъ, а самого его настигла въ Успенскомъ соборѣ и убила. Потомъ толпа двинулась въ Воробьево и потребовала тутъ у царя выдачи его бабки, княгини Глинской, съ сыномъ, т. е. дядей царя Ивана. Въ отвѣтъ на это требованіе царь приказалъ схватить вожаковъ толпы и казнить. Послѣ этого мятежъ затихъ, но подстрекатели къ нему—бояре, остались безнаказанными.

Однако этотъ мятежъ показалъ царю, что въ государствѣ его далеко не все благополучно. Подъ вліяніемъ митрополита Макарія и священника Благовѣщенскаго собора Сильвестра, съ которымъ сблизилъ царя Макарій, Иванъ IV рѣшилъ лично приняться за управленіе государствомъ. Былъ учрежденъ *Челобитный приказъ*, т. е. такая канцелярія, черезъ которую царю *били челомъ*, т. е. просили о заступничествѣ всѣ обиженные. Такимъ путемъ царь хотѣлъ узнать нужды народа и раскрыть злоупотребленія чиновниковъ. Начальникомъ Челобитнаго приказа

былъ сдѣланъ незнатный служилый человѣкъ Адашевъ, со званіемъ *окольничаго*, т. е. находящагося около особы государя. Макарій, Сильвестръ и Адашевъ стали постоянными совѣтниками молодого царя. Подъ ихъ вліяніемъ царь назначилъ въ Боярскую Думу новыхъ достойныхъ людей. Все это вызывало ропотъ бояръ, которые раньше держали въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ и извлекали изъ этого много личной выгоды (см. выше). Еще больше возроптало это боярство, когда были произведены важныя перемѣны въ судѣ и управленіи.

Черезъ 3 года послѣ вѣнчанія Ивана IV на царство былъ созванъ *соборъ* (т.-е. совѣщаніе) духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для обсужденія того, что нужно сдѣлать, чтобы улучшить жизнь народа. Съ благословленія собора былъ изданъ новый Судебникъ, въ замѣну Судебника Ивана III (см. стр. 64), который требовалъ для установленія правосудія, чтобы на судѣ намѣстниковъ и волостелей присутствовали выборные отъ народа старосты и *цѣловальники* (т. е. цѣловавшіе крестъ, присяжные).

Черезъ годъ послѣ этого Иванъ IV созвалъ на соборъ архіереевъ и игуменовъ важнѣйшихъ монастырей для обсужденія разныхъ церковныхъ вопросовъ. Въ богослуженіи и обрядахъ православной церкви было много неправильностей, въ ея управленіи и хозяйствѣ было много злоупотребленій, въ народѣ сохранялось много языческихъ обрядовъ и суевѣрій, народъ былъ сплошь неграмотенъ — все это нужно было исправить, и соборъ долженъ былъ указать, какъ именно это сдѣлать. Царь со своей стороны предлагалъ открыть при церквахъ училища, въ которыхъ члены церковнаго причта обучали бы дѣтей; въ городахъ предполагалось устроить для больныхъ и престарѣлыхъ людей богадѣльни. Соборъ составилъ сборникъ правилъ церковнаго порядка и благочинія, который былъ раздѣленъ на 100 главъ, почему и называется „Стоглавомъ“ (такъ же называютъ и самый соборъ).

Затѣмъ были произведены перемѣны въ управленіи. Населеніе уѣздовъ и волостей (на которые распадался каждый уѣздъ) много жаловалось на царскихъ намѣстниковъ (правителей городовъ съ окрестностями) и волостелей (правителей волостей) или „кормленщиковъ“ (см. выше стр. 72).

Вотъ пріѣзжаетъ такой „кормленщикъ“, посланный изъ Москвы. Въ „земской избѣ“ собираются представители мѣстнаго населенія съ „въѣзжимъ кормомъ“ въ рукахъ: тутъ и хлѣбъ-соль, и птица, и всякая живность, холстъ и дорогая матерія на шубу и т. п. Обычай такой: „кто что принесетъ“, но жители

волости знаютъ, что принести мало нельзя—это значитъ сразу поссориться съ „кормленщикомъ“; къ тому же онъ пріѣхалъ не одинъ: съ нимъ цѣлый штатъ чиновниковъ, которые уже протягиваютъ свои цѣпкія руки за „кормомъ“; съ ними тоже надо жить въ ладу, а то въ дѣлахъ „кормленщика“ не добьешься никакого толку. Но этимъ „въѣзжимъ кормомъ“ не обойдешься: на Рождество, на Пасху и на Петровъ день опять надо нести „кормы“, т. е. говяжьи туши, барановъ, поросятъ, куръ, яйца, хлѣбъ; другіе повезутъ сѣно, овесъ, дрова и проч. А сколько разъ еще потребуетъ „кормленщикъ“ такихъ „кормовъ“ не въ срокъ! При Иванѣ III „кормленщики“ нерѣдко требовали себѣ вмѣсто „кормовъ“ соотвѣтствующую сумму денегъ, но отъ этого населеніе ничего не выигрывало: какъ перевести „кормъ“ на деньги, какой расцѣнки тутъ держаться?

Страдая отъ поборовъ „кормленщиковъ“ и ихъ чиновниковъ, населеніе волостей и уѣздовъ пыталось жаловаться въ Москву, но ничего изъ этого не выходило: въ Москвѣ, около государя все такіе же люди, одни уже побывали въ „кормленщикахъ“ и ждутъ новаго назначенія, другіе только готовятся къ этой службѣ; „свои“ не выдадутъ „своего“. Въ лучшемъ случаѣ изъ Москвы придетъ приказъ смѣнить „кормленщика“, а на его мѣсто пришлютъ новаго, который однако, какъ показывалъ много разъ опытъ, нисколько не лучше прежняго. Но „кормленщики“ и безъ этого долго не остаются на одномъ мѣстѣ: чтобы они не успѣли обжиться и не начали уже слишкомъ обирать населеніе, ихъ обыкновенно посылаютъ въ городъ или въ волость только на годъ; да и желающихъ попасть на эти мѣста очень много, такъ какъ на нихъ можно хорошо поправить свои дѣла. Иногда, чтобы защитить населеніе отъ „кормленщиковъ“, великіе князья издавали особыя грамоты, въ которыхъ точно опредѣляли размѣры „кормовъ“, но эти грамоты постоянно нарушались.

Наконецъ, Иванъ IV по *челобитьямъ* своихъ подданныхъ сталъ отмѣнять „кормленія“. Городамъ и волостямъ онъ позволилъ, по ихъ просьбамъ, выбирать *излюбленныхъ* людей, къ которымъ перешли дѣла отъ намѣстниковъ и волостелей. Для сбора дани и разбора судебныхъ тяжебъ выбирались на мірскомъ сходѣ *земскій староста* и *земскіе цѣловальники*, т. е. присяжные,—они цѣловали крестъ на вѣрную службу; засѣдалъ земскій староста съ цѣловальниками и производилъ судъ въ *земской избѣ*. Для сбора пошлинъ съ продаваемыхъ товаровъ и для торговли

казеннымъ виномъ въ кабакахъ выбирались „вѣрныя головы". Всѣ эти выборныя лица обязаны были всѣ собранныя деньги доставлять въ Москву; если они чего-либо не добирали изъ положеннаго государемъ, то недобранныя деньги взыскивались со всего населенія, ихъ выбравшаго. Для охраны безопасности и борьбы съ разбойниками все населеніе уѣзда стало выбирать изъ служилыхъ грамотныхъ людей *губного старосту* (губа—округъ); въ помощь ему выбирались *губные цѣловальники*.

Право выбирать себѣ должностныхъ лицъ давалось уѣздамъ и волостямъ не даромъ: за избавленіе отъ „кормовъ" и пошлинъ „кормленщикамъ" они должны были вносить въ казну опредѣленную сумму денегъ, изъ которыхъ служилымъ людямъ уплачивалось денежное жалованье. Но управленіе „кормленщиковъ" было такъ тяжело и разорительно, что населеніе соглашалось платить большія деньги, лишь бы избавиться отъ нихъ.

Такой порядокъ управленія, при которомъ населеніе само выбираетъ разныхъ должностныхъ лицъ, называется *самоуправленіемъ*. Такимъ образомъ Иванъ IV ввелъ въ московскомъ государствѣ самоуправленіе.

XVII. Войны и сношенія съ другими государствами при Иванѣ IV.

Проводя важныя перемѣны во внутреннемъ устройствѣ государства, Иванъ IV не мало силъ и вниманія удѣлилъ войнамъ и сношеніямъ съ другими государствами.

Послѣ паденія татарскаго ига (см. стр. 67) московское княжество продолжало вести борьбу съ татарами. Золотая Орда раздѣлилась въ это время окончательно на 3 части, и одна изъ этихъ частей—Казанское царство, причиняла ему особенно много хлопотъ. Казанское царство, занимавшее нижнее теченіе р. Камы и среднее теченіе р. Волги, примыкало своими предѣлами прямо къ восточнымъ границамъ Московскаго княжества и было изъ всѣхъ трехъ татарскихъ царствъ (Астраханскаго, Крымскаго и Казанскаго) самымъ близкимъ сосѣдомъ Москвы. Набѣги казанцевъ постоянно безпокоили жителей восточныхъ областей Московскаго княжества, и потому войны на этой границѣ были очень часты. При отцѣ Ивана IV противъ Казани было предпринято нѣсколько походовъ. На Волгѣ, при впаденіи въ нее р. Суры, на высокомъ берегу, была построена крѣпость Васильсурскъ, но и это приносило мало пользы. Не разъ московскіе князья прибѣ-

гали и къ другимъ средствамъ: они старались добиться того, чтобы престолъ Казанскаго царства занимали ихъ ставленники; но крымскіе ханы старались проводить на казанскій престолъ своихъ сторонниковъ. Изъ-за этого въ Казани происходила постоянно внутренняя борьба, которая ее ослабляла. Этой борьбой и рѣшилъ воспользоваться Иванъ IV, чтобы покорить Казань.

Черезъ 3 года послѣ своего вѣнчанія на царство онъ основалъ на Волгѣ, недалеко отъ самой Казани, крѣпость Свіяжскъ. Сюда стали свозить всевозможные военные припасы и провіантъ, а потомъ стали стягивать сюда и войска. Наконецъ, черезъ 2 года послѣ основанія Свіяжска, Иванъ IV съ войскомъ въ 150 тыс. человѣкъ и 150 пушками пошелъ походомъ на Казань. При осадѣ города примѣнялись подкопы подъ стѣны и производились взрывы стѣнъ порохомъ (въ Западной Европѣ порохъ въ военномъ дѣлѣ сталъ широко примѣняться уже лѣтъ за 100 до этого). Послѣ кровопролитнаго штурма Казань была взята.

Послѣ взятія Казани была взята черезъ 4 года безъ особаго труда Астрахань, лежащая недалеко отъ впаденія Волги въ Каспійское море. Московскія рати спустились внизъ по Волгѣ и захватили Астрахань.

Въ Казани и Астрахани были поселены русскіе служилые и торговые люди; въ разныхъ частяхъ бывшаго казанскаго царства были построены крѣпости, въ которыхъ поставлены гарнизоны. Но русскіе люди и добровольно шли въ новозавоеванный край: по берегамъ Волги лежали очень плодородныя черноземныя земли; по Волгѣ проходилъ важный торговый путь въ Каспійское море и дальше—въ Персію, въ Индію, къ арабамъ. Понятно, что крестьяне и купцы стали быстро и охотно заселять новый край. Кромѣ того, черезъ него открывался теперь прямой путь на Уралъ съ его горными богатствами и дальше, за Уралъ, въ Сибирь, съ ея громадными, богатыми, но пустыми еще землями. Покореніе Казани и Астрахани, двухъ крупныхъ татарскихъ царствъ, было большимъ торжествомъ для русскихъ: за 70 лѣтъ до этого пало татарское иго, теперь—Москва уже подчинила себѣ татаръ. Русскимъ землямъ теперь не грозила постоянная опасность съ востока, какъ то было раньше. Естественно, что по этому поводу народъ сложилъ много пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвалъ Ивана IV.

Борьба съ третьимъ татарскимъ царствомъ—Крымскимъ, не имѣла такого успѣха, какъ борьба съ Казанью и Астраханью. Крымъ лежалъ далеко отъ Москвы, за безлѣсными и маловод-

ными степями, и находился подъ покровительствомъ Турціи. О покореніи его пока нечего было и думать.

Поэтому Иванъ IV старался только возможно лучше укрѣпить южную границу государства. Она проходила тогда немного южнѣе р. Оки, и вотъ тутъ по берегамъ рѣки строились города-крѣпости съ гарнизонами изъ служилыхъ людей. Между этими городами на открытыхъ мѣстахъ проводились рвы съ высокими валами, а въ лѣсныхъ мѣстахъ—*засѣки*, т. е. на широкой лѣсной полосѣ рубился и сваливался въ безпорядкѣ лѣсъ, чтобы помѣшать движенію татарской конницы. Кромѣ того, каждое лѣто московское войско выходило на Оку „стеречь берегъ". Для предупрежденія о приближеніи татаръ къ югу отъ „берега", въ степь, въ „поле," выдвигались сторожевые наблюдательные посты. Эта укрѣпленная граница государства постепенно продвигалась при Иванѣ IV къ югу, такъ что и здѣсь предѣлы московскаго царства увеличились.

Однако, всѣ эти мѣры не давали полнаго спокойствія жителямъ московскаго государства. Татары умѣли обмануть бдительность сторожей, прорывались черезъ валы и засѣки и уводили много народу въ плѣнъ; свою добычу они продавали потомъ въ Турцію, а также венеціанскимъ и генуэзскимъ купцамъ, которыхъ много жило въ Крыму. Особенно долго помнили москвичи два набѣга крымскихъ татаръ черезъ 20 лѣтъ послѣ похода Ивана IV подъ Казань; во время перваго изъ нихъ была сожжена самая Москва, а во время второго татары были на-голову разбиты московскими воеводами.

Въ концѣ царствованія Ивана IV восточная граница московскаго государства продвинулась за Уралъ. По р. Камѣ и на Уралѣ находились обширныя владѣнія богатой, предпріимчивой семьи Строгановыхъ. Они добывали здѣсь соль, руду, распахивали землю. Для защиты своихъ промысловъ и населенія своихъ земель отъ нападеній дикихъ инородцевъ они получили право строить „города" и держать въ нихъ вооруженные отряды. Мало по малу Строгановы стали занимать земли и за Ураломъ. Сюда давно уже проникали новгородскіе купцы (см. стр. 37), а воеводы Ивана III покорили тутъ земли до самой р. Оби. За Уральскими горами Строгановы столкнулись съ дѣятельнымъ властителемъ татарскаго ханства по р. Иртышу Кучумомъ. Ханство это называлось „Сибирью". Для борьбы съ Кучумомъ, нападавшимъ на новыя владѣнія Строгановыхъ за Ураломъ, они наняли на службу отрядъ донскихъ *казаковъ*—такъ назывались поселенцы на Дону

Русскіе въ походѣ (Картина Иванова).

изъ бывшихъ холоповъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, изъ крестьянъ и мелкихъ купцовъ, не хотѣвшихъ платить податей и скрывавшихся здѣсь. Они занимались тутъ охотой и рыбной ловлей, но не прочь были пограбить торговыя суда на Дону и на Волгѣ, напасть на кочевья крымскихъ и прикаспійскихъ татаръ. Отрядъ такихъ казаковъ въ 800 чел. подъ начальствомъ Ермака и наняли Строгановы. Ермакъ быстро по рѣкамъ добрался до царства Кучума и завладѣлъ его столицей—Сибирью. Этимъ было положено начало завоеванію обширнаго края за Ураломъ, который по имени его столицы сталъ называться Сибирью. Царскіе воеводы, казаки, отдѣльные переселенцы—съ каждымъ годомъ все дальше и дальше продвигались на востокъ. Черезъ 100 лѣтъ послѣ Ивана IV граница Россіи въ Сибири дошла до самаго Великаго океана.

Такимъ образомъ на восточной границѣ Россіи при Иванѣ IV были сдѣланы большія пріобрѣтенія. Зато большая неудача постигла Ивана IV въ его попыткахъ расширить западныя границы своего царства. Когда къ Москвѣ былъ присоединенъ Новгородъ (при Иванѣ III), то московскій князь сталъ благодаря этому обладателемъ и части побережья Финскаго залива. Но все это были болотистыя мѣста, лишенныя гаваней. А между тѣмъ ко времени Ивана IV все болѣе и болѣе чувствовалась потребность вести правильныя и постоянныя сношенія съ Западной Европой. Вести ихъ черезъ сухопутную западную границу Россіи было очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что здѣшніе сосѣди Россіи—нѣмцы, объединившіеся въ особый Ливонскій союзъ или орденъ, всячески этому мѣшали; такъ, они не разъ задерживали тѣхъ иностранцевъ—мастеровъ и ремесленниковъ, которые ѣхали въ Москву: ливонцы не хотѣли, чтобы тѣ своими знаніями содѣйствовали усиленію Московскаго государства и улучшенію его войска. Въ рукахъ Ливонскаго ордена находились 2 ближайшіе къ границамъ Московскаго государства и наиболѣе удобные для него порты на Балтійскомъ морѣ—Ревель и Рига. И вотъ Иванъ IV рѣшилъ отнять у ливонцевъ балтійское побережье, надѣясь на ослабленіе ихъ силы вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Казани и Астрахани Иванъ IV началъ войну съ Ливоніей. Въ началѣ война шла удачно, и былъ взятъ цѣлый рядъ городовъ. Тогда въ войну вмѣшалось нѣсколько государствъ, интересы которыхъ были связаны съ Балтійскимъ моремъ, и они раздѣлили между собой

Ливонію. Послѣ этого Ивану IV пришлось вести войну съ двумя изъ этихъ государствъ — со Швеціей и Польшей. Война съ Польшей въ началѣ была удачна, и польскій король предлагалъ Ивану IV миръ, соглашаясь отдать московскому царю всѣ завоеванныя имъ земли. Для рѣшенія вопроса, продолжать войну или заключить миръ, Иванъ IV созвалъ въ Москвѣ новый *земскій соборъ* (въ 1566 году), состоявшій изъ представителей высшаго духовенства, изъ Боярской Думы и начальниковъ *приказовъ*— по нашему министерствъ, изъ представителей служилаго и торгово-промышленнаго населенія. Всего тутъ было 374 человѣка. Соборъ рѣшилъ, что можно продолжать войну, и тогда Иванъ IV увеличилъ свои требованія на земли Польши. Война продолжалась и опять не безъ успѣха для Москвы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ собора 1566 г. умеръ польскій король, и поляки предложили польскій престолъ сыну Ивана IV—царевичу Ѳедору, чтобы прекратить вражду двухъ государствъ, но царь Иванъ хотѣлъ самъ сѣсть на польскій престолъ. Поляки не согласились, выбрали себѣ новаго короля и возобновили войну. Вмѣстѣ со шведами они вторглись въ самые московскіе предѣлы и осадили Псковъ. Тогда Иванъ IV началъ переговоры о мирѣ и отдалъ Польшѣ всѣ города, завоеванные имъ въ Ливоніи; потомъ по миру со Швеціей онъ отдалъ ей то побережье Финскаго залива, которое перешло къ Москвѣ отъ Новгорода. Такъ закончилась война, тянувшаяся 25 лѣтъ, стоившая большихъ денегъ и большихъ потерь въ людяхъ. Порты на Балтійскомъ морѣ такъ и не были пріобрѣтены.

Однако сношенія съ Западной Европой при Иванѣ IV все-таки установились. Вскорѣ же послѣ покоренія Казани къ устью Сѣверной Двины (см. карту) случайно присталъ англійскій корабль. Дѣло въ томъ, что англичане отправили въ Сѣверный Ледовитый океанъ 3 корабля, которые должны были найти путь вокругъ Азіи въ Китай. Въ Бѣломъ морѣ 2 изъ этихъ кораблей погибли, а 3-й спасся въ устьѣ С. Двины. Капитанъ этого корабля Ченслеръ отправился въ Москву и былъ радушно принятъ царемъ. Всѣ его товары были куплены въ казну. Черезъ 2 года Ченслеръ вновь прибылъ въ Москву тѣмъ же путемъ, а еще черезъ 2 года Иванъ IV отправилъ въ Англію посольство для веденія переговоровъ о союзѣ противъ Польши и Швеціи (Иванъ IV велъ тогда Ливонскую войну,—см. выше). Такъ завязались сношенія съ Англіей, и потомъ уже каждое лѣто въ устье С. Двины стали приходить англійскія торговыя суда. Для англійскихъ куп-

Торговая пристань въ Архангельскѣ. (Картина Курдюмова).

цовъ были установлены всякія льготы,—они не платили пошлинъ въ русскую казну, и потому они охотно стали ѣздить въ Россію. Правда, путь сюда изъ Англіи былъ труденъ, проникнуть въ Бѣлое море можно было только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ отъ устья С. Двины до Москвы товары нужно было везти еще болѣе 1,000 верстъ—лѣтомъ большей частью по рѣкамъ, а зимой—на лошадяхъ,—но выгоды отъ торговли съ „Московіей“, какъ называли Россію иностранцы, были такъ велики, что англичане преодолѣвали всѣ эти препятствія. Въ годъ смерти Ивана IV для облегченія торговыхъ сношеній черезъ Бѣлое море въ устьѣ С. Двины былъ построенъ городъ Архангельскъ. Во многихъ русскихъ городахъ англичане имѣли свои конторы и склады. Вслѣдъ за англичанами стали пріѣзжать въ Россію черезъ Бѣлое море и голландцы. [1]).

Тѣ сношенія московскаго государства съ иностранцами, которыя установились при Иванѣ III и старательно поддерживались при Иванѣ IV, приносили русскимъ главнымъ образомъ матеріальныя выгоды, но они приносили имъ не мало пользы и въ смыслѣ распространенія въ Россіи просвѣщенія, культуры. Въ этомъ отношеніи особенно много пользы принесло то изобрѣтеніе Западной Европы, которое было сдѣлано за 100 лѣтъ до Ивана IV; это — изобрѣтеніе книгопечатанія. Печатаніе книгъ началось въ Западной Европѣ еще въ XV ст., а у насъ болѣе, чѣмъ на 100 лѣтъ позже, при Иванѣ IV. Діаконъ одной московской церкви Иванъ Ѳедоровъ благодаря знакомству съ иностранцами, жившими въ Москвѣ, въ особой Нѣмецкой слободѣ, узналъ, какъ печатаются книги въ Западной Европѣ, и рѣшилъ самъ устроить печатный станокъ. Не мало помогъ ему въ этомъ дѣлѣ его пріятель Петръ Мстиславецъ, побывавшій въ Западной Руси, гдѣ книгопечатаніе уже было извѣстно. Въ своемъ предпріятіи Иванъ Ѳедоровъ нашелъ поддержку въ царѣ Иванѣ.

И вотъ въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, былъ выстроенъ первый въ Россіи печатный дворъ или «друкарня». Первой книгой, отпечатанной въ этой друкарнѣ, были «Дѣянія Апостольскія»; затѣмъ были отпечатаны Часовникъ и Евангеліе. Потомъ стали печатать и свѣтскія книги. Такъ началось у насъ печатаніе книгъ. Благодаря этому книгъ стало больше, онѣ сдѣлались дешевле и потому доступнѣе; распространеніе просвѣщенія послѣ этого пошло легче и быстрѣе.

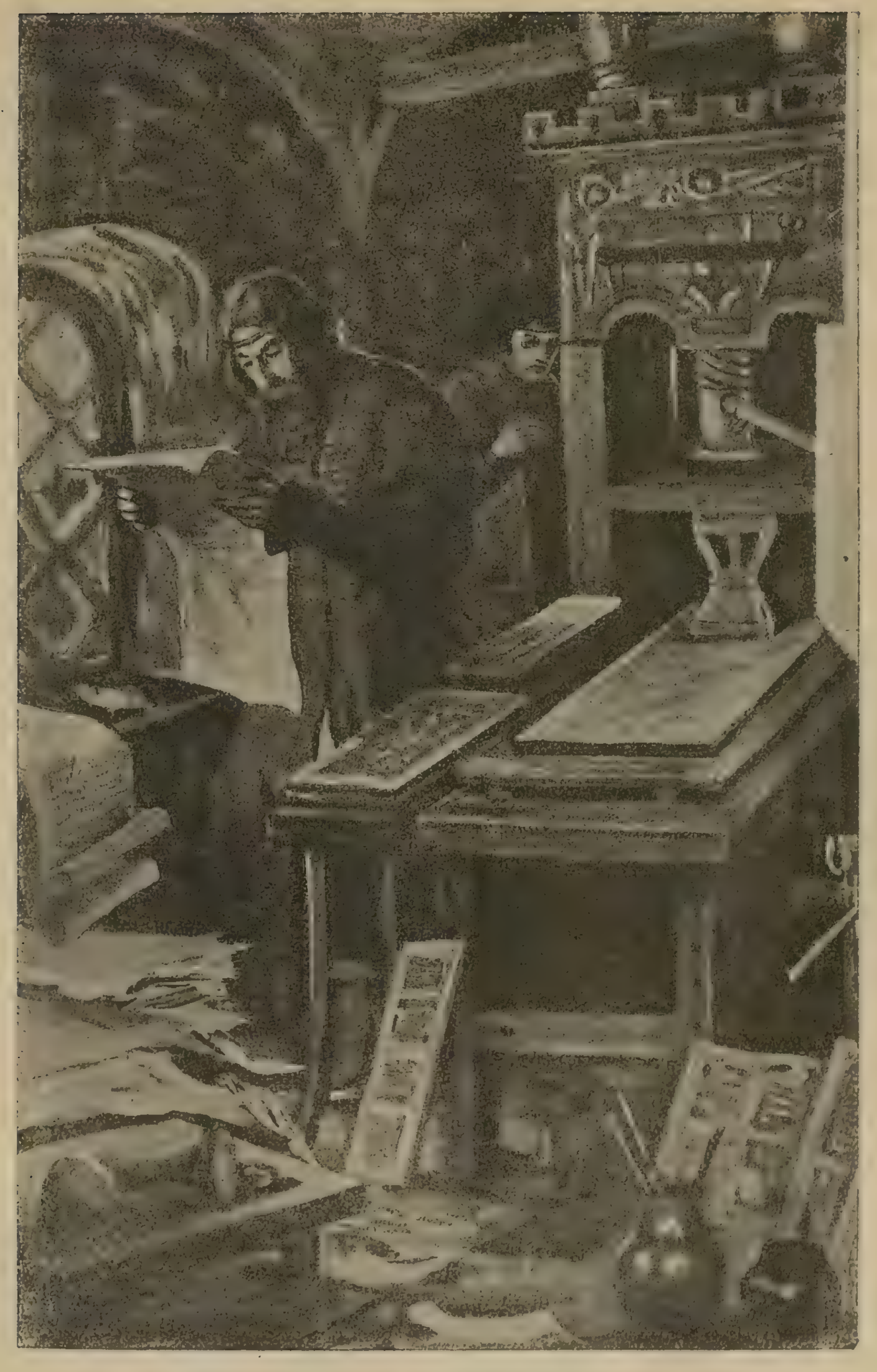
---

[1]) Большую пользу принесъ Россіи Архангельскій портъ и во время европейской войны, начавшейся въ 1914 году.

XVIII. Бояре, служилые люди и крестьяне при Иванѣ IV.

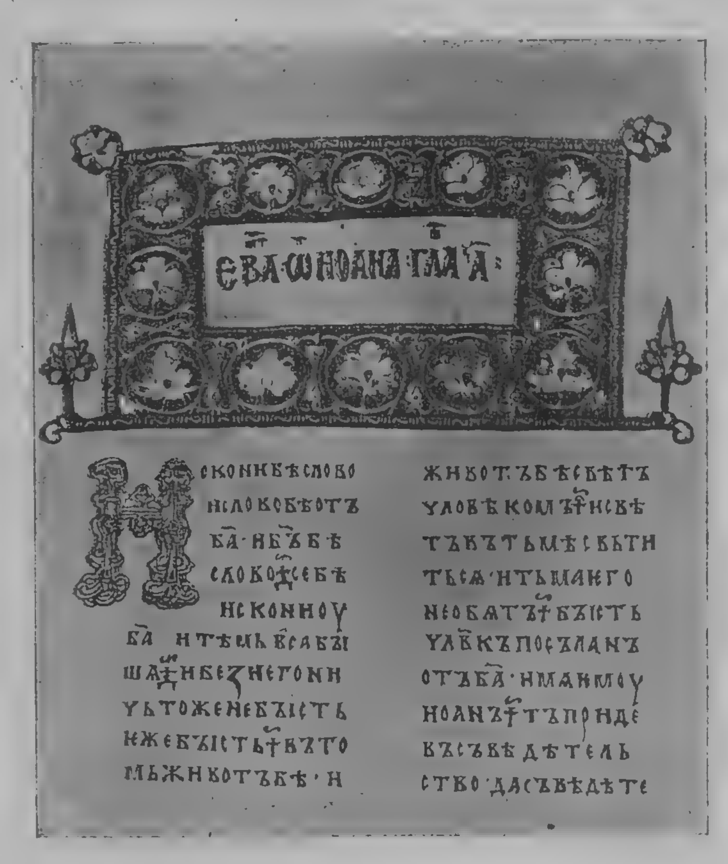
Какъ уже говорилось выше (см. стр. 70), московскіе бояре были недовольны отношеніемъ къ нимъ Ивана III и Василія III: они смотрѣли на великаго князя, какъ на перваго среди равныхъ, и хотѣли участвовать въ управленіи государствомъ, постоянно присутствуя въ совѣтѣ при князѣ—въ Боярской Думѣ; въ своихъ вотчинахъ они стремились быть по прежнему полными правителями-государями; московскіе князья Иванъ III и Василій III считали себя преемниками византійскихъ императоровъ, старались всячески возвысить свою власть и отстраняли бояръ отъ дѣлъ управленія. Въ малолѣтство Ивана IV бояре захватили въ свои руки всю власть въ государствѣ (см. стр. 74); но послѣ его вѣнчанія на царство должны были уступить первое мѣсто при царѣ такимъ людямъ, какъ митрополитъ Макарій, Сильвестръ и Адашевъ. Самоуправство и раздоры бояръ въ малолѣтство царя Ивана внушили ему сильную вражду къ нимъ. То, что онъ узналъ потомъ о поведеніи и настроеніи бояръ при его матери, отцѣ и дѣдѣ, только усилило въ немъ недоброжелательство къ нимъ. А между тѣмъ царь Иванъ имѣлъ высокое представленіе о своей власти. Онъ считалъ, что власть дается государю отъ Бога, и что только Богу государь даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Иванъ IV считалъ себя *самодержцемъ*, который вполнѣ воленъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ—кто бы они ни были, бояре, служилые люди или крестьяне; передъ нимъ всѣ равны.

Въ первые годы своего царствованія Иванъ IV не проявлялъ своей вражды и подозрительности по отношенію къ боярамъ. Царица, а также Сильвестръ и Адашевъ умѣли смягчить его подозрительность. Но уже черезъ 6 лѣтъ послѣ вѣнчанія Ивана IV на царство произошло событіе, которое сразу усилило эту подозрительность царя по отношенію къ боярамъ. Иванъ IV опасно заболѣлъ и, не надѣясь выздоровѣть, рѣшилъ объявить своимъ наслѣдникомъ младенца-сына. Во дворецъ были созваны бояре, и больной царь потребовалъ, чтобы они присягнули его сыну. Среди бояръ поднялись шумные споры, которые хорошо слышалъ царь, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ. Большая часть бояръ, а также и Сильвестръ съ Адашевымъ, отказывались признать наслѣдникомъ царя Ивана его младенца-сына: они говорили что въ этомъ случаѣ вся власть перейдетъ къ родственникамъ

Иванъ Өедоровъ. (Картина Моравова).

царевича со стороны матери—Романовымъ, а быть въ подчиненіи у нихъ они не хотятъ, и проч.; въ виду этого они предлагали признать преемникомъ царя Ивана его двоюроднаго брата князя Старицкаго. Съ большимъ трудомъ царь Иванъ настоялъ, чтобы бояре присягнули его сыну; тѣ нехотя подчинились. Послѣ этого царь сталъ поправляться и вскорѣ выздоровѣлъ. Случай, происшедшій во время его болѣзни, убѣдилъ Ивана IV въ томъ, что его непріязнь къ боярамъ основательна, что довѣрять имъ нельзя: они могутъ легко измѣнить. Однако, еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого прошло довольно спокойно и мирно: царь не мстилъ боярамъ за отказъ присягнуть его сыну, не преслѣдовалъ ихъ. Потомъ подозрительность его стала усиливаться, хотя царица Анастасія и Сильвестръ съ Адашевымъ могли еще успокаивать царя. Но послѣ смерти жены и удаленія отъ двора Сильвестра и Адашева около царя Ивана не осталось никого, кто бы могъ смягчить его гнѣвъ, ослабить его подозрительность. Окруженный новыми людьми, льстивыми и порочными, царь сталъ вести дурной образъ жизни, предаваясь пирамъ и разгулу. Гнѣвъ его теперь не зналъ удержу, по малѣйшему подозрѣнію онъ заточалъ и казнилъ бояръ, подвергая ихъ предварительно мучительнымъ пыткамъ. Не разъ преслѣдованію подвергались цѣлыя боярскія фамиліи только потому, что царемъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ одинъ изъ членовъ этой фамиліи. Имѣнія казненныхъ бояръ отбирались въ казну, а потомъ раздавались участками, какъ помѣстья, служилымъ

ЕВА ѾИОАНА ГЛА А

ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БА И БЪ БѢ
СЛОВО СЕ БѢ
ИСКОНИ ОУ
БА И ТѢМЬ ВСА БЫ
ША И БЕЗ НЕГО НИ
ЧТО ЖЕ НЕ БЫСТЬ
ИЖЕ БЫСТЬ ВЪ ТО
МЬ ЖИВОТЪ БѢ И
ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВѢТИ
ТЬСА И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБАТЪ БЫСТЬ
ЧЛВКЪ ПОСЛАНЪ
ОТЪ БА ИМА ЕМОУ
ИОАНЪ СЕИ ПРИИДЕ
ВЪ СЪВѢДѢТЕЛЬ
СТВО ДА СЪВѢДѢТЕ

Печатное Евангеліе.

людямъ. Иногда царь Иванъ ограничивался тѣмъ, что изгонялъ князей-вотчинниковъ изъ ихъ владѣній и селилъ ихъ гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другой мѣстности: ему казалось, что тутъ они будутъ менѣе опасны ему. Намѣреніе нѣкоторыхъ бояръ уѣхать въ Литву или Польшу онъ тоже объявилъ измѣной и бралъ съ бояръ обязательства „не отъѣзжать" и требовалъ, чтобы они въ этомъ ручались другъ за друга.

Наконецъ, жизнь въ Москвѣ стала казаться царю Ивану настолько опасной, что онъ рѣшилъ уѣхать изъ Москвы. Но уѣхалъ онъ не по обычному. Однажды, въ одинъ изъ зимнихъ дней 1564 года москвичи были очень удивлены, увидѣвъ громадный обозъ съ царскимъ имуществомъ, тянувшійся черезъ Москву. Потомъ изъ дворца выѣхалъ и самъ царь, но никто не зналъ, куда онъ отправился, какъ неизвѣстно было, куда отправили все царское добро. Только черезъ мѣсяцъ отъ царя пришли 2 грамоты, и стало извѣстно, что онъ въ Александровской слободѣ (теперь г. Александровскъ, Владим. губ.). Въ грамотѣ къ боярамъ царь писалъ, что онъ, видя ихъ измѣну, рѣшилъ оставить царство и гдѣ-нибудь поселиться. Въ грамотѣ къ купцамъ и простому народу говорилось, что царь на нихъ не гнѣвается и опалы на нихъ не налагаетъ.

Царь Иванъ IV.

Москвичи пришли въ большое смятеніе, узнавъ, что они остались безъ царя. Какъ говоритъ одинъ нашъ ученый, русскіе люди того времени легче могли себѣ представить государя безъ народа, чѣмъ государство безъ царя. Рѣшено было просить царя Ивана вернуться на царство. Въ Александровскую

слободу отправилось нѣсколько бояръ съ митрополитомъ, и послѣ долгихъ уговоровъ царь согласился вернуться на царство. Но онъ поставилъ условіемъ, чтобы никто не мѣшалъ ему отыскивать и наказывать измѣнниковъ и „учинить себѣ опричнину“. Послы согласились. Тогда царь Иванъ повелъ ожесточенную борьбу съ боярствомъ.

Все государство было раздѣлено на двѣ половины: на *опричнину* и *земщину*. „Опричниной“ управлялъ самъ царь, и доходы съ нея шли на содержаніе царскаго двора и царскихъ тѣлохранителей — „опричниковъ“. Во главѣ этихъ опричниковъ былъ поставленъ любимецъ царя Малюта Скуратовъ: онъ всѣхъ ихъ превосходилъ своей жестокостью. Эти опричники и стали «выводить измѣну». „Земщиной“ управляла Боярская Дума, но потомъ царь поставилъ надъ ней на нѣкоторое время царемъ крещенаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича. Впрочемъ, на дѣлѣ и „земщиной“ управлялъ самъ царь Иванъ.

Опричники, съ собачьей головой и метлой у сѣдла—въ знакъ ихъ вѣрности и обязанности выметать измѣну, разъѣзжали по русской землѣ, грабили жителей, убивали безъ суда и слѣдствія. Ужасное, мрачное время настало для Руси! Царь Иванъ, получившій потомъ за всѣ свои жестокости и казни прозвище *Грознаго*, почти не выѣзжалъ изъ Александровской слободы. Онъ превратилъ ее въ неприступную крѣпость и въ то же время въ монастырь; онъ самъ былъ въ немъ игуменомъ, а опричники—братіей. [1]) Пиры и разгулъ смѣнялись тутъ постомъ и продолжительнымъ говѣніемъ, а потомъ царь и его тѣлохранители опять принимались веселиться. Время отъ времени сюда привозили бояръ и ихъ слугъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ, и царь съ опричниками изощрялся въ пыткахъ надъ ними. Однако, имена всѣхъ загубленныхъ имъ людей царь Иванъ заносилъ въ особые списки, синодики, для поминовенія ихъ душъ за упокой. Къ концу его царствованія въ этихъ синодикахъ набралось много тысячъ именъ! Однажды царь Иванъ заподозрѣлъ въ измѣнѣ по пустому доносу цѣлый городъ Новгородъ. Большой отрядъ опричниковъ во главѣ съ царемъ отправился наказывать мнимыхъ измѣнниковъ. По дорогѣ было разорено и разграблено нѣсколько городовъ. Въ Тверскомъ-Отрочъ монастырѣ Малютой Скуратовымъ былъ задушенъ митрополитъ Филиппъ; онъ былъ заточенъ здѣсь за то, что обличалъ опричниковъ и самого царя. Сколько народу

---

1) Прочтите повѣсть гр. А. К. Толстого „Князь Серебряный“.

погибло во время погрома царемъ Иваномъ Новгорода, установить нельзя, но несомнѣнно погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Такъ царь Иванъ выводилъ измѣну, такъ онъ боролся съ боярами или „перебиралъ людишекъ“, какъ онъ самъ говорилъ. Современники-иностранцы удивлялись, какъ русскій народъ могъ переносить жестокое правленіе Ивана Грознаго; они недо-

Убіеніе митрополита Филиппа. (Картина Новоскольцева).

умѣвали, почему этотъ царь, который въ концѣ своей жизни сталъ прямо душевно-больнымъ человѣкомъ и въ 50 лѣтъ выглядѣлъ совсѣмъ старикомъ, не былъ кѣмъ-либо убитъ. Объясняется это тѣмъ, что народъ видѣлъ въ немъ помазанника Божія; царь жестокъ—но такого царя послалъ Богъ за грѣхи русскихъ людей, думали современники царя Ивана. И народъ покорно переносилъ его жестокость, направляя всю ненависть свою противъ опричниковъ Грознаго царя.

Смотръ служилыхъ людей. (Картина Иванова).

Благодаря опричнинѣ и казнямъ число бояръ сильно уменьшилось; тѣ, которые уцѣлѣли, были разорены, хозяйство ихъ разстроено, а сами они выселены на новыя земли. Вотчины бояръ, какъ уже сказано, были розданы участками служилымъ людямъ въ помѣстье. Въ этихъ служилыхъ людяхъ или дворянахъ, какъ ихъ стали называть, Иванъ Грозный хотѣлъ найти поддержку противъ измѣнниковъ—бояръ. Съ другой стороны служилые люди были нужны ему въ большомъ числѣ для веденія его продолжительныхъ и трудныхъ войнъ. И вотъ всѣми мѣрами онъ старается набрать служилыхъ людей изъ разныхъ слоевъ общества и надѣлить ихъ землями — помѣстьями. Потомъ былъ изданъ законъ о томъ, какъ и какую именно службу должны нести служилые люди со своихъ помѣстій. Какъ же правительство слѣдило за исполненіемъ этого закона?

Вотъ передъ нами картина, изображающая „Смотръ служилыхъ людей". Время отъ времени изъ Москвы посылались по городамъ бояре и дьяки, чтобы пересмотрѣть списки служилыхъ людей. Въ назначенный сборный пунктъ собирались служилые люди съ мѣстнымъ выборнымъ отъ дворянъ; онъ долженъ былъ дать о нихъ необходимыя свѣдѣнія. Картина изображаетъ такую провѣрку служилыхъ людей. Во дворѣ сидитъ за столомъ пріѣхавшій изъ Москвы бояринъ; на столѣ и въ рукахъ стоящаго около него дьяка находятся списки служилыхъ людей; дополненія и поясненія къ нимъ даетъ выборный изъ дворянъ, наклонившійся надъ столомъ; кромѣ того, списки провѣряются и опросомъ самихъ служилыхъ людей, съѣхавшихся на сборный пунктъ. Кто по собраннымъ свѣдѣніямъ не могъ больше служить, лѣнился или былъ уже старъ, того лишали помѣстья и передавали его другому служилому человѣку, который и раньше исправно несъ службу (обыкновенно родственнику прежняго); если у какого-нибудь служилаго человѣка подросталъ сынъ, то на такого „новика" ему прирѣзывали земли; прирѣзывали также за хорошую службу, за продолжительное сидѣнье въ осадѣ во время войны. Если въ данномъ мѣстѣ оставалась еще свободная земля, то ее могли отдать тѣмъ, которые только вступали въ число служилыхъ людей. Соотвѣтственно съ величиной полученнаго помѣстья служилый человѣкъ являлся на службу одинъ (на конѣ и въ полномъ вооруженіи: въ шлемѣ, кольчугѣ, съ лукомъ, стрѣлами и огнестрѣльнымъ оружіемъ) или вмѣстѣ со своими вооруженными холопами; все это опредѣлялось на такихъ смотрахъ служилыхъ людей, какъ изображенный на нашей картинѣ.

Служилые люди-помѣщики составляли конницу въ московскомъ войскѣ и были главной его силой; пѣхота состояла изъ служилыхъ людей по найму — это были „стрѣльцы“; число ихъ было значительно увеличено Грознымъ. По найму служили и „пушкари“, солдаты при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Отъ опричнины пострадали не только бояре, но и крестьяне, жившіе на ихъ земляхъ; разореніе помѣщичьихъ хозяйствъ было гибельно и для крестьянъ. Они и безъ того были въ тяжеломъ положеніи, много задолжавъ помѣщикамъ и не имѣя возможности съ ними расплатиться (см. выше, стр. 73), а вслѣдствіе погромовъ опричнины они обнищали совсѣмъ. И вотъ теперь, при Иванѣ Грозномъ, крестьяне массами бѣгутъ изъ московскаго государства на окраины, особенно на Волгу, берега которой были завоеваны царемъ Иваномъ; тутъ было много свободной плодородной земли, помѣщиковъ и чиновниковъ мало, — значитъ, жизнь привольная, свободная. Кромѣ того, крестьяне бѣжали въ степи за Оку, гдѣ тоже было много свободныхъ мѣстъ. Особенно много бѣжало крестьянъ изъ уѣздовъ, ближайшихъ къ Москвѣ, такъ какъ тутъ особенно много и часто безчинствовали опричники, такъ какъ главнымъ образомъ отсюда царь Иванъ выселялъ бояръ. Такимъ образомъ здѣсь число опустѣвшихъ деревень (см. картину) было особенно велико. Одинъ англичанинъ, пріѣхавшій въ Москву вскорѣ послѣ смерти Грознаго, насчиталъ на протяженіи 180 верстъ 50 совершенно пустыхъ деревень. Осенью по опустѣвшимъ на половину деревнямъ разъѣзжали помѣщичьи приказчики и старались сманить, „свезти“, оставшихся крестьянъ къ своимъ господамъ. Такой „сvозъ“ былъ для крестьянъ другимъ средствомъ (кромѣ побѣга), чтобы уйти отъ помѣщика; въ этомъ случаѣ новый помѣщикъ выплачивалъ старому всѣ долги крестьянина. Такой „свозъ“ крестьянъ, какъ и ихъ самостоятельный переходъ отъ одного помѣщика къ другому, происходилъ осенью, около Юрьева дня (26 ноября), по окончаніи годовыхъ сельскихъ работъ. Это время года изображено и на нашей картинѣ.

Не рѣдко крестьяне, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ, не уходили на Волгу или Донъ, а оставались внутри государства и дѣлались разбойниками. Шайки ихъ грабили проѣзжихъ по дорогамъ у самой Москвы. Число нищихъ увеличилось очень сильно, и они толпами собирались у воротъ монастырей. Въ такомъ положеніи было московское государство въ концѣ царствованія Ивана Грознаго.

Опустѣвшая деревня. (Картина Лебедева).

XIX. Послѣдній царь изъ рода Ивана Калиты.

Въ одинъ изъ припадковъ своего гнѣва Иванъ Грозный убилъ посохомъ старшаго сына Ивана*). Поэтому престолъ послѣ него перешелъ къ слѣдующему по старшинству сыну—царевичу Ѳедору. Это былъ болѣзненный и слабоумный человѣкъ, но добрый и мягкій по характеру. Онъ любилъ церковную службу, любилъ звонить въ колокола, такъ что еще его отецъ говорилъ, что ему нужно было бы родиться пономарскимъ, а не царскимъ сыномъ. Его покои во дворцѣ напоминали скорѣе монашескую келью, чѣмъ царскія палаты. Къ управленію государствомъ Ѳедоръ совсѣмъ не былъ подготовленъ. Поэтому царь Иванъ передъ смертью назначилъ нѣсколькихъ бояръ, которые должны были бы вести все управленіе государствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ опекуномъ и совѣтникомъ новаго царя былъ его дядя со стороны матери, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьинъ, но затѣмъ послѣ его смерти на первое мѣсто выдвинулся другой бояринъ, который устранилъ соперниковъ и сталъ единственнымъ совѣтникомъ царя Ѳедора. Это былъ Борисъ Годуновъ, братъ жены царя Ѳедора или, другими словами, его шуринъ. Годуновъ былъ умный человѣкъ, властолюбивый и рѣшительный. Мало-по-малу онъ забралъ всю власть въ свои руки и сдѣлался дѣйствительнымъ правителемъ государства. Иностранные послы сначала являлись къ нему, а потомъ уже представлялись

Царь Ѳедоръ.
(Старинный портретъ).

*) Картина И. Е. Рѣпина, изображающая это убійство, находится въ Московской Третьяковской галлереѣ.

царю Θедору. Его сынъ занималъ такое положеніе, какое обыкновенно занимаетъ наслѣдникъ престола; отъ иностранныхъ пословъ онъ получалъ, наравнѣ съ отцомъ и царемъ Θедоромъ, подарки.

Годуновъ правилъ государствомъ умѣло и осторожно. Послѣ ужасовъ опричнины Русская земля стала отдыхать. Сократились разбои, поднялась торговля и наполнилась царская казна. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, Годуновъ отнялъ отъ Швеціи тѣ города на Финскомъ побережьѣ, которые уступилъ ей Иванъ Грозный. Въ Сибири было построено нѣсколько городовъ-крѣпостей, и это царство окончательно закрѣплено за Москвой. Такія же крѣпости были построены въ „полѣ“ (см. выше стр. 80)—Воронежъ, Бѣлгородъ и др. Московскій митрополитъ былъ возведенъ въ санъ патріарха, и такимъ образомъ русская церковь стала независимой отъ константинопольскаго патріарха.

Все это располагало народъ къ правителю Годунову; современники говорили, что это былъ „мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ“. Но въ 1591 г. случилось происшествіе, которое многихъ вооружило противъ Годунова и сильно повредило его популярности.

Въ маѣ этого года въ Москву пришла вѣсть, что въ Угличѣ зарѣзанъ младшій братъ царя Θедора—9-лѣтній царевичъ Дмитрій. Онъ былъ сосланъ сюда послѣ смерти отца по настоянію Годунова и жилъ вмѣстѣ съ матерью царицей Марьей и ея родственниками Нагими подъ присмотромъ преданнаго Годунову дьяка Битяговскаго. Передавали, что когда царевичъ гулялъ съ мамкой во дворѣ и игралъ съ товарищами, то къ нему подошелъ какой-то человѣкъ и спросилъ: „Это у тебя, государь, новое ожерельице?“—„Нѣтъ, старое“, отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову. Въ этотъ моментъ неизвѣстный выхватилъ ножъ и ранилъ царевича въ шею. Кормилица, случившаяся во дворѣ, бросилась на защиту царевича и закричала; тогда два другихъ убійца оттащили ее отъ царевича, избили, а его самого зарѣзали. На крики во дворѣ выбѣжала царица и стала звать на помощь. Убійцы убѣжали. Все происходившее во дворѣ видѣлъ съ колокольни соборный пономарь. Онъ ударилъ въ набатъ. Когда сбѣжался народъ, царица объявила, что убійца царевича—Битяговскій. Его схватили и убили, а вмѣстѣ съ нимъ его сына и еще нѣсколько человѣкъ.

Царь Θедоръ былъ очень огорченъ, узнавъ о смерти брата,

котораго онъ любилъ и которому мечталъ передать престолъ, когда тотъ выростетъ. Онъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Угличъ, но Годуновъ отговорилъ его и предложилъ послать туда комиссію, которая разслѣдовала бы все дѣло. Царь согласился, и въ Угличъ отправились митрополитъ Геласій, кн. Василій Шуйскій и др. Комиссія донесла потомъ, что, допросивъ свидѣтелей, она пришла къ заключенію, что смерть царевича Дмитрія приключилась „Судомъ Божіимъ“—онъ самъ закололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни; Битяговскаго и другихъ людей побили въ Угличѣ напрасно. Выслушавъ докладъ комиссіи, бояре и духовенство съ патріархомъ во главѣ согласились съ ней и обвинили родственниковъ умершаго царевича въ самоуправствѣ; они были разосланы по тюрьмамъ, а царица Марья пострижена въ монахини подъ именемъ Мареы. Наказаны были и многіе изъ угличанъ. Царевичъ былъ погребенъ въ Угличѣ у соборной церкви.

Народъ однако не повѣрилъ этому объясненію смерти царевича; народная молва объявила главнымъ виновникомъ ея Бориса Годунова, который этимъ убійствомъ, какъ говорили, расчищалъ себѣ путь къ царскому престолу. Причины и обстоятельства смерти царевича Дмитрія не выяснены до сихъ поръ, и потому мы не можемъ сказать, насколько эта народная молва была права.

Царь Ѳедоръ прожилъ послѣ смерти брата еще почти 7 лѣтъ. 6 января 1598 г. онъ скончался, не сказавъ прямо, кому оставляетъ царство. Когда патріархъ и бояре спросили его передъ смертью: „Кому царство, насъ сиротъ и свою царицу приказываешь?“, царь Ѳедоръ отвѣтилъ: „Во всемъ государствѣ и въ васъ воленъ Богъ, какъ ему угодно, такъ и будетъ“.

Со смертью царя Ѳедора прекратился на московскомъ престолѣ родъ Ивана Калиты.

XX. Первый выборный царь. Начало Смуты.

Послѣ смерти Ѳедора бояре присягнули его вдовѣ царицѣ Иринѣ, но она отказалась отъ престола и уѣхала въ московскій Новодѣвичій монастырь. Здѣсь она постриглась въ монахини. Управленіе государствомъ перешло къ патріарху Іову, который сейчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы избрать новаго царя. Наиболѣе видными кандидатами на престолъ были два человѣка: племянникъ царицы Анастасіи Романовны (жены Ивана Грознаго), бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ и Борисъ Годуновъ. Патріархъ Іовъ предложилъ избрать Годунова, и вмѣстѣ съ бояра-

ми и множествомъ народа отправился въ Новодѣвичій монастырь, куда вслѣдъ за сестрой уѣхалъ Годуновъ. На просьбы патріарха занять престолъ Годуновъ отвѣтилъ отказомъ и заявилъ, что приметъ царство только въ томъ случаѣ, если его изберутъ представители всей Русской земли. Тогда рѣшено было созвать земскій соборъ [1]). Онъ собрался въ Москвѣ въ февралѣ 1598 года и состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 500 человѣкъ. Большинство собора было на сторонѣ Бориса Годунова, и онъ былъ избранъ на царство — за него стояли главнымъ образомъ служилые люди. Съ крестнымъ ходомъ и въ сопровожденіи массы народа члены собора двинулись къ Новодѣвичьему монастырю просить Годунова принять престолъ. Тотъ долго отказывался, но въ виду угрозъ патріарха закрыть всѣ церкви и прекратить богослуженіе, наконецъ, согласился. Такъ совершилось небывалое дотолѣ въ Москвѣ явленіе: на престолѣ былъ *выборный* царь.

Борисъ Годуновъ.

Первые годы царствованія Бориса прошли спокойно и тихо; онъ правилъ государствомъ такъ же, какъ правилъ уже много лѣтъ при Ѳедорѣ. Онъ стремился утвердить правосудіе, боролся со взяточничествомъ. Понимая пользу просвѣщенія, онъ охотно бралъ на службу иноземцевъ, знатоковъ разнаго ремесла и докторовъ и хотѣлъ устроить въ Москвѣ школы на иноземный ладъ; кромѣ того, онъ отправилъ учиться за границу нѣсколькихъ мо-

---

[1]) Припомните, когда былъ созванъ первый земскій соборъ, и какіе соборы бывали, кромѣ земскихъ?

лодыхъ дворянъ. Своему сыну Ѳедору онъ далъ очень хорошее по тому времени образованіе. Такъ какъ служилые люди жаловались, что деревни ихъ обезлюдѣли, потому что крестьяне не только бѣгутъ сами, но ихъ „свозятъ", кромѣ того, богатые помѣщики, то онъ запретилъ свозъ крестьянъ на земли крупныхъ помѣщиковъ (въ царствованіе Ѳедора Борисомъ Годуновымъ былъ установленъ 5-лѣтній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ крестьянъ; послѣ 5 лѣтъ бѣглаго крестьянина нельзя уже было вернуть къ прежнему владѣльцу).

Но потомъ дѣла пошли хуже. Борисъ получилъ доносъ о злыхъ умыслахъ на него бояръ Романовыхъ. Было наряжено слѣдствіе, они были признаны виновными и 5 братьевъ Романовыхъ отправлены въ ссылку. Соперникъ Годунова по избранію на престолъ бояринъ Ѳедоръ Никитичъ и его жена были пострижены въ монашество подъ именами Филарета и Марѳы. Потомъ въ связи съ этимъ дѣломъ пострадали и нѣкоторые другіе бояре. Многимъ уже казалось, что возвращаются времена опричнины Грознаго.

Затѣмъ государство постигъ страшный голодъ, продолжавшійся 3 года. Народъ страшно бѣдствовалъ. Годуновъ старался помочь ему разными мѣрами: въ наиболѣе голодныя мѣста посылалъ хлѣбъ; чтобы дать бѣднымъ людямъ заработокъ, началъ перестраивать свой дворецъ и затѣялъ постройку въ Кремлѣ большой колокольни, которая извѣстна подъ именемъ Ивана Великаго; наконецъ, сталъ даромъ раздавать хлѣбъ въ Москвѣ. Эта раздача привлекла въ Москву массу народа, среди котораго скоро развились повальныя болѣзни. Трупы людей валялись на улицахъ Москвы, такъ какъ ихъ не успѣвали вывозить за городъ. Народъ волновался. Стали говорить, что это наказаніе, посланное Богомъ за то, что на престолъ избрали цареубійцу. Говорившихъ это хватали, подвергали пыткамъ, но толки, враждебные Борису, не прекращались. Изъ разорившихся крестьянъ образовывались цѣлыя шайки разбойниковъ, съ которыми правительство не могло ничего подѣлать. Особенно много бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ было въ такъ называемой Сѣверской Украйнѣ (нынѣшнія Черниговская и Калужская губ.).

И вотъ на 5-мъ году царствованія Бориса изъ этой Украйны пошли слухи, что царевичъ Дмитрій живъ: онъ спасся въ Угличѣ отъ ножа подосланныхъ Годуновымъ убійцъ, и они убили по ошибкѣ другого мальчика. Онъ долго скрывался, но теперь идетъ къ Москвѣ, чтобы занять отцовскій престолъ. Потомъ

разсказывали, что Дмитрій скрывался въ Польшѣ въ числѣ слугъ князя Вишневецкаго; когда онъ открылся ему, то Вишневецкій представилъ его королю. Въ судьбѣ царевича особенно близкое участіе принялъ сандомирскій воевода Мнишекъ; онъ далъ ему пріютъ въ своемъ замкѣ Самборѣ и помолвилъ за него свою дочь Марину. Польское правительство не оказывало ему открыто поддержки, но не мѣшало всѣмъ, кто хотѣлъ, присоединяться къ нему.

Кто на самомъ дѣлѣ былъ этотъ человѣкъ, намъ неизвѣстно. Несомнѣнно только одно, что это былъ самозванецъ: сынъ Грознаго, царевичъ Дмитрій умеръ въ Угличѣ въ 1591 г.

Когда вѣсти о Самозванцѣ или Лжедмитріи, какъ его еще называютъ, пришли въ Москву, то Годуновъ прямо сказалъ боярамъ, что Самозванецъ — дѣло ихъ руки; что, желая свергнуть его съ престола, они нашли подставное лицо, которое и приняло имя будто-бы оставшагося въ живыхъ царевича Дмитрія. Во всеобщее свѣдѣніе было объявлено, что Самозванецъ — бѣглый послушникъ изъ Чудова московскаго монастыря Григорій Отрепьевъ, родомъ изъ служилыхъ людей.*) Но этому плохо вѣрили.

Осенью 1604 года Самозванецъ во главѣ отряда вступилъ въ предѣлы Украйны. Отрядъ его быстро увеличивался; къ нему присоединялись всѣ, кто былъ недоволенъ Борисомъ, хотя бы они и не вѣрили въ его царское происхожденіе: они думали, что при немъ имъ будетъ лучше; другіе искренно вѣрили, что это царевичъ Дмитрій и думали, что „истинный царь“ защититъ ихъ отъ „лихихъ бояръ“. Наконецъ, на Украйнѣ вообще было много темныхъ людей, которые готовы были пойти за всякимъ, кто обѣщалъ имъ добычу и хорошее жалованье.

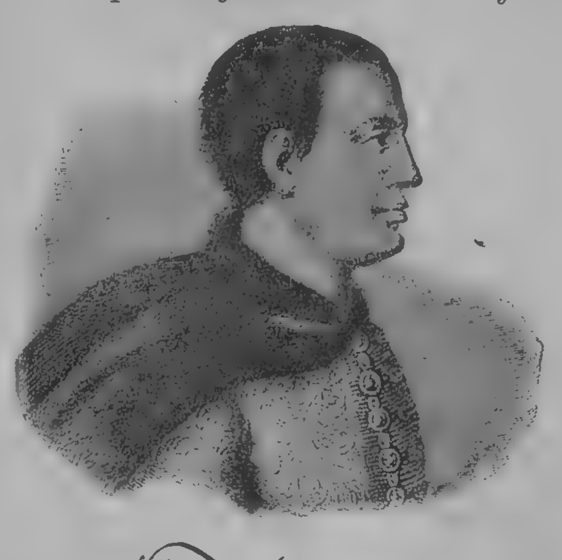
Въ первыхъ сраженіяхъ съ войсками Бориса Самозванецъ былъ разбитъ, но когда Годуновъ внезапно умеръ въ апрѣлѣ 1605 года, успѣхъ перешелъ на его сторону.

Послѣ смерти Бориса на престолъ вступилъ его сынъ Ѳедоръ, но онъ процарствовалъ всего два мѣсяца. Бояре, ненавидѣвшіе Годуновыхъ, измѣнили молодому царю и перешли на сторону Самозванца, думая потомъ избавиться и отъ него самого.

На сторону Лжедмитрія перешелъ и воевода Басмановъ, командовавшій войскомъ, посланнымъ противъ него. Когда въ Москву пришли грамоты отъ Самозванца къ населенію, то народъ потребовалъ отъ князя Василія Шуйскаго отвѣта на вопросъ,

*) Припомните ту сцену изъ „Бориса Годунова“ Пушкина, на которую было сдѣлано указаніе на стр. 30.

дѣйствительно ли царевичъ Дмитрій живъ. Шуйскій теперь всенародно заявилъ, что царевичъ Дмитрій спасся, а что въ Угличѣ былъ убитъ поповскій сынъ. Тогда толпа народа бросилась во дворецъ, схватила Годуновыхъ и перевела ихъ въ прежній домъ Бориса. Вскорѣ молодой царь и мать-царица были убиты здѣсь двумя боярами, пріѣхавшими въ Москву отъ Самозванца. Дочь Бориса царевна Ксенія была заточена въ монастырь, патріархъ Іовъ низложенъ и сосланъ. Но теперь Самозванецъ былъ уже ненуженъ боярамъ: свергнувъ Годуновыхъ, они достигли своей цѣли, и потому послѣ убійства Ѳедора Годунова князь В. Шуйскій сталъ возбуждать народъ противъ Самозванца, убѣждая не пускать его въ Москву; ему однако не повѣрили и арестовали. Вскорѣ Самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву и вѣнчался на царство.

Лжедмитрій I.

Изъ ссылки были возвращены Романовы и Нагіе; съ инокиней Марѳой Лжедмитрій встрѣтился, какъ со своей матерью, и она, кривя душой, при всемъ народѣ ласкала и цѣловала его, какъ своего сына. Филаретъ Никитичъ Романовъ былъ возведенъ въ санъ Ростовскаго митрополита. Шуйскаго Самозванецъ отдалъ подъ судъ, но, когда судъ приговорилъ его къ казни, онъ помиловалъ его, а потомъ вернулъ Шуйскому всѣ его имѣнія, вначалѣ отобранныя у него. Этимъ онъ показывалъ, что не боится Шуйскаго. Очевидно, онъ былъ искренно убѣжденъ въ своемъ царскомъ происхожденіи и не безпокоился за свою власть.

Москвичи, встрѣтившіе Лжедмитрія, какъ настоящаго царя, вскорѣ усумнились въ его царскомъ происхожденіи: онъ велъ себя не такъ, какъ по ихъ понятіямъ долженъ былъ вести себя настоящій русскій царь. За обѣдомъ онъ ввелъ музыку и пѣніе, передъ обѣдомъ не молился, а послѣ обѣда не спалъ. Самъ стрѣлялъ изъ пушекъ и участвовалъ въ примѣрныхъ сраженіяхъ,

беря приступомъ земляныя укрѣпленія. Постовъ онъ не соблюдалъ, но зато много курилъ и пьянствовалъ. Со стороны бояръ онъ вызвалъ недовольство тѣмъ, что рѣшалъ всѣ дѣла съ помощью нѣсколькихъ любимцевъ, отстранивъ всѣхъ остальныхъ отъ управленія. Въ Боярской Думѣ онъ упрекалъ бояръ въ необразованности и обѣщалъ посылать ихъ дѣтей за границу для науки.

Но особенное недовольство москвичей вызывало то, что въ Москву съ Самозванцемъ пріѣхало много поляковъ, которые грубо и заносчиво относились къ народу; не разъ между ними и москвичами происходили столкновенія. Наконецъ, стало извѣстно, что царь женится на полькѣ и католичкѣ Маринѣ Мнишекъ.

Но и поляки были недовольны Лжедмитріемъ. Поддерживая его, они разсчитывали, что, ставъ царемъ, онъ уступитъ Польшѣ нѣкоторыя русскія земли и будетъ содѣйствовать распространенію въ Россіи католицизма. Но ни того, ни другого не случилось.

Пользуясь недовольствомъ, возникшимъ противъ Лжедмитрія, бояре во главѣ съ Шуйскимъ составили заговоръ и вскорѣ послѣ свадьбы Самозванца привели его въ исполненіе. Въ ночь съ 16 на 17 мая Шуйскій съ отрядомъ новгородскихъ служилыхъ людей, стоявшихъ тогда подъ Москвой, вступилъ въ Кремль. Ворвавшись во дворецъ, заговорщики сначала убили Басманова, а потомъ и Лжедмитрія, который пытался найти спасеніе среди стрѣльцовъ. Въ то же время чернь грабила дома, занятые поляками, и перебила ихъ самихъ до 2.000 человѣкъ. Съ трудомъ удалось возстановить въ Москвѣ порядокъ. Такъ окончилось 11-мѣсячное царствованіе Лжедмитрія I.

XXI. Боярскій царь Василій Шуйскій.

Еще до сверженія Самозванца заговорщики-бояре, во главѣ которыхъ стоялъ Василій Шуйскій, условились, что тотъ изъ нихъ (т.-е. бояръ), кто станетъ царемъ, долженъ править вмѣстѣ съ боярами. Черезъ 2 дня послѣ смерти Лжедмитрія толпа народа, собравшаяся на Красной площади, по указкѣ бояръ провозгласила царемъ князя Василія Ивановича Шуйскаго; такимъ образомъ ни земскій соборъ, ни боярская дума въ его избраніи не участвовали.

Согласно уговору съ заговорщиками Шуйскій далъ торжественно въ Успенскомъ соборѣ „крестоцѣловальную запись“; въ

ней онъ обязывался: 1) никого не казнить, не разобравъ дѣла съ боярской думой; 2) не довѣрять доносамъ, не провѣривъ ихъ; 3) не отбирать имущества у родственниковъ виновнаго, если они сами не причастны его винѣ. Такимъ образомъ Шуйскій давалъ обѣщаніе, что не будетъ поступать такъ, какъ поступалъ Грозный во время опричнины.

Сейчасъ же по вступленіи на престолъ Шуйскій разослалъ грамоты; въ нихъ онъ говорилъ, что свергнутый царь — бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ [1]), а что онъ, Шуйскій—потомокъ Александра Невскаго; Самозванца онъ называлъ „богоотступникомъ, еретикомъ, разстригой и воромъ“, который прельстилъ московскихъ людей „омраченіемъ бѣсовскимъ“. Въ подтвержденіе того, что настоящій царевичъ Дмитрій умеръ въ Угличѣ, онъ торжественно перенесъ его мощи изъ Углича въ Москву, въ Архангельскій соборъ — усыпальницу московскихъ государей. Многіе бояре, пострадавшіе при Годуновѣ, были возвращены въ Москву.

Василій Шуйскій.

Грамотамъ Шуйскаго, однако, мало вѣрили: онъ столько разъ по разному говорилъ о смерти царевича Дмитрія, что никто не былъ увѣренъ, что теперь онъ говоритъ правду; сейчасъ же появились слухи, что царь Дмитрій спасся въ Москвѣ отъ бояръ и скоро объявитъ себя. Въ народѣ смотрѣли на Шуйскаго, какъ на *боярскаго царя*, и говорили, что у такого царя защиты не найдешь. Недовольны были и служилые люди, такъ какъ новый царь былъ выбранъ безъ ихъ участія. Они боялись, что теперь имъ будетъ хуже,

[1]) Припомните, что Шуйскій говорилъ объ этомъ раньше?

чѣмъ было при Грозномъ и Годуновѣ (см. выше стр. 97 и 105). Такъ какъ Шуйскій не сдержалъ своихъ обѣщаній, сталъ ссылать и казнить людей по своему произволу, мало совѣтовался съ боярами, то онъ скоро поссорился и съ ними. Такимъ образомъ, всѣ были недовольны новымъ царемъ.

Шуйскому было уже за 60 лѣтъ. Это былъ властолюбивый, хитрый и злопамятный человѣкъ; онъ вѣрилъ въ колдуновъ и охотно слушалъ доносчиковъ; расположить къ себѣ людей такими качествами онъ, конечно, не могъ. Уже черезъ недѣлю послѣ низверженія Самозванца въ Москвѣ было сильное волненіе противъ Шуйскаго и бояръ. Черезъ 2 недѣли оно повторилось. Затѣмъ начались волненія на Украйнѣ, въ Астрахани, по Окѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, уже къ осени 1606 года, мѣсяца черезъ 3 послѣ воцаренія Шуйскаго больше половины государства было охвачено смутой [1]).

Особенно сильныя и важныя по своимъ послѣдствіямъ волненія происходили на Украйнѣ. Здѣсь во главѣ недовольныхъ сталъ бывшій холопъ Болотниковъ. Онъ нашелъ поддержку въ воеводѣ г. Путивля князѣ Шаховскомъ, который былъ удаленъ Шуйскимъ отъ двора. Призывая населеніе къ бунту противъ властей и возбуждая крестьянъ противъ помѣщиковъ, Болотниковъ двинулся къ Москвѣ. Къ нему присоединились было тульскіе и рязанскіе дворяне, недовольные Шуйскимъ, но потомъ, уже подъ Москвой, отстали отъ него: шайки Болотникова не щадили на своемъ пути и дворянскихъ помѣстій. Дворяне перешли на сторону Шуйскаго, и онъ съ ихъ помощью отогналъ Болотникова отъ Москвы къ самой Тулѣ. Но Тула была взята Шуйскимъ только черезъ годъ. Болотниковъ былъ казненъ, а Шаховской сосланъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей.

Тѣмъ временемъ на Украйнѣ появился второй самозванецъ. Кто онъ такой былъ и откуда пришелъ, никто не зналъ. Однако, когда онъ кликнулъ кличъ и объявилъ, что онъ—царь Дмитрій, спасшійся въ Москвѣ отъ бояръ, то къ нему примкнуло не мало народу: казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и разнаго бездомнаго люда; не мало оказалось около него и поляковъ. Второй самозванецъ былъ сознательнымъ обманщикомъ и самъ не вѣрилъ въ свое царское происхожденіе. Его стали называть „Воромъ“. Подсту-

---

[1]) О смутномъ времени прочтите повѣсть М. Н. Загоскина: „Юрій Милославскій“.—Смутнымъ временемъ или Смутой называютъ годы отъ избранія на царство Бориса Годунова до выбора на престолъ новаго царя изъ рода Романовыхъ въ 1613 году.

Въ Тушинѣ. (Картина Иванова).

ливъ къ Москвѣ, онъ расположился въ 10 верстахъ отъ нея, въ с. Тушинѣ; отъ этого за нимъ утвердилось прозвище „Тушинскаго Вора“.

Пеструю и яркую картину представлялъ станъ второго Самозванца въ Тушинѣ (см. рис. на стр. 111). Кого тутъ только не было? Здѣсь можно было встрѣтить бояръ, измѣнившихъ Шуйскому, что однако не мѣшало имъ потомъ опять оказаться у него на службѣ. Своими красивыми и яркими кафтанами и блестящимъ вооруженіемъ тутъ щеголяли польскіе шляхтичи (дворяне). Зато не могли похвалиться ни одеждой ни оружіемъ тѣ остатки шаекъ Болотникова, которыя были разбиты подъ Тулой. Не мало было тутъ и новыхъ отрядовъ казаковъ и холоповъ; Воръ привлекъ ихъ на свою сторону, приказавъ объявить по городамъ, что крестьяне, господа которыхъ служатъ Шуйскому, могутъ брать себѣ ихъ вотчины и помѣстья. Наконецъ, сюда пріѣхала Марина Мнишекъ, признавшая Вора своимъ мужемъ. Польскіе купцы, которыхъ тутъ набралось до 3 тысячъ, открыли здѣсь свои лавки. Богатые люди жили здѣсь въ избахъ, привезенныхъ въ готовомъ видѣ изъ ближнихъ деревень, а простой народъ — въ землянкахъ. Для Вора были построены настоящія палаты.

Чтобы отрѣзать Москву отъ сѣверныхъ городовъ, которые были на сторонѣ Шуйскаго, изъ Тушина выступилъ особый отрядъ. Онъ занялъ дороги, ведущія изъ Москвы на сѣверъ и осадилъ Троице-Сергіевскую Лавру (см. картину). 16 мѣсяцевъ осаждали тушинцы Лавру, за крѣпкими каменными стѣнами которой укрылось много народу изъ окрестныхъ селъ. Много сильныхъ приступовъ выдерживали защитники Лавры, много ихъ самихъ погибло при этомъ, но Лавра устояла и не была взята.

Одинъ городъ за другимъ переходилъ на сторону Вора. Москва почти со всѣхъ сторонъ была окружена тушинцами (свободной оставалась дорога на Рязань), и только сѣверные города и области, которые мало пострадали отъ опричниковъ и не были затронуты смутой, оставались вѣрны Шуйскому. Сюда-то и отправилъ онъ своего племянника кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго собирать полки. Кромѣ того, онъ поручилъ ему заключить союзъ со Швеціей и просить ее о помощи. Скопинъ-Шуйскій исполнилъ это порученіе. Швеція обязалась прислать 6 тысячъ пѣхоты и конницы, но Шуйскій отдалъ ей за это тѣ города на Финскомъ побережьѣ, которые отвоевалъ Годуновъ; кромѣ того, онъ обязался помогать Швеціи противъ Польши.

Съ русскими и шведскими войсками при поддержкѣ „сѣверныхъ мужиковъ“ Скопинъ-Шуйскій очистилъ сѣверные уѣзды отъ тушинцевъ, потомъ разбилъ ихъ главныя силы подъ Тверью. Тогда тушинцы сняли осаду Троицкой Лавры. Потомъ они оставили и Тушино, откуда Воръ убѣжалъ въ Калугу. Скопинъ-Шуйскій торжественно вступилъ въ Москву.

Тушинскій лагерь распался не только потому, что надъ тушинцами одержалъ побѣду Скопинъ-Шуйскій. Была и другая причина. Какъ только Шуйскій заключилъ союзъ со Швеціей, то польскій король Сигизмундъ объявилъ ему войну. Вскорѣ онъ осадилъ Смоленскъ и потребовалъ, чтобы всѣ поляки изъ Тушина присоединились къ его войскамъ. Это и повело къ распаденію Тушинскаго лагеря.

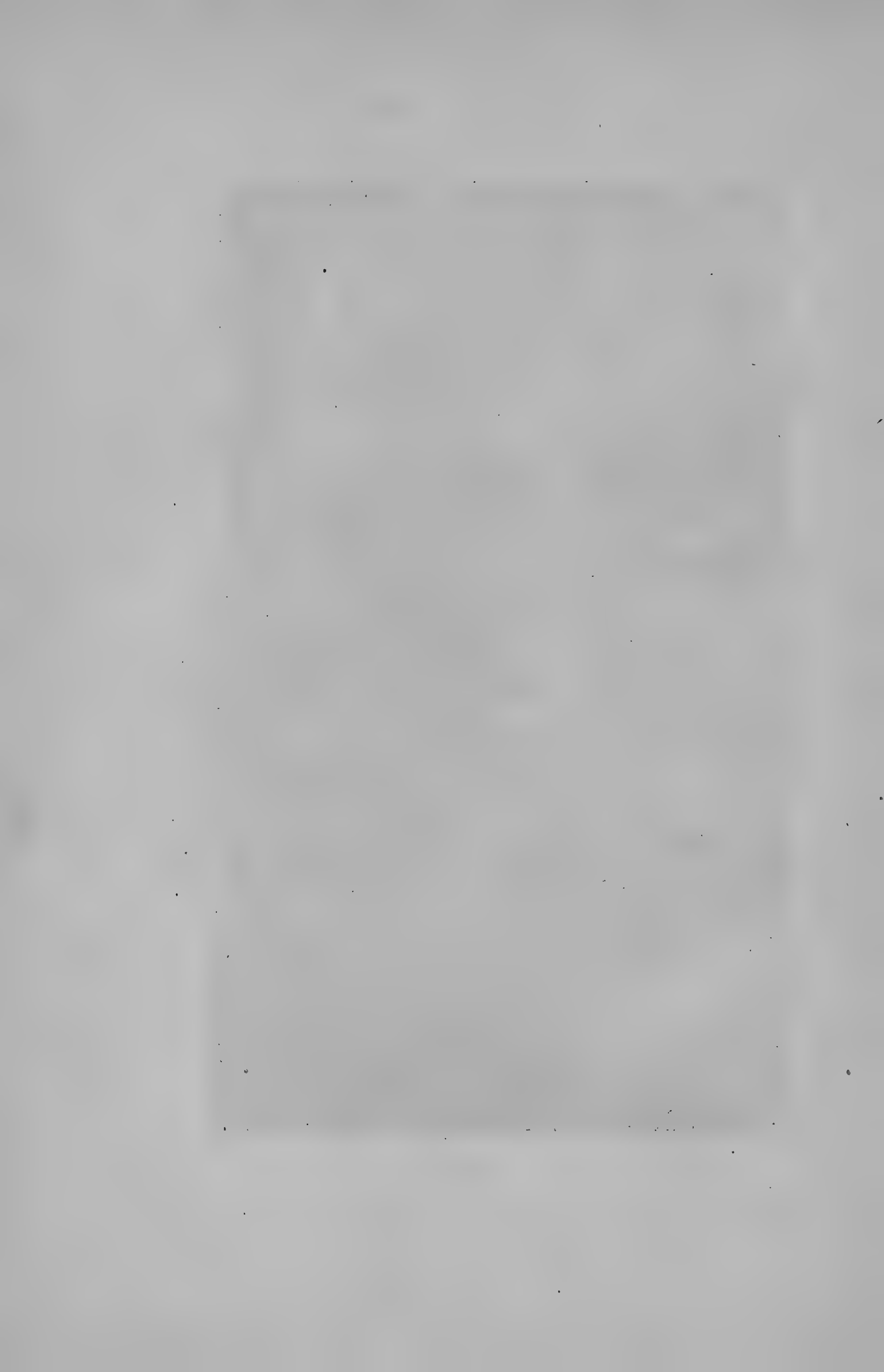
Итакъ у В. Шуйскаго явился новый врагъ—Польша. У многихъ была надежда, что нашествіе поляковъ сумѣетъ отразить кн. Скопинъ-Шуйскій, съ большимъ почетомъ встрѣченный въ Москвѣ послѣ своихъ побѣдъ надъ тушинцами. На него уже начинали смотрѣть, какъ на наслѣдника бездѣтнаго царя В. Шуйскаго. Но неожиданно, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Москву, кн. Скопинъ-Шуйскій умеръ; говорили, что его отравилъ братъ царя кн. Дмитрій, который самъ хотѣлъ наслѣдовать царю Василію. Начальникомъ войскъ, посланныхъ противъ поляковъ, сдѣлался кн. Дмитрій Шуйскій. Недалеко отъ г. Гжатска онъ былъ на голову разбитъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Русское войско въ безпорядкѣ бѣжало къ столицѣ, преслѣдуемое поляками. Въ то же время изъ Калуги къ Москвѣ подступилъ Воръ. Тогда рязанскій дворянинъ Захаръ Ляпуновъ поднялъ москвичей противъ царя В. Шуйскаго.

Ляпуновъ явился во дворецъ съ товарищами и сказалъ царю: „Долго ль за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла; ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе; сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ“. Шуйскій крикнулъ въ отвѣтъ: „Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ!“ Онъ уже выхватилъ было ножъ, но Ляпуновъ закричалъ ему: „Не тронь меня, я вотъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!“

Послѣ этого за Серпуховскими воротами была сходка, и тамъ приговорили: „Бить челомъ государю, чтобы онъ царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, государь, несчастливъ“. Шуйскій подчинился приговору

Осада Троицкой Лавры. (Картина Милорадовича).

и оставилъ царство. Черезъ нѣсколько дней его постригли насильно въ монахи, какъ онъ ни сопротивлялся.

Такъ кончилось 4-лѣтнее правленіе боярскаго царя Василія Шуйскаго.

XXII. Междуцарствіе.

Какъ и за 12 лѣтъ до этого, Москва осталась безъ царя. Управленіе перешло къ боярской думѣ. Такъ какъ въ ней засѣдало 7 бояръ, то время правленія этой думы называется „семибоярщиной“. Но сейчасъ же возникъ вопросъ, кого избрать царемъ? Патріархъ Гермогенъ совѣтовалъ избрать кого-либо изъ русскихъ. И тогда уже говорили, что можно избрать либо Михаила Ѳедоровича Романова, сына Филарета Никитича (см. выше стр. 107), либо князя Василія Васильевича Голицына. Московское простонародье стояло за Вора, который находился подъ Москвой, въ с. Коломенскомъ. Бояре, чтобы не допустить Вора на престолъ, завели переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ о возведеніи на престолъ 15-лѣтняго польскаго королевича Владислава. Объ этомъ уже велись переговоры еще за полгода до низверженія Шуйскаго, но тогда въ нихъ участвовали другія лица: служилые люди изъ Тушинскаго стана. Они предложили королю Сигизмунду возвести на престолъ его сына; но они требовали, чтобы онъ обязался поддерживать православную вѣру въ Россіи. Кромѣ того, они выставили такія условія: всѣ должны судиться по закону, безъ суда никто не можетъ быть наказанъ; Владиславъ долженъ править государствомъ при участіи боярской думы и земскаго собора; онъ долженъ возвышать людей по заслугамъ, а не по ихъ родовитости; всѣ могутъ свободно ѣздить въ другія христіанскія государства для науки; крестьяне должны быть прикрѣплены къ землѣ, а холопы по прежнему оставаться въ неволѣ; русскіе купцы могутъ свободно торговать въ Польшѣ и въ Литвѣ и ѣздить черезъ эти земли въ чужіе края и проч. Сигизмундъ подписалъ за сына эти условія, но ему присягнули только тушинцы. Теперь послѣ низверженія Шуйскаго переговоры о Владиславѣ возобновила „семибоярщина“; прежній договоръ съ Сигизмундомъ былъ пересмотрѣнъ—бояре, напримѣръ, выбросили требованіе, чтобы Владиславъ возвышалъ служилыхъ людей по заслугамъ. Бояре и Жолкѣвскій подписали этотъ договоръ, а потомъ Москва торжественно въ Успенскомъ соборѣ, присягнула королевичу. Къ Сигизмунду подъ Смоленскъ было отпра-

влено громадное посольство просить его сына на русскій престолъ; Жолкѣвскій добился того, что въ его составъ вошли князь В. В. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ—ихъ онъ считалъ наиболѣе опасными соперниками Владислава.

Послѣ подписанія договора Жолкѣвскій двинулъ свои полки на Вора и отогналъ его къ Калугѣ. Но у Самозванца было много сторонниковъ въ Москвѣ и бояре изъ боязни передъ ними просили Жолкѣвскаго занять своими войсками городъ. Такъ Москва, и прежде всего Кремль и Китай-городъ, оказались въ рукахъ поляковъ.

Патріархъ Гермогенъ.

А между тѣмъ переговоры съ Сигизмундомъ затянулись; онъ хотѣлъ самъ занять московскій престолъ, но въ Москвѣ объ этомъ и слышать не хотѣли; особенно противъ этого возставалъ патріархъ Гермогенъ. Чтобы убѣдить Сигизмунда отказаться отъ своего намѣренія, къ нему отправился изъ Москвы Жолкѣвскій; съ собой онъ захватилъ бывшаго царя В. Шуйскаго съ братьями, „чтобы они въ Московскомъ государствѣ смутъ не дѣлали“, по объясненію Сигизмунда.

Пока тянулись переговоры съ Сигизмундомъ, Воръ былъ убитъ въ Калугѣ какимъ-то татариномъ (въ декабрѣ 1610 года). Тогда многіе изъ москвичей, которые стояли за Владислава лишь бы не пустить на русскій престолъ Вора, возстали противъ избранія Владислава. Особенно энергично дѣйствовалъ патріархъ Гермогенъ. Онъ сталъ разсылать по городамъ грамоты съ призывами не признавать царемъ ни Сигизмунда ни Владислава и

постоять за православную вѣру. Поляки и бояре, стоявшіе за Сигизмунда, потребовали отъ Гермогена, чтобы онъ пересталъ разсылать такія грамоты, но Гермогенъ не подчинился. Онъ собралъ въ Успенскомъ соборѣ московскихъ посадскихъ людей, изъ слободъ и сотенъ, гостей и людей торговыхъ, и „весь посадъ заявилъ ему, что не будетъ цѣловать королю креста". Тогда поляки подвергли его заключенію въ Чудовомъ монастырѣ.

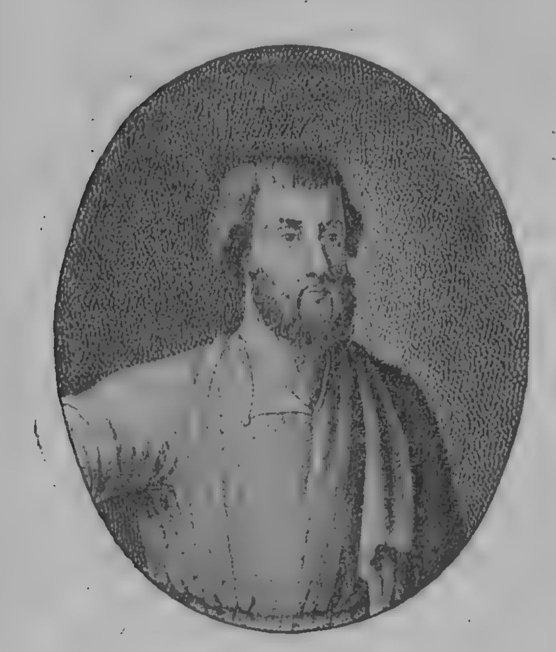
Грамоты Гермогена охотно читались и имѣли успѣхъ. Подъ вліяніемъ той опасности, которая грозила православной вѣрѣ отъ поляковъ-католиковъ и всему государству отъ вмѣшательства иностранцевъ въ русскія дѣла, пробудилось въ русскихъ людяхъ чувство любви къ родинѣ, пробудилось сознаніе, что она находится въ опасномъ положеніи, что ее надо спасать. Особенно тяжело отразилась смута, тянувшаяся уже много лѣтъ, на служилыхъ и посадскихъ людяхъ; помѣстья служилыхъ людей были разорены, торговля пришла въ полное разстройство. Поэтому служилые и посадскіе, торговые люди принялись первые за возстановленіе порядка въ государствѣ и борьбу съ поляками.

Уже въ мартѣ 1611 года дворянскіе отряды стали собираться подъ Москвой. Посадскіе люди снабжали ихъ деньгами. Во главѣ этихъ отрядовъ сталъ рязанскій воевода Прокофій Ляпуновъ. Когда поляки узнали о приближеніи русскихъ отрядовъ, они выжгли Москву вокругъ Кремля и Китай-города, а сами съ боярами заперлись за стѣнами Кремля и Китай-города. Бояре попрежнему держали сторону Сигизмунда; когда онъ взялъ Смоленскъ, они поздравили его съ побѣдой.

Къ ополченію Ляпунова присоединились казаки изъ Тушинскаго стана подъ начальствомъ кн. Трубецкого и Заруцкаго. Ляпуновъ обѣщалъ имъ волю и жалованье. Такъ какъ боярская дума была заперта въ Кремлѣ вмѣстѣ съ поляками, то управленіе государствомъ перешло къ Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому. Но согласія между ними не было. Большіе нелады были и въ средѣ самого ополченія, между дворянами-помѣщиками и казаками, бывшими раньше крестьянами. Эти нелады привели къ тому, что казаки убили Ляпунова. Тогда служилые люди стали разъѣзжаться изъ-подъ Москвы. Потомъ ушелъ въ Астрахань и Заруцкій съ казаками. Подъ Москвой остался одинъ Трубецкой.

А между тѣмъ дѣла на войнѣ шли плохо. Послѣ почти 2-хлѣтней осады поляки взяли Смоленскъ; митрополитъ Филаретъ и кн. Голицынъ, отказавшіеся уговорить смольнянъ къ сдачѣ и содѣйствовать избранію Сигизмунда, были арестованы

и увезены въ Польшу. Вскорѣ послѣ этого шведы захватили Новгородъ и нѣсколько городовъ на берегу Финскаго залива—они объявили войну Россіи послѣ того, какъ на русскій престолъ былъ избранъ Владиславъ. Если ко всему этому прибавить, что повсюду грабили казацкія и разбойничьи шайки, что правительства не было никакого, то будетъ понятно, въ какомъ ужасномъ положеніи находилось тогда русское государство. Но оно не погибло: собралось новое ополченіе, освободило Москву отъ поляковъ, на земскомъ соборѣ въ Москвѣ былъ избранъ царь, и смута закончилась. Это второе ополченіе стало собираться въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Козьма Мининъ.

Послѣ того, какъ распалось первое ополченіе, патріархъ Гермогенъ продолжалъ разсылать свои призывныя грамоты. Подобныя же грамоты разсылалъ Троицкій Сергіевъ монастырь. Разные города стали пересылаться грамотами, призывая другъ друга къ борьбѣ за возстановленіе порядка и за спасеніе родины. Но пора было уже отъ словъ перейти къ дѣлу. Примѣръ другимъ городамъ въ этомъ отношеніи подалъ Нижній-Новгородъ. Здѣсь земскій староста, торговецъ Козьма Мининъ Сухорукъ предложилъ своимъ согражданамъ собрать пожертвованія, и на нихъ снарядить новое ополченіе для освобожденія Москвы. Призывъ Минина былъ встрѣченъ сочувственно, и нижегородцы установили особый налогъ на жалованье ополченію. Предводителемъ его было рѣшено пригласить опытнаго воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Въ разные города были отправлены послы—служилый человѣкъ и посадскій, съ грамотами.

Цѣлую зиму 1611—12 г.г. собиралось въ Нижнемъ ополченіе служилыхъ людей. Но тушинскихъ людей и „воровскихъ казаковъ“ въ немъ не было. Деньгами и всѣмъ хозяйствомъ его вѣдалъ Мининъ. Весной 1612 г. ополченіе подъ предводительствомъ Пожарскаго двинулось къ Москвѣ черезъ Кострому и Ярославль (Ярославлю въ это время грозили казаки). По пути

къ нему все присоединялись новые отряды изъ сѣверныхъ городовъ. Цѣлое лѣто Пожарскій простоялъ въ Ярославлѣ. Здѣсь былъ собранъ земскій соборъ, который принялъ въ свои руки все управленіе государствомъ. Сначала хотѣли избрать на этомъ соборѣ царя, но было получено извѣстіе, что вспомогательный польскій отрядъ идетъ на выручку поляковъ, засѣвшихъ въ Кремлѣ. Это заставило Пожарскаго поспѣшить къ Москвѣ. Тутъ онъ расположился станомъ отдѣльно отъ казаковъ Трубецкого, еще не ушедшихъ изъ-подъ Москвы: служилые и посадскіе люди, составлявшіе ополченіе Пожарскаго, сторонились казаковъ, помня участь Ляпунова.

Кн. Д. М. Пожарскій.

Вслѣдъ за Пожарскимъ подошли къ Москвѣ и поляки. Сначала Пожарскій бился съ ними одинъ, но потомъ удалось уговорить казаковъ, помочь Пожарскому—келарь (завѣдующій хозяйствомъ) Троицкой лавры Авраамій Палицынъ обѣщалъ имъ всю „монастырскую Сергіеву казну“. Поляки были отбиты. Потомъ Пожарскій и Трубецкой уже вмѣстѣ взяли приступомъ Китай-городъ. Поляки продержались въ Кремлѣ еще мѣсяцъ, но голодъ заставилъ ихъ сдаться. Въ концѣ ноября 1612 года ополченіе Пожарскаго торжественно вступило въ Кремль.

XXIII. Избраніе новаго царя.

Послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ вожди ополченія, князья Трубецкой и Пожарскій, разослали по всѣмъ городамъ грамоты, призывавшія въ Москву выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ государства для избранія новаго царя. Въ самомъ началѣ 1613 г. выборные стали съѣзжаться въ Москву. Теперь уже ни для кого не казалось страннымъ, что царя нужно *выбрать* на земскомъ соборѣ; за время Смуты русскіе люди привыкли къ той мысли, что, если нѣтъ царя, который получилъ бы власть по наслѣдству отъ своего предшественника, то его можно выбрать съ общаго

совѣта и согласія; но именно нужно было, чтобы въ выборахъ принимали участіе выборные отъ всѣхъ сословій; только въ томъ случаѣ новоизбранный царь могъ быть признанъ всѣмъ государствомъ. Такъ дѣйствительно и было на земскомъ соборѣ 1613 года: на немъ присутствовали выборные отъ всей земли; всего ихъ было около 700 чел.

Когда выборные съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ: имъ они хотѣли очиститься отъ грѣховъ Смуты. Потомъ начались совѣщанія. Прежде всего стали обсуждать вопросъ, выбирать ли царя изъ иноземцевъ; этотъ вопросъ былъ рѣшенъ быстро: рѣшили выбирать только изъ русскихъ. Но выбрать своего природнаго русскаго оказалось нелегко: одни предлагали одного кандидата, другіе — другого; въ спорахъ прошло много времени. Люди, желавшіе попасть на престолъ, и ихъ сторонники стали подкупать членовъ собора, посылали имъ подарки и сулили всякія обѣщанія. Добивался престола между прочимъ кн. Пожарскій, про котораго говорили, что онъ потратилъ не мало денегъ на то, чтобы склонить членовъ собора на свою сторону. Много сторонниковъ было у кн. В. В. Голицына, способнаго и умнаго человѣка, принадлежавшаго къ старинному знатному роду, но онъ былъ въ польскомъ плѣну; другого же такого виднаго человѣка не было: послѣ смерти кн. Скопина-Шуйскаго никто не сдѣлался народнымъ героемъ.

Наконецъ, въ земскій соборъ стали поступать „писанія", т.-е. просьбы за Михаила Романова отъ дворянъ, купцовъ, городовъ Сѣверской земли и даже отъ казаковъ. Потомъ какой-то дворянинъ изъ Галича подалъ письменное мнѣніе о томъ, что ближе всѣхъ по родству къ прежнимъ царямъ изъ рода Калиты стоитъ М. Ѳ. Романовъ, а потому его и надо выбрать въ цари (припомнимъ, что на него указывалъ еще патріархъ Гермогенъ, см. выше стр. 118). Мнѣніе Галицкаго дворянина многимъ не понравилось, и раздались голоса: „Кто принесъ такое писаніе? Откуда?" Въ это время къ столу подошелъ донской атаманъ и тоже положилъ на него „писаніе". — „Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?" спросилъ его кн. Пожарскій. — „О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ", отвѣчалъ тотъ. Послѣ этого большинство склонилось въ пользу М. Романова, и онъ былъ провозглашенъ царемъ. Но окончательное рѣшеніе вопроса было отложено: рѣшили тайно разослать по городамъ вѣрныхъ людей и вывѣдать мнѣніе народа о томъ, кого хотятъ видѣть на царствѣ. „Вѣрные люди" знали, какой отвѣтъ

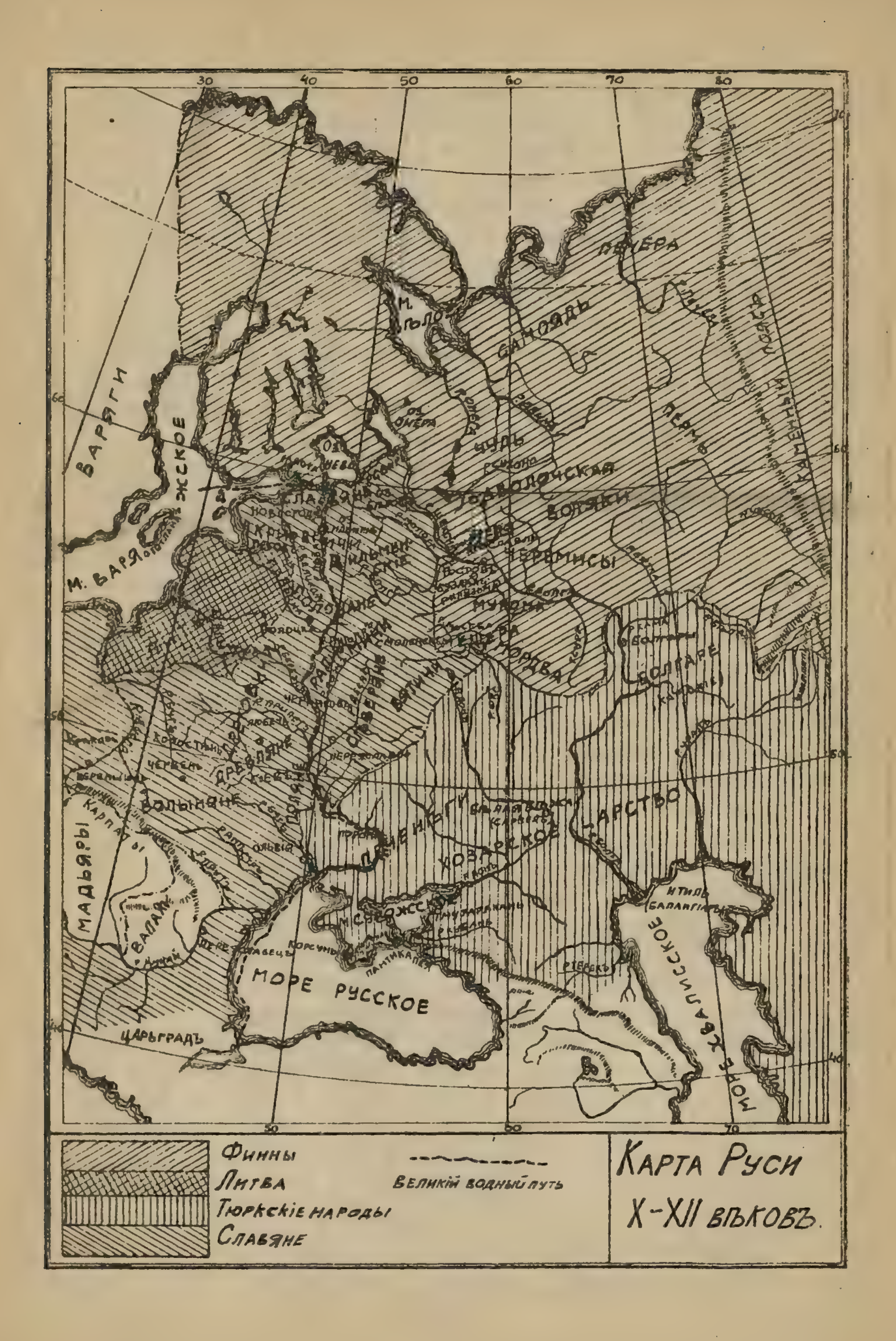
Избраніе на царскій престолъ Михаила Θеодоровича. (Изъ книги „Избраніе на царство Мих. Θед.“).

отъ нихъ требуется, да и сторонники М. Романова не теряли времени даромъ и не жалѣли денегъ; поэтому, когда „вѣрные люди“ вернулись, то сказали, что у всѣхъ на устахъ одно имя: Михаила Ѳедоровича Романова. 21 февраля, въ первое воскресенье Великаго поста онъ былъ единогласно избранъ царемъ. Когда нѣсколько духовныхъ лицъ съ бояриномъ были посланы на Красную площадь спросить народъ, кого хотятъ видѣть на царствѣ, то всѣ закричали: „Михаила Ѳедоровича“.

Такъ былъ избранъ на царство новый царь, положившій начало династіи Романовыхъ, царствовавшихъ у насъ 304 года. М. Ѳ. Романову было всего 16 лѣтъ; онъ былъ слабаго здоровья и не отличался большимъ умомъ; но зато онъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, очень любимой въ народѣ (она много пострадала, напр., при Борисѣ Годуновѣ). Фамилія Романовыхъ вела свое происхожденіе отъ стариннаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Дѣдъ Михаила Ѳедоровича Никита Романовичъ приходился братомъ первой женѣ Грознаго Анастасіи Романовнѣ; такимъ образомъ М. Ѳ. былъ родственникомъ царя Ивана IV и племянникомъ царя Ѳедора; въ глазахъ членовъ собора 1613 г. это было очень важно: царь Михаилъ долженъ былъ явиться продолжателемъ прежней царской династіи. Тогда ходилъ даже слухъ, будто царь Ѳедоръ передъ смертью устно завѣщалъ престолъ своему двоюродному брату Ѳедору (Филарету), отцу Михаила.

Но бояре, выбирая М. Ѳ., имѣли еще особыя побужденія къ этому. Такъ бояринъ Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: „Миша де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ“. Значитъ, они думали, что такой царь будетъ въ зависимости отъ нихъ, и при немъ не повторится то, что бояре испытали при Грозномъ и Годуновѣ.

Въ моментъ избранія на царство М. Ѳ. не было въ Москвѣ: онъ находился со своей матерью инокиней Марѳой въ Ипатьевскомъ монастырѣ, около Костромы. Сюда было отправлено отъ земскаго собора посольство просить его на царство. Онъ долго отказывался, а мать не хотѣла дать ему благословенія, говоря, что люди московскаго государства „измалодушествовались“ и измѣнили уже нѣсколькимъ царямъ. Послѣ долгихъ уговоровъ Михаилъ Ѳедоровичъ согласился. Въ маѣ онъ пріѣхалъ въ Москву, а 11 іюля 1613 г. вѣнчался на царство.

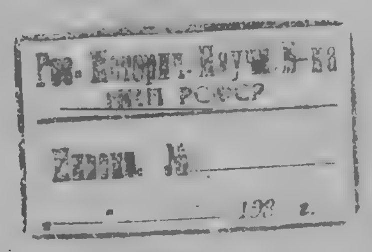

Финны
Литва
Тюркскіе народы
Славяне
Великій водный путь
Карта Руси
X-XII вѣковъ.
ВАРЯГИ
М. ВАРЯЖСКОЕ
САМОЯДЬ
ПЕЧЕРА
ПЕРМЬ
ЧУДЬ
ВОТЯКИ
ЧЕРЕМИСЫ
МУРОМА
МОРДВА
БОЛГАРЕ
ХОЗАРСКОЕ ЦАРСТВО
ПЕЧЕНЕГИ
ВОЛЫНЯНЕ
МАДЬЯРЫ
МОРЕ РУССКОЕ
ЦАРЬГРАДЪ
КОРСУНЬ
ПАНТИКАПЕЯ
МОРЕ ХВАЛИССКОЕ
ИТИЛЬ

Карта Руси
XIII–XVI вѣковъ
Пріоб. Іоанна Грознаго.
Литва
Московск. В. Кн. въ 1462 г.
Пріоб. Іоанна III
Походы Татаръ 1224-1241 гг.
Балтійское море
Финляндія
Бѣлое море
Архангельскъ
Урал
Прусія
Литва
Варшава
Краковъ
Молдавія
Трансильванія
Запорожье
Крымская орда
Ногаи малые
Ногаи большіе
Черное море
Константинополь
Каспійское море
Тифлисъ
Грузія
Бахчисарай
Рига
Дерптъ
Ревель
Выборгъ
Псковъ
Яицкіе казаки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ка